

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГБОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Тарбеев Игорь Михайлович

**Советская экспертная американистика как фактор взаимоотношений
СССР и США в период разрядки
(на примере деятельности Института США и Канады)**

Специальность: 5.6.7

История международных отношений и внешней политики

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Журавлева В.И.

Москва 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Американистика в контексте развития института внешнеполитической экспертизы в СССР	51
1.1. Введение в историю советской академической американистики	51
1.2. Становление и эволюция внешнеполитической экспертизы в СССР в 1950-е-1960-е гг.	61
1.3. Система «вращающихся дверей» и сообщество «своих»	77
1.4. Институт США как экспертно-академический центр	91
1.5. Эксперты и власть: формальные и неформальные каналы связи	111
Глава 2. Внешнеполитические рекомендации экспертов-американистов в годы разрядки	127
2.1 Прикладной конструктивизм: экспертология как имагология	127
2.2 «Внешнеполитическая программа» экспертов-американистов	134
2.3 Субъектность Института США и Канады: дискурсы экспертизы и развитие неформальных связей	152
2.4 Механизмы убеждения и аргументации в экспертных записках	172
2.5 Способы воздействия на аудиторию США	188
Глава 3. Трансфер американских идей в СССР	205
3.1. Образ США в контексте советской модернизации	205
3.2. «Неудавшийся трансфер»: американский бизнесмен в СССР	213
3.3. «Успешный трансфер»: советский «соевый проект»	230
3.4. Расширение аудитории Института США и Канады: «Научный и общественно-политический журнал»	246
3.5. Два пути модернизации в дискурсе советской идентичности	261
Заключение	276
Список источников и литературы	284
Приложения	304

Введение

Актуальность

Современные российско-американские отношения переживают глубочайший кризис, который эксперты и журналисты любят называть «новой Холодной войной». Важнейшей составляющей этого кризиса стала «война образов». Для России США остаются конституирующим Другим, играющим важную роль в формировании национальной идентичности, что становится важным фактором принятия внутри- и внешнеполитических решений.

Однако сейчас этот образ формируют не столько американисты, как это было ранее, сколько публицисты. Публицистическая американистика основывается не на академическом и экспертном анализе разных сфер жизни американского общества, а на существующих стереотипах восприятия и старых образах времен Холодной войны, что лишь препятствует формированию прагматической повестки двусторонних отношений.

В таких условиях актуализируется потребность в академическом и экспертном знании о США, как в случаях, когда речь идет о рекомендациях политикам, так и в тех, когда требуются комментарии в СМИ. Именно профессиональные американисты должны стать участниками процесса формирования представлений о США в российском обществе и в среде политических элит страны и оказывать влияние на общественно-политический дискурс.

Этим обуславливается актуальность изучения роли американистов в «старой Холодной войне». Экспертно-академическая американистика формировалась и институализировалась в СССР в 1950-е–1960-е гг. в результате государственного и общественного запроса. На рубеже 1960-х–1970-х гг. она начала оказывать реальное влияние на развитие общественно-политических наук в Советском Союзе, на внешнюю и внутреннюю политику страны и на общественное сознание. Несмотря на интерес к изучению

экспертных центров в рамках «enemy studies», в историографии отсутствует комплексное исследование роли советской американистики в период Холодной войны, а также процесса экспертного и академического конструирования образа американского Другого в контексте двусторонних отношений, что было напрямую связано с выстраиванием реальной политики в условиях биполярного противостояния.

Степень изученности темы диссертации

Тема диссертационного исследования требует погружения в различные исторические контексты: советско-американских отношений, истории взаимовосприятия двух стран, внутривнутриполитической ситуации в СССР, становления института внешнеполитической экспертизы, развития общественных наук вообще и советской американистики в частности. Именно эти контексты и определяют основные группы историографического обзора, структурированного в соответствии с проблемным принципом.

Советско-американским отношениям в годы Холодной войны посвящено большое количество книг и статей. Но начать стоит с упоминания историографических обзоров, которые обобщают работы исследователей по обе стороны Атлантики и анализируют использованные в них подходы. Прежде всего речь идет об объёмной статье В.М. Зубока и В.О. Печатнова, в которой авторы рассматривают отечественную историографию Холодной войне в последние два десятилетия прошлого века¹, и двух статьях В.И. Журавлевой, посвященных основным направлениям и методам изучения российско/советско-американских отношений в XXI в. в России и США².

¹ Статья опубликована в двух частях: Зубок В.М., Печатнов В.О. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. 2003. № 4. С. 143-150; Зубок В.М., Печатнов В.О. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. 2003. № 5. С. 140-148.

² Журавлева В.И. История взаимоотношений США с Российской империей / СССР / постсоветской Россией как академический проект в XXI в. // Американский ежегодник. 2021. М., 2022. С. 195-219; Zhuravleva V.I.

Среди обобщающих трудов, посвященных истории Холодной войны, стоит отметить работу Э.А. Иваняна «Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей». В ней метр отечественной американистики стремится представить широкую панораму культурных взаимоотношений России и США начиная с XIX в.³ Другой известный российский историк-американист В.Л. Мальков развивает эту тему в работе «Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте». Используя цивилизационный подход и отказываясь от традиционной периодизации российско/советско-американских отношений (дореволюционный период, межвоенный, военный, Холодная война), Мальков стремится рассмотреть их в долгосрочной перспективе с учетом интеллектуального и культурного контекста каждой из сторон. Сборник избранных трудов В.О. Печатнова «История и политика», в котором собраны статьи разных лет, посвящен различным сюжетам и персоналиям Холодной войны⁴. К примеру, в обзорной статье «Советско-американские отношения на протяжении Холодной войны» автор предлагает обобщающую характеристику динамики взаимоотношений двух стран в каждый период биполярного противостояния⁵.

Из недавних обобщающих работ обращают на себя внимание труды исследователей из Института США и Канады. В.А. Кременюк в монографии «Уроки Холодной войны» стремится ответить на фундаментальный вопрос о том, почему Холодная война так и не переросла в «горячую». Он исследует то, каким образом советские и американские лидеры воспринимали

The Study of the History of US-Russia Relations in the 21st Century on Both Sides of the Atlantic: Research Approaches and Methods // Новая и новейшая история. 2022. №4. Р. 29-54.

³ Иванян Э.А. Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей. М., 2007.

⁴ Печатнов В.О. История и политика. М., 2022.

⁵ Там же. С. 361-376. Впервые опубликовано: Pechatnov V.O. Soviet-American Relations through the Cold War // The Oxford Handbook of the Cold War / Ed. by R. Immerman and P. Goedde. Oxford, 2013.

международные кризисы и как извлечённые из них уроки привели к «оттепели», разрядке и «новому мышлению»; к чему привело окончание самой Холодной войны и почему новый миропорядок так и не стал устойчивым⁶. Главными темами монографии В.И. Батюка «Холодная война между США и СССР: (1945-1991 гг.)» становятся гонка вооружений и сложный переговорный процесс, направленный на ее ограничение. Исследователь отходит от традиционного хронологического нарратива Холодной войны, рассматривая, например, периоды «оттепели» и разрядки в рамках одного раздела книги, что позволяет ему показать трудный, но непрерывный процесс советско-американского диалога по проблеме ограничения ядерных вооружений в конце 1940-х – 1970-е гг.⁷

В отечественной историографии активно развиваются исследования Холодной войны, фокусирующие внимание на ее отдельных периодах и определенной проблематике. Так, в монографии «От союза – к холодной войне» В.О. Печатнов характеризует советско-американские отношения в 1945-1947 гг., стремясь показать процесс постепенного изменения политики бывших союзников в сторону конфронтации⁸. В свою очередь, И.В. Быстрова в книге «Холодная война, 1945-1960 гг.» рассматривает биполярное противостояние сквозь призму развития военно-промышленных комплексов двух сверхдержав. Опираясь на многочисленные советские и американские архивные материалы, автор исследует военно-политическое противоборство двух сверхдержав в условиях кризисов и «оттепели». Несомненным достоинством книги является изучение военного и технического сотрудничества СССР со странами восточной Европы, Африки и Латинской Америки. Быстрова стремится создать не только исторический нарратив гонки

⁶ Кременюк В.А. Уроки Холодной войны. М., 2015.

⁷ Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945-1991 гг.): очерки истории. М., 2018.

⁸ Печатнов В.О. От союза - к холодной войне: советско-американские отношения в 1945-1947 гг. М., 2006.

вооружений, но и показать, как мировоззрение и взаимовосприятие политических лидеров влияли на принятие решений. Необходимо отметить, что Быстрова, будучи специалистом по советской истории, уделяет основное внимание изучению политики СССР и его военно-промышленного комплекса⁹.

Проблематика окончания и уроков Холодной войны традиционно вызывает интерес у российских и американских исследователей, что приводит к организации международных конференций и изданию совместных российско-американских сборников и коллективных монографий. Так, например, в 2019 г. в Российском государственном гуманитарном университете была проведена конференция «Поворотные моменты в окончании “Холодной войны”: взгляд с Запада и с Востока. 1989-2019», материалы которой были опубликованы в коллективной монографии «Окончание Холодной войны в восприятии современников и историков». В ней рассматриваются различные аспекты советско-американских отношений в 1985-1991 гг.: альтернативные варианты завершения биполярного противостояния (В.О. Печатнов), вопросы использования и ограничения ядерного оружия (Д. Холлоуей), окончание Холодной войны в разных странах Европы (А.С. Стыкалин, С.А. Романенко, Н.А. Цветкова), роль гражданской дипломатии (Д. Фоглесонг), научной и образовательной дипломатии (М. Сиротинская), визуальный поворот в карикатуристике и кинематографе двух стран (В.И. Журавлева)¹⁰. Кроме того, был подготовлен специальный выпуск журнала «Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения”», включивший статьи политологов, которые принимали участие в завершавшем конференцию «круглом столе», что позволило более

⁹ Быстрова И.В. Холодная война, 1945-1960 гг. Токио – Москва – Вашингтон. М., 2009.

¹⁰ Окончание Холодной войны в восприятии современников и историков: 1985-1991 / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М., 2021.

разносторонне рассмотреть международное наследие Холодной войны и его влияние на современный миропорядок¹¹.

Зарубежная историография Холодной войны еще более объёмна, чем российская, поэтому обратим внимание на несколько исследований XXI в. Из обобщающих работ, которые помогают выстроить логику и динамику советско-американских отношений стоит отметить уже ставшие классическими монографии Дж.Л. Гэддиса, М. Леффлера и В.М. Зубока.

Гэддис посвятил российско/советско-американским отношениям несколько трудов. Прежде всего речь идет об обобщающей работе «Россия, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки»¹². История двусторонних отношений с середины XVIII века до конца Холодной войны рассматривается в рамках «политического реализма» через призму государственных интересов и идеологий. Важной для диссертационного исследования является другая книга этого метра – «Новая история Холодной войны». В ней излагается политическая история Холодной войны сквозь призму интересов США (который объясняется страной происхождения автора и доступом к архивам). Именно в этой работе Гэддис пишет об основных тенденциях советско-американских отношений в период с 1945 по 1991 гг.¹³

Монография М. Леффлера «За душу человечества: США, СССР и Холодная война» ставит вопросы о том, когда можно было завершить Холодную войну и почему этот шанс был упущен? Для ответа на них исследователь изучает поворотные, с его точки зрения, моменты биполярного противостояния, уделяя особенное внимание отношениям между лидерами двух сверхдержав: И.В. Сталиным и Г. Трумэном, Г.М. Маленковым и Д. Эйзенхауэром, Н.С. Хрущевым, Дж. Кеннеди и Л. Джонсоном, Л.И.

¹¹ Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 4.

¹² Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. N.Y., 1990.

¹³ Gaddis J.L. The Cold War. A New History. N.Y., 2005.

Брежневым и Дж. Картером, М.С. Горбачевым, Р. Рейганом и Дж. Бушем-ст. Как и Гэддис, Леффлер опирается преимущественно на американскую историографию и архивные материалы, используя лишь те советские источники, которые были переведены на английский язык¹⁴.

Скорректировать американоцентричный взгляд Гэддиса и Леффлера помогает монография Зубока, посвященная советскому взгляду на Холодную войну¹⁵. Историк уделяет особое внимание характеру, мотивам и логике действий советских лидеров, оказавших влияние на внешнюю политику СССР. Несомненными достоинствами работы являются ее источниковедческая база с особым акцентом на источники личного происхождения, а также широкое привлечение работ советских и российских историков, что часто ускользает от внимания исследователей в США и Европе. Это помогает автору глубже проанализировать процесс принятия внешнеполитических решений в СССР. В своей следующей монографии, посвященной распаду Советского Союза и основанной на репрезентативном корпусе советских и американских архивных документов, воспоминаний и интервью с участниками событий, Зубок подвергает детальному анализу позиции различных политических акторов. В результате проведенного исследования он приходит к выводу, что распад СССР не был неизбежностью¹⁶.

В последние годы в зарубежной историографии активно развиваются исследования культурного и интеллектуального взаимовлияния между социалистическими и капиталистическими странами в годы Холодной войны. Среди подобных работ стоит отметить коллективную монографию под

¹⁴ Leffler M. P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. N.Y., 2007.

¹⁵ Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011.

¹⁶ Zubok V.M. Collapse: The Fall of the Soviet Union. New Haven, 2021. На русском: Зубок В.М. Коллапс. Гибель Советского Союза. М., 2023.

редакцией С. Микконена и П. Койвунен «За пределами разлома: переплетенные истории Холодной войны в Европе». Использование множественного числа в названии неслучайно: авторы стремятся показать, насколько разнообразными были контакты между советскими и европейскими культурными пространствами, в которых находились ученые, артисты, радиоведущие и корреспонденты¹⁷. В дальнейшем редакторы и авторы развили тему культурного взаимодействия в другой коллективной монографии «Музыка, искусство и дипломатия: культурные взаимоотношения между Востоком и Западом в контексте Холодной войны»¹⁸. Норвежский ученый Г. Петери в своей статье о трансфере идей в СССР и странах Восточной Европы даже предложил концепцию «Нейлонового занавеса», которая развивает идею многочисленных контактов и культурных обменов в эпоху Холодной войны¹⁹.

Если работы европейских историков, прежде всего, освещают историю культурных контактов в Европе, то американская исследовательница Дж. Хадсон развивает эту тему в рамках изучения советско-американских отношений. Используя обширную источниковую базу, состоящую как из архивных документов, мемуаров, художественных произведений и материалов СМИ, автор демонстрирует, что культурные и интеллектуальные контакты, а также гражданская дипломатия способствовали лучшему пониманию народов двух сверхдержав в самые разные периоды Холодной войны. Важной особенностью монографии является также то, что, несмотря на использование в названии терминов «железный занавес» и «Холодная война», Хадсон стремится показать историю двусторонних культурных связей в длительной перспективе, начиная свою работу с 1870 г. Это позволяет

¹⁷ Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe / Ed. by S. Mikkonen, P. Koivunen. N.Y., 2015.

¹⁸ Music, Art and Diplomacy: East-West Cultural Interactions and the Cold War / Ed. by S. Mikkonen & P. Suutari. L., 2016.

¹⁹ Péteri G. Nylon Curtain — Transnational And Transsystemic Tendencies In The Cultural Life Of State-Socialist Russia And East-Central Europe. // Slavonica. 10. P. 113-123.

ей выстроить более детальную объяснительную схему, не ограничиваясь эпохой биполярного противостояния²⁰.

Имагология российско/советско-американских отношений в последнее время активно изучается историками по обе стороны Атлантики. Среди российских публикаций необходимо, прежде всего, отметить книгу В.О. Рукавишникова «Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России». Автор в первую очередь опирается на данные социологических опросов, которые регулярно проводились американскими и европейскими институтами с конца Второй мировой войны. Такой подход, с одной стороны, позволяет ему оперировать достаточно точными количественными данными, а с другой, ограничивает возможности анализа: автору приходится пользоваться ответами на заданные социологами вопросы, которые часто были сформулированы достаточно широко и отличались год от года, что в итоге осложняет научный синтез. Данный недостаток он восполняет материалами прессы, кино, литературных произведений и карикатур²¹.

В коллективной монографии «Враг номер один в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны» под редакцией О.В. Рябова авторы ставят своей задачей комплексный анализ конструирования образа Другого на киноэкране по обе стороны Атлантики. В книге последовательно рассматриваются особенности кинополитики в СССР и США, кинематографические приемы и семиотические средства конструирования образов, политика памяти как в игровом кино, так и в анимационных и документальных фильмах. Авторы стремятся к компаративному анализу, изучая кинематограф двух стран параллельно.

²⁰ Hudson J. M. *Iron Curtain Twitchers: Russo-American Cold War Relations*. Lanham, 2018.

²¹ Рукавишников В.О. *Холодная война, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России*. М., 2005.

Однако, в результате того, что объёмы кинопродукции, политика в отношении кино и кинематографические приемы в СССР и США значительно отличались, этот компаративный анализ не всегда удается²².

В.И. Журавлева обобщила результаты имагологического изучения взаимоотношений двух стран в недавней солидной статье «Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности». Она представляет собой метаисследование, написанное на основе собственных научных изысканий автора и новейшей историографии, и призвана объяснить динамику взаимовосприятия в длительном временном диапазоне²³. В.И. Журавлева является автором одного из самых значимых в теоретико-методологическом плане исследований по имагологии двусторонних отношений. В своей книге «Понимание России в США: образы и мифы» она проводит фундаментальный анализ репертуара образов Российской империи в Соединенных Штатах в переломный период, включавший в себя первую волну массовой эмиграции из России, Русско-японскую войну, революцию 1905-1907 гг., а в эпилоге выделяет долгосрочные тренды позиционирования образа русского Другого в США в XX в.²⁴. Используя обширную источниковую базу и конструктивистский подход, исследовательница предлагает комплексный анализ процесса взаимовосприятия, выделяя различные американские дискурсы о русском Другом с характерными для них репертуарами смыслов.

В свою очередь, в зарубежной историографии веховой монографией, в которой исследуется восприятие России в США в длительном временном диапазоне, является книга Д. Фоглесонга «Американская миссия и “Империя зла”: крестовый поход за “освобождение России” с 1881 г.». В ней автор

²² Враг номер один в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны. / Под. ред. О.В. Рябова. М., 2023.

²³ Журавлева В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. Том 15. № 2. С. 20-45.

²⁴ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы 1881-1914 гг. М., 2012.

прослеживает формирование «романтических» и «демонических» образов России (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия) в США, последовательно разбирая маятниковые имагологические изменения, которые зависели от международного и внутривосточного контекстов. Фоглесонг показывает, как мессианские устремления американцев проявлялись в стремлении модернизировать Россию за счет проекции на нее собственных представлений об общественном устройстве, массовой культуре, а также прогрессивном экономическом и технологическом развитии²⁵. Необходимо отметить, что американский исследователь принадлежит к историкам-ревизионистам, которые критически относятся к роли Соединенных Штатов в вооруженных конфликтах XX в. и возлагают на них значительную вину за начало Холодной войны.

В то время как восприятию СССР в США посвящен целый ряд интересных публикаций отечественных и зарубежных авторов, образ США в СССР остается недостаточно изученным, как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В последние годы ситуация начала меняться благодаря появлению монографий Р. Магнусдотир и Д. Файнберг. Книга Магнусдотир посвящена исследованию образа США в советском пропагандистском дискурсе на начальном этапе Холодной войны, который выстраивался на основе описания негативных характеристик развития американского общества, таких как расизм, социальная несправедливость и эксплуатация простого человека капиталистами, империалистической внешней политики. Исследовательница подчеркивает, что во второй половине 1950-х гг. с приходом к власти Н.С. Хрущева советская пропаганда в условиях курса на «мирное сосуществование» стала менее резкой. Вместе с тем,

²⁵ Foglesong D. The American Mission and the 'Evil Empire': The Crusade for a 'Free Russia' since 1881. Cambridge, 2007.

репертуар образов США стал расширяться за счет восхищения американскими достижениями в области научного, технического и экономического развития, что, тем не менее, не означало отказа от превосходства социализма над капитализмом²⁶. В то время как исследователи образа СССР/России в США зачастую ставят вопрос о восприятии транслируемого дискурса различными группами американского общества, Магнусдотир рассматривает в основном саму систему пропаганды и механизмы конструирования образов американского Другого, делая акцент на контроле над источниками информации и цензуре. В результате в ее книге советские граждане остаются пассивными объектами пропаганды, образ США в репрезентациях которых напрямую зависел от идеологической «повестки дня».

В свою очередь, Д. Файнберг пытается расширить это представление о работе советских журналистов и пропагандистов, а также поставить вопрос о восприятии пропагандистских дискурсов читательской аудиторией. Сравнивая работу американских и советских иностранных корреспондентов, автор убедительно показывает различия в подходах к работе журналиста, которые выражались, например, в разном понимании правды: если американские корреспонденты превозносили факты как основу объективной журналистики, то советские корреспонденты ориентировались больше на поиск «истиной правды», которая опиралась не столько на факты, сколько на критическое осмысление американской реальности через призму социалистической идеологии. В то же время Файнберг указывает, что и советская, и американская аудитории воспринимали свидетельства журналистов критически и, несмотря на разницу в подходах, для советских журналистов работа их американских коллег была референтной в качестве политических обозревателей. Так появилась идея о необходимости

²⁶ Magnusdottir R. *Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945-1959*. Oxford, 2019.

подготовки «советских Рестонов» по образцу знаменитого политического обозревателя и комментатора газеты “The New York Times” Джеймса Рестона. Погружение в интеллектуальный и культурный контекст американских и советских журналистов, а также их аудиторий позволяет Д. Файнбергу создать более объемное представление о взаимном восприятии СССР и США в эпоху Холодной войны²⁷.

Среди обширной историографии *истории СССР 1960-х-1970-х гг.* для решения исследовательских задач диссертации особое значение имеют работы, позволяющие переосмыслить политические и экономические процессы эпохи «застоя». Так в 2007 г. вышел специальный номер журнала «Неприкосновенный запас», темой которого стали «длинные 70-е». Под этим термином редакторы понимают особый период развития Советского Союза с 1968 по 1982 гг. Российские и зарубежные исследователи попытались представить основные черты той эпохи, проанализировав экономические тенденции, идеологию, культурную политику и жизнь, отношения общества и власти²⁸.

Один из авторов данного номера А.В. Шубин позднее развил свои идеи в монографии «Золотая осень или период застоя: СССР 1975-1985 гг.», в которой он прослеживает различные тенденции в советской политике эпохи «развитого социализма»²⁹. В книге подробно рассматриваются основные механизмы и факторы принятия решений: личные характеристики последних советских вождей, внутри- и внешнеполитические контексты, экономические эксперименты, диссидентское движение и т.д. Использование

²⁷ Fainberg D. Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Baltimore, 2020.

²⁸ Неприкосновенный запас. 2007. № 2 (52). // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2> (дата обращения: 01.05.2024)

²⁹ Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975-1985 гг. М., 2008.

многофакторного анализа позволяет Шубину создать комплексное описание периода «застоя».

В последние годы российские исследователи, занимающиеся историей СССР 1960-1970-х гг., обратились к изучению советской экономики и модернизации. Прежде всего в фокус их внимания попала проблематика торгово-экономических отношений стран социалистического блока³⁰, а также особенности политико-экономического развития Советского Союза. Стоит отметить работы А.В. Сафронова, посвященные проблемам планирования, управления экономикой, вопросам компьютеризации и участию ученых в экономических реформах 1950-1970-х гг. Будучи кандидатом экономических наук, Сафронов использует не только исторические, но и экономические методы анализа архивных документов, что позволяет ему более комплексно изучить экономические процессы указанного периода. К сожалению, автор пока не обобщил свои исследования в монографии, ограничиваясь публикацией статей по отдельным вопросам³¹.

Важной публикацией, посвященной реформам 1960-1970-х гг., стала коллективная монография «Упущенный шанс или Последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.)», подготовленная при активном участии не только историков, но и экономистов. В книге предпринимается попытка многоаспектного изучения «косыгинских реформ» с учетом роли стоящих за

³⁰ См. например: «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов / Отв. ред. М.А. Липкин. М., 2019; Глазов А.А. В поисках взаимовыгодного сотрудничества: деятельность Бюро по нефти СЭВ в 1973-1978 гг. М., 2023.

³¹ См. например: Сафронов А.В. Академия наук и новые подходы к планированию народного хозяйства в СССР (конец 1950-х - начало 1960-х годов) // Новая и новейшая история. 2024. № 1. С. 103-117; Сафронов А.В. Сотрудничество СССР со странами СЭВ в области плановой деятельности (1950-е — 1960-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029075-1-1/> (дата обращения: 01.05.2024); Сафронов А.В. Бюрократические и технологические ограничения компьютеризации планирования в СССР. // Экономическая политика. – 2022. Т. 17. № 2. С. 120–145; Сафронов А.В. Конкурентное взаимодействие Госплана СССР и академических экономистов в 1960-е - 1970-е годы XX века: причины и последствия // Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем. / Под ред. С.Д. Бодрунова. СПб., 2021. С. 382-390.

ними политиков и экспертов по экономическим вопросам. В поисках ответа на вопрос, почему реформы оказались не столь успешными, как задумывались, авторы вписывают советский реформаторский опыт в компаративный исторический контекст и стремятся оценить влияние реформ на развитие советской экономической мысли³².

Работа В.Л. Некрасова ««Дилемма Хрущева»: реформа Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы Холодной войны» посвящена более раннему периоду экономических реформ, проходивших в СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. Используя источники из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ), автор демонстрирует, как советская система пыталась найти способ модернизации народного хозяйства за счет создания конкуренции между различными ведомствами и Академией наук, стараясь при этом избежать конкуренции политической. Этот подход Некрасов назвал «авторитарной модернизацией» и показал, как опыт хрущевских реформ был использован в дальнейшем³³.

В зарубежной историографии не так много работ, посвященных детальному анализу внутренней политики СССР 1960-х – 1970-х гг. Историки, которые не имеют постоянного доступа к российским архивам, чаще всего фокусируют внимание на общих сюжетах или биографиях советских лидеров (см. следующий раздел). Кроме того, интерес западных исследователей традиционно вызывают другие периоды истории СССР, например, сталинизм и Перестройка. В результате самые обстоятельные труды по истории

³² Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / Ред. Р.М. Нуреев. М., 2017.

³³ Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы Холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М. 2019.

Советского Союза указанного периода на английском языке вышли из-под пера российских историков-иммигрантов.

Помимо уже упомянутых монографий Зубока стоит выделить еще несколько работ. Книга А.В. Юрчака нацелена на анализ взаимоотношений власти и общества, на изучение идеологии и сферы публичной политики. Автор занимается деконструкцией советского официального языка и показывает, как языковые шаблоны и клише могли создавать новые смыслы и образы. Исследователь подвергает критике бинарную модель советской действительности 1960-х – 1980-х гг., в рамках которой все советские люди рассматриваются либо как винтики системы и жертвы пропаганды, либо как диссиденты с «фигой в кармане». Используя методы социальной антропологии, Юрчак исследует то, как люди конструировали собственное представление о системе и собственные смыслы, как они выбирали во что верить, когда дистанцироваться, а в каких случаях использовать идеологию в своих целях³⁴. Советские внешнеполитические эксперты в 1960-е – 1970-е гг. конструировали собственную идентичность и выстраивали свое отношение к системе похожим образом, не противопоставляя себя советской власти, но и не превращаясь в пламенных реформаторов-ревизионистов.

Попытка реализации альтернативного подхода к изучению социокультурного развития советской эпохи «застоя» была предпринята авторами коллективной монографии «Переосмысление застоя в брежневскую эру: идеология и обмены», главными редакторами которой выступили Д. Файнберг и А.М. Калиновский. Книга посвящена различным аспектам повседневной жизни Советского Союза в 1960-е – 1980-е гг.: внутренней миграции, журналистике, туризму, кинематографу, неформальным молодежным и художественным движениям, трансферу идей между Востоком

³⁴ Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее постсоветское поколение. М., 2019.

и Западом и т.д. В определенном смысле темой монографии стало особое пространство, которое Юрчак называл «пространством внеаходимости»³⁵. Внутри него советские граждане особым образом переосмыслили идеологию, что позволяло им относительно свободно заниматься профессиональной и повседневной жизнью, участвовать в формальных и неформальных практиках, находясь одновременно внутри системы и за ее пределами³⁶.

Еще одним важным историографическим направлением являются *биографии советских лидеров*. Значительную роль в истории развития советской внешнеполитической экспертизы сыграл Ю.В. Андропов, который возглавлял Отдел по связям с коммунистическими партиями социалистических стран до 1967 г., т.е. до назначения председателем КГБ. Несмотря на то, что уже написано несколько биографий Андропова, все они преимущественно фокусируются на тех периодах его жизни, когда он был председателем КГБ или генеральным секретарем ЦК КПСС. Кроме того, большинство биографий достаточно тенденциозны. Как справедливо подмечает А.В. Шубин, «биографы бегло останавливаются на реформаторской деятельности 1982-1983 гг., а то и вовсе проходят мимо нее»³⁷, поэтому Андропов предстает жестким лидером, консерватором, антиподом М.С. Горбачева. К примеру, известный советский и российский историк Р. Медведев написал несколько биографий Андропова, однако в каждой из них период, предшествующий его назначению на пост председателя КГБ, описан без подробностей и погружения в детали и документы, лишь как некая предыстория будущей карьеры³⁸.

³⁵ Там же. С. 255-258.

³⁶ Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange / Ed. by D. Fainberg and A.M. Kalinovsky. Lanham, 2016.

³⁷ Шубин А.В. Указ. соч. С. 212.

³⁸ Медведев Р. Неизвестный Андропов. Политическая биография Юрия Андропова. М., 1999; Медведев Р. Юрий Андропов: Неизвестное об известном. М., 2004; Медведев Р. Андропов. М., 2006.

Недавняя книга историка Н.В. Петрова «Время Андропова» так же отличается крайней тенденциозностью. Биография опирается на обширную источниковую базу из архивов социально-политической истории (РГАСПИ) и новейшей истории (РГАНИ), автор публикует множество фотографий и выдержек из личного дела Андропова. Но при этом не скрывает своего крайне негативного отношения к СССР и советским руководителям, что, к сожалению, сказывается и на исследовании жизни героя его книги. Во-первых, в качестве главного периода жизни Андропова выделяется время его работы в КГБ и на посту генерального секретаря, а все, что этому предшествовало, оказываются своеобразной прелюдией. Во-вторых, сам Андропов предстает карьеристом, который затаивал бесконечные обиды на своих оппонентов, всеми силами держался за должности и стремился быть приближенным к начальству. В результате книга фокусируется именно на этих чертах личности героя, от чего страдает даже ее фактологическая часть. К примеру, в главе, посвященной деятельности Андропова на посту секретаря ЦК КПСС и заведующего Отделом по связи с компартиями соцстран, Петров акцентирует внимание на его неожиданном карьерном взлете, отношениях с Хрущевым и другими высшими партийными чиновниками, игнорируя работу Андропова в ЦК КПСС или его роль в экономических реформах, проходивших в СССР со второй половины 1950-х гг. Несмотря на использование мемуаров консультантов Андропова, например, воспоминаний Арбатова и Богомолова, Петров даже не называет их консультантами (хотя их появление в ЦК КПСС стало важной новаторской практикой, которую ввел Андропов); к самим мемуарам автор относится крайне некритично³⁹. Таким образом, в историографии на данный момент отсутствует комплексная и взвешенная биография Андропова.

³⁹ Петров Н.В. Время Андропова. М., 2023.

Биографии советских лидеров часто привлекают внимание зарубежных исследователей. Так, например, У. Таубман стал автором комплексных трудов, посвященных двум советским лидерам – Н.С. Хрущеву и М.С. Горбачеву⁴⁰. Работы Таубмана представляют собой классические биографии, особенности политической культуры, стиль управления и взгляды героев на внутреннюю и внешнюю политику остаются вне поля зрения исследователя. Тем не менее, научные биографии Таубмана основаны на репрезентативном корпусе документальных источников и эгодокументов, представляя собой образец фактологических нарративов. Биография Н.С. Хрущева позволяет проследить, как после смерти Сталина постепенно менялся подход к выстраиванию внешней политики. Именно в контексте этих изменений происходило становление советской внешнеполитической экспертизы, что во многом определило как процесс институализации в последующую эпоху, так и взгляды экспертов. Период Перестройки выходит за хронологические рамки диссертации, однако М.С. Горбачев был активным сторонником экономических реформ и модернизации еще до того, как был избран генеральным секретарем ЦК КПСС. Советские эксперты участвовали в процессе трансфера американских идей, которые могли быть полезными для советских модернизационных экспериментов. Андропов и его «протеже» Горбачев способствовали продвижению этих идей внутри советского партийного аппарата. Таким образом, биография М.С. Горбачева позволяет лучше понять замыслы американистов по поводу возможности использования американского опыта модернизации.

Так как хронологические рамки диссертации включают преимущественно период «застоя», стоит особо выделить книгу С. Шаттенберг «Леонид Брежнев: величие и трагедия человека и страны»⁴¹.

⁴⁰ Таубман У. Хрущев. М., 2008; Таубман У. Горбачев. Его жизнь и его время. М., 2019.

⁴¹ Шаттенберг С. Леонид Брежнев: величие и трагедия человека и страны. М., 2018.

Немецкая исследовательница не просто описывает основные вехи жизни Брежнева, но и анализирует особенности его системы управления, отношения с секретарями, советниками и референтами. Таким образом, она реконструирует тот контекст, внутри которого существовала внешнеполитическая экспертиза, а также принципы взаимодействия американистов с разными акторами советской политической системы. Кроме того, Шаттенберг уделяет особое внимание влиянию взглядов Брежнева и окружавшей его партийной элиты на советско-американские отношения и подходы к внешней политике, что позволяет лучше понять, как высшие партийные чиновники воспринимали рекомендации советских экспертов.

В контексте данного диссертационного исследования важнейшим историографическим блоком становятся *работы по экспертологии*, которые посвящены изучению деятельности внешнеполитических экспертных центров и отдельных экспертов и их влиянию на выстраивание российско/советско-американских отношений. Так как это направление исследований крайне обширно, ограничимся лишь ключевыми публикациями, посвященными истории внешнеполитической экспертизы и деятельности экспертов в годы Холодной войны.

В отечественной историографии интерес к исторической экспертологии появился сравнительно недавно. Исследования по истории американистики представляют собой, прежде всего, биографические очерки отдельных американистов⁴² или краткие хроники развития тех или иных

⁴² См. например: Журавлева В.И., Курилла И.И. «Не разжигать вражду, а способствовать взаимопониманию между народами». Памяти Николая Николаевича Болховитинова, человека и ученого // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Под ред. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград, 2009. С. 370–401; Козенко Б.Д., Курилла И.И. Роберт Федорович Иванов (1925–2003) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 5. М., 2010. С. 270–283; Портреты историков: время и судьбы. Т. 2. М., 2000. С. 159–182; Кременюк В.А. Академик Г.А. Арбатов – основатель Института и его директор в 1967–1995 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 2. Февраль. С. 5–19; Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 105–197; Кокошин Андрей Афанасьевич Известный историк-американист Владимир Олегович Печатнов // Вестник МГИМО. 2014. №2 (35). С. 333–337.

исследовательских центров. Яркими примерами таких хроник можно считать выпуск «Американского ежегодника» за 2008-2009 гг., целый раздел которого был посвящен развитию американистики в разных городах и университетах⁴³, сборник о кафедре новой и новейшей истории МГУ⁴⁴ или очерки филиала Института экономики «Международные экономические и политические исследования»⁴⁵. Подобные публикации регулярно появляются в разных журналах и сборниках⁴⁶.

Тем не менее, в последние годы в России были опубликованы и более фундаментальные исследования, посвященные истории экспертно-академических центров. Среди них стоит особо выделить объёмную монографию П.П. Черкасова 2004 г. «ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи»⁴⁷, расширенное и дополненное издание которой вышло в 2016 г.⁴⁸ Она написана в жанре ведомственной истории. Автор последовательно описывает процесс становления и развития Института мировой экономики и международных отношений, фокусируясь на характеристике его структуры и основных направлений экспертно-академической деятельности, роли директоров и отдельных ученых в развитии Института. Книга опирается на материалы архива самого ИМЭМО, что является как ее существенным достоинством, так и недостатком: с одной стороны, Черкасову удается выстроить большой

⁴³ Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010.

⁴⁴ Кафедра новой и новейшей истории: люди и традиции / Под общ. ред. Л.С.Белюсова. СПб., 2021.

⁴⁵ «Это было недавно, это было давно...»: Воспоминания / Отв.ред. И.И. Орлик; сост. И.И. Орлик, Т.В. Соколова. М., 2010.

⁴⁶ См. например: Носков В.В. Первые шаги американистики в Ленинграде // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 259–277; Носков В.В. Петербургская американистика: основные этапы развития // Санкт-Петербург – США. 200 лет российско-американских дипломатических отношений. СПб., 2009. С. 184–212; Носков В.В. Становление американистики в Санкт-Петербурге // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2006. СПб., 2007. С. 28–51; Печатнов В.О. Американистика в МГИМО // Вестник МГИМО. 2014. № 5 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanistika-v-mgimo> (дата обращения: 15 мая 2018).

⁴⁷ Черкасов П.П. ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи. М., 2004.

⁴⁸ Черкасов П. П. ИМЭМО. Очерк истории. М., 2016.

фактологический нарратив, а с другой, от его внимания ускользают вопросы взаимодействия экспертов с представителями власти, восприятия деятельности Института в среде партийных чиновников и роли экспертных материалов в принятии политических решений в СССР.

Другой принципиально значимой для исследования книгой, посвященной роли экспертов и ученых в идеологическом противостоянии эпохи Холодной войны, стала изданная на английском языке монография Н.А. Цветковой «Холодная война в университетах: американская и советская культурная дипломатия». В ней рассказывается о том, как советские и американские ученые и эксперты работали в университетах стран «третьего мира», а их местные коллеги, напротив, сопротивлялись советизации и американизации своего интеллектуального и культурного пространства⁴⁹.

Одной из первых попыток превратить российскую/советскую американистику в объект исследования в контексте двусторонних российско-американских отношений в их академическом измерении можно считать коллективную монографию «Русистика/советология в США, американистика в России: взаимные репрезентации в академических проектах», вышедшую под редакцией В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы в США⁵⁰. Особый интерес в этом сборнике представляет совместное введение научных редакторов, в котором они предлагают комплексное осмысление роли академического Другого в формировании национальных дискурсов идентичности. Кроме того, отдельные главы посвящены академическим центрам в интересующий нас период (например, С.И. Жука, И. А. Цветкова и А. И. Кубышкина).

Один из авторов этой коллективной монографии С.И. Жук предпринял попытку написать историю советской академической американистики. В

⁴⁹ Tsvetkova N. The Cold War in Universities. U.S. and Soviet Cultural Diplomacy 1945-1990. Leiden, 2021.

⁵⁰ Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects. / Ed. by I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. Lanham, 2016.

серии противоречивых книг, опубликованных в Соединенных Штатах,⁵¹ эмигрант украинского происхождения рассуждает об особой идентичности советских американистов и о взаимоотношениях столичных и провинциальных центров американистики при доминировании первых. Монографии Жука вызвали заслуженную критику американских историков из-за некорректного использования методологии устной истории, ограниченной источниковедческой базы и нарушения принципов источниковедческого анализа, а также стремления автора выявить повсеместные связи советских американистов с органами госбезопасности⁵².

В американской историографии экспертология активно развивается уже несколько десятилетий. Прежде всего, стоит отметить книги Д. Энгермана, посвященные американской русистике и советологии. В первой из них объектом изучения становится группа экспертов, которую он понимает довольно широко, включая в нее ученых, дипломатов, журналистов и т.д.⁵³ Именно эксперты, по мнению Энгермана, формировали образ СССР и тиражировали его внутри американского общества, оказывая влияние и на выработку внешнеполитического курса. Во второй книге Энгерман, развивая эту тему, подробно описывает становление и развитие экспертно-аналитических советологических центров в США, их взаимодействие с органами власти и с обществом⁵⁴. Однако, в своих монографиях Энгерман сосредотачивает внимание на истории самих центров и биографиях экспертов, практически не анализируя их публикации.

⁵¹ Zhuk S. *Soviet Americana: The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists*. L., 2018; Zhuk S. *Nikolai Bolkhovitinov and American Studies in the USSR. People's Diplomacy in the Cold War*. Lanham, 2017.; Zhuk S. *KGB Operations against the USA and Canada in Soviet Ukraine, 1953-1991*. N.Y., 2022.

⁵² См. например, критическую рецензию на последнюю книгу С.И. Жука, написанную Д. Фоглесонгом: *Book Reviews. Journal of Russian American Studies*. № 8(1). 2024. P. 41-42.

⁵³ Engerman D. *Modernization from the Other Shore*. L., 2003.

⁵⁴ Engerman D. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. L., 2009.

Другой обобщающей работой, посвященной американским экспертам, стала книга Н. Гильмана «Мандарины будущего: теории модернизации в Америке эпохи Холодной войны». В отличие от Энгермана, Гильмана интересует не советология, а те эксперты, которые занимались вопросами модернизации стран «третьего мира» в условиях распада колониальных империй. Автор прослеживает эволюцию разных школ теоретиков модернизации, деятельность экспертов как в роли академических ученых, так и в роли советников и политических деятелей, демонстрируя работу «системы вращающихся дверей»⁵⁵.

Американские историки Д. Дэвис и Ю. Трани в своей книге «Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке» больше фокусируются на имагологической стороне советско-американских отношений, анализируя механизмы формирования образов в среде интеллектуалов США. Авторы делают акцент на роли ученых-эмигрантов, которые стояли у истоков американской русистики и советологии. Их взгляды, одновременно антицаристские и антибольшевистские, транслировались в студенческую среду. Авторов интересует сравнительный анализ формирования образов России и Китая в США в длительной исторической перспективе, что оказывало влияние на процесс принятия внешнеполитических решений⁵⁶.

Важное место в американской историографии занимают биографии известных внешнеполитических экспертов, оказавших реальное влияние на советско-американские отношения, таких как Дж. Кеннан. Следует выделить уже ставшую классической биографию последнего, написанную Дж.Л.

⁵⁵ Gilman N. *Mandarins of the Future. Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore and London, 2003

⁵⁶ Davis D. E., Trani E. P. *Distorted Mirrors: Americans and Their Relations with Russia and China in the Twentieth Century*. Columbia, 2009 (Перевод на русский язык: Дэвис Д. Е., Трани Ю.П. *Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке*. М., 2009).

Гэддисом. Ее существенным достоинством является то, что автор лично знал своего героя и получил от него доступ к дневникам и документам, а также использовал интервью, комментарии и правки Кеннана, которые помогли ему создать комплексную биографию американского дипломата⁵⁷. Другим известным биографом Кеннана стал Ф. Костиглиола, который в 2011 г. подготовил к публикации дневники дипломата⁵⁸, а в 2023 г. опубликовал его биографию, написанную в жанре психологической истории с целью проследить становление личности и характера Кеннана, оказавшего значительное влияние на политику США по отношению к СССР⁵⁹.

Если говорить об изучении советских экспертно-академических центров, то стоит упомянуть вышедшую в 2018 г. книгу южнокорейского историка Кён Док Ро «Экономические советники Сталина: Институт Варги и советская внешняя политика», посвященную деятельности Института мирового хозяйства и мировой политики в 1924-1947 гг. Анализируя процесс его становления, развития и ликвидации, автор уделяет большое внимание интеллектуальной истории: экономическим теориям, которые выдвигались и развивались экономистами института, а также дискурсам о развитии капиталистических стран, которые транслировались на уровень власти. К сожалению, автору не удалось продемонстрировать то, как именно и на какие политические решения советские ученые оказывали непосредственное влияние. Кроме того, взаимоотношения власти и экспертов сводятся к проблеме давления первых на последних, а, например, каналы взаимодействия экспертов и чиновников, механизмы принятия конкретных решений и т.д. остаются за кадром. Несмотря на это, книга Кён Док Ро остается одним из

⁵⁷ Gaddis J. L. George F. Kennan: An American Life. N.Y., 2011.

⁵⁸ Kennan G. F. The Kennan Diaries. / Ed. by F. Costigliola. N.Y., 2014.

⁵⁹ Costigliola F. Kennan: A Life between Worlds. Princeton, 2023.

немногих комплексных исследований советского экспертно-академического центра⁶⁰.

Стоит отметить, что все вышеупомянутые авторы сосредотачиваются на истории советской академической американистики, в то время как ее экспертная составляющая остается малоизученной сферой. Таким образом, подводя итог обзора научной литературы по теме диссертационного исследования, можно сделать вывод о том, что в российской и американской историографии отсутствует комплексное исследование советской американистики как фактора двусторонних отношений в период Холодной войны. Кроме того, не проработана тема экспертно-академического конструирования образа американского Другого, его тиражирования и трансформации внутри советского общества, влияния на процесс принятия внутриполитических решений и массовое общественное сознание.

Объект исследования – внешнеполитическая экспертиза как фактор советско-американских отношений в период разрядки.

Предмет исследования – деятельность Института США и Канады Академии наук СССР как наиболее яркий пример влияния экспертного знания на советско-американские отношения в годы биполярного противостояния.

Цель исследования – на основе конструктивистского подхода изучить механизмы формирования образов американского Другого в советской экспертно-академической среде и выявить степень влияния американистов на процесс принятия внешне- и внутриполитических решений и формирование общественного сознания в конце 1960-х–1970-е гг.

Для реализации поставленной цели было необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

⁶⁰ Roh K.D. Stalin's Economic Advisors: The Varga Institute and the Making of Soviet Foreign Policy. L., 2018.

- изучить процесс институционализации советской экспертной американистики в 1950-е-1970-е гг. в контексте становления института внешнеполитической экспертизы в СССР с учетом внутренней и международной повестки;
- представить комплексную характеристику деятельности Института США и Канады АН СССР как главного центра советской экспертной американистики в системе советской внешнеполитической экспертизы;
- на примере экспертных записок Института США и Канады выявить репертуары смыслов дискурса советских экспертов-американистов и способы трансляции экспертного знания на уровень власти;
- исследовать трансфер идей из США в СССР в контексте советской модернизации с учетом имагологического фактора.

Основные **хронологические рамки** исследования охватывают период с 1950-х гг. до 1979 г. Нижней границей исследования является начало процесса становления советской экспертной американистики. Верхняя граница обусловлена окончанием периода разрядки, условным рубежом которого можно назвать ввод советских войск в Афганистан, вследствие чего в советско-американских отношениях начался новый этап конфронтации.

Источниковая база диссертации

Диссертационное исследование опирается на документы из российских архивов, опубликованные источники, а также оцифрованные архивные материалы Гостелерадиофонда.

Источники, использованные в диссертации, можно сгруппировать в соответствии с их видовыми характеристиками.

Источники официального происхождения включают в себя экспертные записки, направляемые экспертами-американистами в ЦК КПСС. Эти документы находятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). В зависимости от того, куда эксперты направляли записки,

а также в результате сложной «жизни» записок внутри советской политической системы, документы попадали в фонды разных отделов ЦК КПСС⁶¹, в личные фонды генеральных секретарей⁶² и в материалы к заседаниям Секретариата ЦК КПСС⁶³ и Политбюро⁶⁴, что затрудняет составление исчерпывающего списка всех экспертных материалов. Это станет возможным только после открытия фонда Г.А. Арбатова в Архиве РАН. Однако, на записках из РГАНИ остались многочисленные отметки и комментарии, оставленные партийными чиновниками во время чтения и обсуждения экспертных материалов. Это позволяет проанализировать перцепцию рекомендаций партийной элитой и исследовать «жизнь» записок внутри аппарата ЦК КПСС.

Записки Института США и Канады представляют собой документы особого жанра. Они основываются на научных исследованиях сотрудников Института, однако при этом не имеют научно-справочного аппарата, поскольку экспертный дискурс хоть и представляет собой производную академического, все же не является тождественным ему.

Экспертные материалы сопровождался специальным направлением на бланке Института США и Канады, на котором значились дата отправления, адресат (к примеру, отдел ЦК КПСС, заведующий отделом или секретарь ЦК), номер копии, количество приложений и т.д. Большинство экспертных записок Института США и Канады были подписаны директором Института Г.А. Арбатовым⁶⁵, хотя иногда встречаются подписи других американистов, например, заместителя директора В.В. Журкина. Тем не менее нельзя считать

⁶¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60-90.

⁶² РГАНИ. Ф. 80, 82-83.

⁶³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20, 22-24.

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68-72.

⁶⁵ По воспоминаниям В.О. Печатнова, Арбатов «не просто “подмахивал” эти записки, а тщательно их редактировал, прежде чем отправлять адресату»: Печатнов В.О. Авторитет директора был неподдельным // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 167.

автором записки какого-то одного человека. Они были результатом коллективного творчества сотрудников Института. Несмотря на это автор диссертации для удобства иногда использует такие обороты как «Арбатов писал» или «Арбатов утверждал», так как директор являлся представителем всего научного коллектива и выступал от его имени, чему также способствовали связи и известность Арбатова в среде политической элиты СССР.

Экспертные материалы Института США и Канады, направленные в ЦК КПСС, являются основным источником для диссертационного исследования. Изучение этих документов позволяет: представить комплексную характеристику деятельности Института как главного центра экспертной американистики в системе советской внешнеполитической экспертизы; выявить репертуары смыслов экспертного дискурса и способы трансляции экспертного знания на уровень власти; проследить участие американистов в процессе принятия внутри- и внешнеполитических решений.

Мемуары Г.А. Арбатова, в которых он цитирует и пересказывает экспертные материалы⁶⁶, наводят на мысль, что копии записок оставались в архиве директора Института США и Канады. К сожалению, фонд Г.А. Арбатова был передан в архив РАН лишь недавно, до сих пор еще не описан и не доступен исследователям. Документы этого фонда позволят в будущем, во-первых, получить полный корпус экспертных материалов Института США и Канады; во-вторых, реконструировать процесс их создания; в-третьих, уточнить роль самого Г.А. Арбатова не только в написании экспертных записок, но и в подготовке других документов и выработке политических решений.

⁶⁶ См. например: Арбатов Г.А. Человек системы. М., 2015. С. 121-135.

Кроме экспертных записок в диссертации используются внутренние документы научно-исследовательских центров и институтов, в которых работали советские американисты. Среди них стоит выделить отчеты о командировках и записи бесед с иностранцами, позволяющие исследовать научные связи советских американистов, а также источники формирования академических образов. Эти источники хранятся в архиве Российской академии наук (РАН). Так как предметом диссертационного исследования является деятельность Института США и Канады АН СССР как ведущего экспертно-аналитического центра советской американистики, интерес представляет прежде всего фонд Института⁶⁷.

Советские внешнеполитические эксперты не всегда использовали официальные каналы для того, чтобы донести свои идеи до руководства страны. Как будет продемонстрировано в первой главе, они часто опирались на личные контакты и неофициальные беседы, которые могли дополнять официальные экспертные материалы или даже полностью их заменять. Эту особенность работы советской внешнеполитической экспертизы стоит иметь в виду, так как качественному исследованию поддается только официальный канал взаимодействия экспертов с политическим руководством СССР. О неформальных контактах можно судить лишь косвенно, опираясь на многочисленные мемуары.

Источники личного происхождения включают в себя, прежде всего, мемуары участников событий (советских чиновников, американистов, дипломатов). Многие советские эксперты, работавшие в ЦК КПСС и Институте США и Канады, оставили подробные воспоминания. Среди этих мемуаров следует выделить воспоминания директора Института США и

⁶⁷ АРАН. Ф. 2021. Недавно в архив РАН был передан фонд директора Института США и Канады Г.А. Арбатова (АРАН. Ф. 2254). Документы фонда до сих пор находятся на стадии обработки.

Канады Г.А. Арбатова⁶⁸. В них он подробно рассказывает о своих отношениях с советскими руководителями и деятельности ИСК АН. Ценными являются свидетельства о работе советских экспертов в период, предшествующий созданию Института США, особенно в группе консультантов Отдела по связям с коммунистическими партиями социалистических стран, который возглавлял Ю.В. Андропов.

Несмотря на то, что мемуары, как и все источники личного происхождения, субъективны, многие свидетельства Арбатова можно проверить при помощи сопоставления с документами из архивов РГАНИ и АРАН, прежде всего, с экспертными записками, отправленными в ЦК КПСС. Записки позволяют верифицировать воспоминания Г.А. Арбатова о направлениях деятельности Института США и Канады в конце 1960-х – начале 1970-х гг., рекомендациях экспертов и даже то, каким образом Арбатов оценивает восприятие экспертных материалов советскими чиновниками. Таким образом, мемуары Арбатова и экспертные записки взаимно дополняют друг друга.

Кроме того, многие свидетельства можно проверить благодаря сопоставлению мемуаров Арбатова с воспоминаниями его коллег. Среди них стоит обратить особое внимание на воспоминания других консультантов Отдела Андропова – Ф.М. Бурлацкого⁶⁹, А.Е. Бовина⁷⁰, Г.Х. Шахназарова⁷¹, а также консультантов из «братского» Международного отдела ЦК КПСС, например, А.С. Черняева⁷² и К.Н. Брутенца⁷³. Важным дополнением служат

⁶⁸ Арбатов Г.А. Человек системы. М., 2015; Арбатов Г.А. Моя эпоха в лицах и событиях: автобиография на фоне исторических событий. М., 2007.

⁶⁹ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущёве, Андропове и не только о них. М., 1990.

⁷⁰ Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003.

⁷¹ Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001.

⁷² Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. Так же см. выдержки из дневников Черняева на сайте центра «Прожито» URL: <https://corpus.prozhito.org/person/315> (дата обращения: 04.03.2024).

⁷³ Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998.

мемуары советника Л.И. Брежнева А.М. Александрова-Агентова⁷⁴, сотрудников Института США, таких как В.С. Зорин⁷⁵, экспертов из других институтов, например, Е.М. Примакова⁷⁶. Кроме того в 2023 г. к столетию Арбатова Институт США и Канады подготовил книгу «Век Георгия Арбатова», во второй части которой свои воспоминания о первом директоре Института оставили его коллеги и друзья: С.М. Рогов, В.П. Лукин, В.О. Печатнов, Л.И. Евенко, Н.А. Шведова, Г. Эллисон, Р. Легвольд и его сын А.Г. Арбатов⁷⁷. Сопоставление такого солидного корпуса воспоминаний позволяет реконструировать особенности работы советских экспертов (особенно в 1960-е гг.) и проанализировать многочисленные неформальные связи, которые объединяли их друг с другом и с представителями власти. Фокус исследования на анализе структуры советской внешнеполитической экспертизы и сети экспертов нивелирует субъективные суждения, присущие источникам личного происхождения.

Работы советских американистов в рамках диссертационного исследования используются как исторические источники особой видовой характеристики, которые можно отнести к группе «Публицистика и труды современников». Они позволяют исследовать деятельность советских ученых и экспертов, выявить механизмы академического конструирования образа США и трансфера американских идей в СССР. Эта группа источников включает в себя научные статьи, опубликованные в институтском журнале «США: экономика, политика, идеология», а также монографии, подготовленные сотрудниками Института США и Канады и другими советскими американистами в 1960-1970-е гг. Журнал «США: экономика,

⁷⁴ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева / Под общ. ред. Н. Ф. Огородниковой. М., 1994.

⁷⁵ Зорин В.С. Неизвестное об известном. М., 2000.

⁷⁶ Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М., 2019.

⁷⁷ Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023.

политика и идеология» выходил тиражом 35 тыс. экземпляров ежемесячно, имел подзаголовок «научный и общественно-политический журнал» и был рассчитан на партийных чиновников среднего звена, директоров предприятий и широкую публику. Монографии зачастую выполняли похожую роль: они транслировали экспертно-академический образ американского Другого широкой публике. Таким образом, публикации сотрудников помогали им расширить свою аудиторию за пределы высшей партийной элиты СССР. К этой же источниковой группе относится публицистика. В диссертации использованы популярные книги советских журналистов, которые были посвящены США, что позволило расширить исследование образа Америки, который транслировался на широкую аудиторию⁷⁸.

Важную роль в диссертационном исследовании играют *аудиовизуальные материалы*, прежде всего, телепередачи и документальные фильмы о США, в работе над которыми принимали участие американисты. К ним относится цикл фильмов В.С. Зорина «Америка 70-х», а также передачи «9 студия» и «Международная панорама». Эти фильмы и передачи позволяют исследовать то, как академический образ американского Другого трансформировался в публичном пространстве и принимал участие в формировании массовых представлений о США.

Кроме того, в диссертационном исследовании используются материалы *периодической печати*, в частности, таких ведущих советских и американских газет как «Правда», «Известия», “The New York Times” и “The Washington Post”. Советские американисты выступали на страницах этих изданий в роли

⁷⁸ Аджубей А. и др. Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. 15-27 сентября 1959 года. М., 1960; Жить в мире и дружбе: пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в США 15-27 сентября 1959 г. М., 1959; Жуков Ю. США на пороге 70-х годов. М., 1970; Шведков Ю.А. США, 1968. М., 1968; Шведков Ю.А. США середины 70-х годов. М., 1974.

политических комментаторов, а журналисты, в свою очередь, освещали деятельность экспертов из Института США и Канады.

Теоретико-методологическая база диссертации

В методологическом плане диссертация опирается на общенаучные методы анализа и синтеза в сочетании с традиционными методами исторического исследования и конструктивистским подходом.

К традиционным методам исторического исследования относятся историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный и историко-системный. Историко-генетический метод используется в диссертации для изучения развития института советской внешнеполитической экспертизы с учетом влияния внутри- и внешнеполитических факторов. Поскольку внешнеполитической экспертизой в Советском Союзе занимались различные центры, историко-типологический метод позволяет предложить их разделение на «ведомственные» и «академические», выделив их различное положение внутри советской политической системы, различные функции и доступ к информации. В свою очередь, историко-системный метод дает возможность исследовать место Института США и Канады внутри системы внешнеполитической экспертизы в СССР, системы принятия внешнеполитических решений, системы двусторонних отношений СССР и США в годы Холодной войны. Историко-сравнительный метод используется в диссертации преимущественно для компаративного анализа экспертных материалов советских американистов, а также реакции партийных чиновников на эти материалы.

Конструктивистский подход используется для изучения имагологической проблематики, которая имеет междисциплинарный характер, так как она находится на стыке истории, культурологии, психологии и социологии коллективного. В исследовательском фокусе оказывается не то, насколько воображаемое соотносится с реальностью, а то, почему реальное

представляется именно так, а не иначе, почему одни образы становятся центральными, а другие периферийными, и насколько они подвижны; как образы Другого формируются и транслируются внутри наблюдаемого общества в соотношении с образом Себя, и как, в конечном счете, они влияют на массовое сознание и принятие внешнеполитических решений.

Объяснение этих феноменов будет происходить через анализ социокультурного контекста общества-наблюдателя, поскольку воображение Другого неразрывно связано с Я-концепцией, которая укоренена в социокультурном контексте. С одной стороны, представления о Себе влияют на представления о Другом, с другой – инонациональный образ оказывает влияние на конструирование идентичности общества-наблюдателя. Через анализ этих взаимосвязей мы выходим на проблематику конструктивизма в международных отношениях.

Изучение процесса академического конструирования образа Другого требует использования конструктивистских исследовательских практик в их приложении к научным текстам и аналитическим запискам, которые создавались советскими американистами. Научные тексты, аналитические записки и документальные фильмы рассматриваются не столько как результаты строго научного анализа американской действительности, сколько как пространство конструирования особого дискурса, позволяющего сделать образ более убедительным для читателей и зрителей. В рамках этого подхода академический образ влияет на общественные представления и процесс принятия внешнеполитических решений, что, в свою очередь, оказывает последующее воздействие на конструирование образов.

Диссертационное исследование проводится в диалоге с таким конструктивистским направлением как *Science and Technology Studies (STS)*. Практики и теоретики STS, прежде всего, известный французский исследователь Б. Латур и его британский коллега С. Вулгар, рассматривают

науку и общество в процессе постоянного взаимодействия и конструирования. Они применяют к научным текстам методiku анализа литературных нарративов. Это позволяет им выявить процесс конструирования научных фактов и представлений, а также показать, что убедительность научного высказывания не менее важна для социальных отношений, чем соответствие этого высказывания объективной реальности⁷⁹. Многие представители этого направления исследуют влияние технологий и научных открытий на переконструирование социальной реальности⁸⁰. Среди таких работ стоит отметить монографию самого Б. Латюра «Пастер. Война и мир микробов», которая впервые была опубликована в 1985 г. Она о том, как открытие Л. Пастером микробов изменило общественные представления об устройстве мира и пересформировало общественную жизнь Франции, оказав влияния на повседневные практики, градостроительные планы и общественные движения⁸¹. Другим примером может служить монография С. Шейпина и С. Шаффера «Левиафан и воздушная помпа». В ней авторы исследуют то, как знаменитая дискуссия Бойля и Гоббса, апофеозом которой стала публичная демонстрация работы вакуумного насоса, привела к ускорению институализации науки, к изменению статуса ученых и интеллектуалов и их большей вовлеченности в общественную и политическую жизнь⁸².

Использование *STS* в диссертационном исследовании позволяет рассматривать экспертные материалы Института США и Канады с точки зрения их убедительности для советских партийных чиновников.

⁷⁹ Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, 1987.

⁸⁰ См. например: Adas M. *Machines As the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance*. Ithaca, 1990. Одной из самых известных монографий, посвященных влиянию технологий на общественное развитие стала книга Дж. Даймонда: Diamond J. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. N.Y., 1997. Перевод на русский: Даймонд Дж. *Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ*. М., 2010.

⁸¹ Латюр Б. *Пастер. Война и мир микробов*. СПб., 2015.

⁸² Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life*. Princeton, 1985.

Американисты конструировали записки особым образом, используя различные аргументы и риторические приемы, которые позволяли экспертам продвигать свои идеи в ЦК КПСС, оказывая таким образом влияние на выработку политических решений. Редакторы профильного академического журнала «США: экономика, политика, идеология», который выпускал Институт США и Канады, использовали множество журналистских приемов, благодаря чему эксперты могли расширить свою аудиторию и сформировать общественный запрос на перцепцию американских идей и практик.

В рамках *STS* Б. Латур и другие социологи, социальные антропологи и философы также разработали акторно-сетевую теорию (*ANT*). Ее представители рассматривают научные сообщества как большие социальные сети, включающие в себя ученых, научные центры, университеты, научных журналистов, представителей власти и бизнеса и т.д. Эти социальные сети включают в себя как человеческих, так и не-человеческих (*non-humans*) акторов, что позволяет рассматривать научный процесс с точки зрения формальных и неформальных социальных связей, открывающих для ученых возможность находить финансирование, продвигать «продукты» своих исследований как внутри, так и за пределами профессионального сообщества. В конечном счете именно члены этой сети в результате сложных формальных и неформальных взаимодействий определяют, что будет считаться научным фактом, а что нет⁸³.

⁸³ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013. Первая публикация: Latour B. Science in action: how to follow scientists and engineers through society. Cambridge, 1987. Латур развил акторно-сетевую теорию и в следующих работах: Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society. Cambridge, 1993 (впервые опубликовано на фр. в 1991); Latour B. Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory. Oxford, 2005. Перевод на русский: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. Среди других известных работ см. например: Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay. // Power, Action, and Belief: A New Sociology of Knowledge? / Ed. by J. Law. London, 1986. P. 196-233; Callon M. The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle. // Mapping the Dynamics

Акторно-сетевая теория позволяет социологам рассматривать научный процесс как пространство конструирования нового представления о реальности. С социальной точки зрения не столь важно, насколько это представление «верно» (т.е., достоверно отражает объективную реальность) или «неверно». Значительно более важным становится то, насколько это представление поддерживается различными акторами социальной сети: учеными, спонсорами, политиками, преподавателями, т.е., насколько «успешно» оно создает социальную реальность.

В этом смысле, акторно-сетевая теория сближается с конструктивистской теорией речевых актов Н. Онуфа⁸⁴. Исследователь проводит четкое разделение между двумя функциями высказывания, которые он называет репрезентативной и перформативной. В рамках теории речевых актов высказывание может быть «верным» или «ложным» с точки зрения его соответствия реальности. Однако репрезентативное высказывание может быть «успешным» или «безуспешным» в зависимости от того, будет ли оно поддержано обществом или нет. «Успешный» дискурс конструирует новую социальную реальность даже в том случае, если он «ложный». Это свойство высказываний Онуф называет перформативным.

Акторно-сетевая теория используется в данном диссертационном исследовании для анализа института советской внешнеполитической экспертизы как особой сети различных институтов, центров и ведомств, а также ученых, журналистов-международников и политиков, объединенных формальными и неформальными связями. Уникальное место, которое занимал Институт США и Канады в этой сети, позволяло американистам не только изучать Соединенные Штаты Америки, но и «продвигать» результаты своих

of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World. / Ed. by M. Callon, J. Law, and A. Rip. Houndmills, 1986. P. 19-34; Law J. Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience. Durham, 2002.

⁸⁴ Onuf N. World of Our Making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia, 1989.

исследований внутри советской системы, оказывая влияние на процесс принятия внутри- и внешнеполитических решений. Используя теоретические наработки *STS*, автор диссертации рассматривает экспертные материалы Института не как продукты научного исследования, а как тексты особого жанра, конструирующие образ США для советских партийных чиновников. В рамках конструктивистской теории речевых актов экспертные материалы будут оцениваться не с точки зрения их релевантности объективной реальности, а с точки зрения их «убедительности», «успешности» внутри советской системы и влияния на принятие политических решений.

Для изучения процесса становления и институционализации советской внешнеполитической экспертизы как особой неформальной сети используется метод просопографии (коллективной биографии, *multiple career-line analysis*). Этот метод начал активно применяться в исторических исследованиях (преимущественно антиковедами и медиевистами) еще в первой половине XX в., а в 1971 г. Л. Стоун обобщил опыт создания коллективных биографий в теоретической статье⁸⁵. В том же году вышла первая книга масштабной трехтомной «Просопографии поздней Римской империи», которая положила начало другим проектам по созданию биографических баз данных⁸⁶. Прослеживание карьерных траекторий советских экспертов и создание их коллективной биографии позволяет выделить этапы развития сети советской

⁸⁵ Stone L. Prosopography // *Daedalus*. Vol. 100. № 1. 1971. P. 46–79.

⁸⁶ The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume 1 / Ed. by A.H.M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1971; The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume 2 / Ed. by A.H.M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1980; The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume 3A / Ed. by A.H.M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1992; The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume 3B / Ed. by A.H.M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1992; Базы данных по биографии Византийской империи и англо-саксонской части Англии появились уже в электронном варианте: Prosopography of the Byzantine Empire. URL: <https://pbe.kcl.ac.uk/> (дата посещения: 01.05.2024); The Prosopography of Anglo-Saxon England (PASE). URL: <https://pase.ac.uk/> (дата посещения: 01.05.2024). Просопографический метод используется и в исследованиях новой и новейшей истории, к примеру, для изучения британской аристократии и ее роли в политической и общественной жизни Великобритании XIX-XX вв.: Cannadine D. *The Decline and Fall of the British Aristocracy*. L., 1990.

внешнеполитической экспертизы и оценить положение Института США и Канады внутри нее.

Важную роль в диссертационном исследовании играет теория культурного трансфера, которая появилась в 1980-х гг. во Франции и начала развиваться в рамках литературоведения, культурологии и филологии. Историки практически не заметили этого методологического направления. В России книга «История Цивилизации как культурный трансфер», написанная одним из основателей теории трансфера М. Эспанем⁸⁷, вышла лишь недавно и благодаря усилиям литературоведов. В свою очередь, исследователи культурного трансфера мало знакомы с трудами историков международных отношений и упускают из виду методологию конструктивизма. Тот же Эспань, пытаясь описать процессы конструирования «Себя» и «Другого», совершенно не пользуется выработанной в рамках данного подхода терминологией, в результате чего ему приходится быть излишне многословным.

Независимо от филологов и культурологов (во всяком случае, совершенно не ссылаясь на теоретиков культурного трансфера) исследователи Холодной войны также заинтересовались проблемой международного трансфера, в особенности те, кто занимается «европейским театром» биполярного противостояния⁸⁸. В результате появилась метафорически переосмысливающая «железный занавес» уже упомянутая концепция «нейлонового занавеса», как существовавшая, но более проницаемая и прозрачная граница, что проявлялось в контактах ученых и инженеров⁸⁹, культурных связях⁹⁰, гражданской дипломатии. Однако в этих исследованиях

⁸⁷ Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М., 2018.

⁸⁸ Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe / Ed. by S. Mikkonen, P. Koivunen. N.Y., 2015. Во вступительной главе этой книги редакторы предлагают вниманию читателей прекрасный историографический обзор исследований, посвященных трансферу идей времен «Холодной войны».

⁸⁹ Kochetkova E. The Soviet Forestry Industry in the 1950s and 1960s: A Project of Modernization and Technology Transfer from Finland. Helsinki, 2017.

⁹⁰ Music, Art and Diplomacy: East-West Cultural Interactions and the Cold War / Ed. by S. Mikkonen & P. Suutari. L., 2016.

отсутствует методологическое единство. Историки порой вообще не используют термин «трансфер»⁹¹. В то же время многие публикации авторов, исследующих культурные взаимодействия на «низовом уровне» и дипломатию второго и третьего треков⁹², игнорируются исследователями трансфера. Лишь немногие историки стараются использовать теорию Эспаня при изучении истории Холодной войны⁹³. При этом говорить о сложившейся методологической парадигме преждевременно. Можно сказать, что исследователи трансфера, представляющие разные гуманитарные науки, совершенно забыли о междисциплинарном трансфере.

В данном диссертационном исследовании теория трансфера используется для изучения участия советских экспертов-американистов в процессе экономической модернизации, поскольку одним из важных направлений деятельности Института США и Канады стало изучение американского опыта внедрения новых принципов управления и достижений научно-технической революции в производство и сельское хозяйство. Теория трансфера позволяет исследовать то, как американские идеи и практики переносились и воспринимались в советском культурном и экономическом пространстве.

Среди методов текстологического анализа в диссертации были использованы дискурс-анализ и семиотический анализ. Понятие «дискурс» опирается на работы М. Фуко и в особенности на «Археологию знания»⁹⁴.

⁹¹ К примеру, Е. Кочеткова в публичной лекции «Материальные миры холодной войны: индивидуальные измерения» называет в числе исследований трансфера книгу Орлова И.Б., Попова А.Д. «Олимпийский переполох: Забытая советская модернизация». М., 2020. 455 с. Однако, авторы этой книги не используют слово «трансфер».

⁹² См. например: Журавлева В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2013. №21 (122).

⁹³ Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe / Ed. by S. Mikkonen, P. Koivunen. N.Y., 2015. p. 12.

⁹⁴ Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. См. также обобщающую работу, которая разбирает разные определения дискурса и методики проведения дискурс-анализа: Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.

Таким образом, дискурс понимается прежде всего как совокупность высказываний и суждений о том или ином объекте, которая зависит от контекста высказывания и структурируется в соответствии с определенными нормами и практиками. В рамках этого подхода мы можем различать, например, экспертный, академический и популярный дискурсы советских американистов: первый формируется для трансляции на уровень власти в секретных записках, отправленных в ЦК КПСС, второй – существует в рамках академических публикаций, а третий – рассчитан на широкую общественность и используется в научно-популярных книгах и документальных фильмах. Все эти дискурсы будут различаться, так как различаются условия их формирования и общественные практики. Объектом для дискурса может выступать любое явление, событие или понятие, что позволяет использовать в своем анализе как об общем советском дискурсе, обусловленном текстом о США, так и, к примеру, о более «узком» дискурсе о разоружении. В рамках диссертационного исследования дискурс-анализ позволяет выделить репертуар смыслов и высказываний экспертного дискурса, даже в том случае, когда они находятся в текстах разных жанров.

Анализ семиотических единиц опирается прежде всего на подход, разработанный Р. Бартом в сборнике эссе «Мифологии». В этих эссе французский семиотик исследовал статьи в журналах и явления общественной жизни, не разбирая их детально, а принимая их за единицы своего анализа. Это позволило Барту определить социальную роль явлений или текстов с учетом как намерений автора сообщения, так и перцепции этого сообщения аудиторией. Заключительное эссе книги, которое называется «Миф сегодня», представляет собой теоретическую статью. В ней Барт описывает метод своего анализа и демонстрирует, как вписанное в социальной контекст сообщение теряет свое базовое (коннотативное) значение и превращается в «миф», т.е. во вторичную семиотическую систему. Именно в результате этого процесса

социальное явление или объект конвертируется в сообщение, в репрезентацию какой-либо идеи: вино перестает быть просто напитком и превращается в символ французского образа жизни, а колонка брачной хроники из желтой прессы – в миф о Влюбленной паре⁹⁵. В диссертационном исследовании этот метод используется для анализа разных жанров экспертных материалов Института США и Канады в качестве больших семиотических единиц, над которыми надстраиваются вторичные семиотические системы, несущие различные сообщения советским чиновникам. Метод Р. Барта позволяет декодировать то сообщение, которое вкладывали в записки советские американисты, а также проанализировать перцепцию разных экспертных материалов советскими чиновниками.

Так как деятельность внешнеполитических экспертов в рассматриваемый период была чрезвычайно широкой, в диссертации используется метод исследования кейсов. Метод *case-study* позволяет провести качественный анализ продуктов экспертизы, подробно проанализировав как содержание экспертной записки, так и реакцию чиновников на нее. Исследование «жизни» экспертных материалов внутри ЦК КПСС опирается на антропологический подход к изучению «социальной жизни вещей». Этот подход был предложен группой антропологов во главе с А. Аппадурай в 1986 г. в рамках исследования изменения восприятия вещей в различных культурных контекстах⁹⁶. Позднее антропологи развили этот подход в том числе для исследования политических и бюрократических систем социалистических стран 1970-х-1980-х гг. К подобным исследованиям относятся работы антрополога румынского происхождения К. Вердери, например, ее книга «Секреты и правда: этнографическое исследование

⁹⁵ Барт Р. Мифологии. М., 2014.

⁹⁶ The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. / Ed. by A. Appadurai. Cambridge, 1986.

архивов румынской тайной полиции». В ней автор анализирует «жизнь» документов внутри системы, что позволяет реконструировать механизмы принятия решений⁹⁷. Эта тема получила дальнейшее развитие в работе «Моя жизнь в качестве шпиона: расследования в делах тайной полиции», в которой Вердери исследовала различные досье, заведенные отделениями Секуритате на нее саму в 1970-1980-х гг.⁹⁸ Использование этих исследовательских практик позволяет автору диссертации проследить «жизнь» экспертных материалов внутри ЦК КПСС, подробно проанализировав реакцию советских чиновников и механизм принятия решений.

Характеристика теоретико-методологической базы диссертации позволяет сделать вывод о том, что до настоящего времени в историографии подобный подход к изучению советско-американских отношений не применялся.

Научная новизна диссертационного исследования обуславливается ее источниковой базой и междисциплинарным характером, а также избранной методологией.

1. Введение в научный оборот экспертных записок из фондов РГАНИ и Архива РАН позволяет автору представить советскую американистику как фактор взаимоотношений СССР и США в годы Холодной войны.
2. Созданная автором диссертации коллективная биография советских экспертов уточняет представления о становлении и эволюции внешнеполитической экспертизы в 1950-е – 1970-е гг.
3. Конструктивистский подход открывает возможность для изучения роли Института США и Канады в формировании экспертного знания и конструирования идентичности посредством концептуальной пары Я-Другой.

⁹⁷ Verdery K. *Secrets and Truths: Ethnography in the Archive of Romania's Secret Police*. Budapest, 2014.

⁹⁸ Verdery K. *My Life as a Spy: Investigations in a Secret Police File*. Durham, 2018.

4. На основе акторно-сетевого анализа определяется место Института США и Канады в системе внешнеполитической экспертизы и процессе принятия решений в СССР.
5. Теория культурного трансфера позволяет охарактеризовать Институт США и Канады как участника дискурса модернизации и акцентировать внимание на внедрении американских практик в советскую экономику.

Положения, выносимые на защиту

1. Становление и институционализация советской американистики происходили в контексте развития института внешнеполитической экспертизы с учетом внутривосточных запросов и международных вызовов.
2. Развитие внешнеполитической экспертизы в СССР включает три фазы: «протоэкспертную», «консультантскую» и «институциональную», что подтверждается коллективной биографией советских экспертов, созданной в диссертации.
3. Институт США и Канады занял уникальное место в системе советской внешнеполитической экспертизы в результате существования системы «вращающихся дверей» и неформальной «сети» взаимодействия ученых, журналистов, советников и чиновников.
4. Используя формальные и неформальные каналы влияния, Институт США и Канады получил возможность принимать опосредованное участие в выработке внешне- и внутривосточных решений в СССР.
5. Деятельность Института США и Канады вносила важный вклад не только в формирование экспертного знания, транслируемого на уровень власти, но и в конструировании и тиражировании образа США как значимого Другого в советском дискурсе идентичности.

Обоснование структуры как обоснование логики построения текста

Диссертационное исследование структурировано в соответствии с проблемно-хронологическим принципом и состоит из трех глав, введения, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений, включающих авторские схемы и таблицы. Первый параграф каждой главы имеет вводный характер, что позволяет вписать изучаемые в ней сюжеты в определённые теоретико-тематические контексты.

Первая глава **«Советская американистика в контексте развития института внешнеполитической экспертизы в СССР (1950-е–1960-е гг.)»** посвящена процессу институционализации американистики как особой экспертно-академической дисциплины. Ее первый параграф посвящен введению в историю советской академической американистики, в результате институционализации которой сложились условия для появления прикладных исследований Соединенных Штатов Америки. Во втором параграфе идет речь о развитии «внутренней» и «внешней» экспертизы в СССР, в то время как в третьем – внешнеполитическая экспертиза характеризуется как особая социальная сеть, куда входили разные эксперты и организации, объединенные общим прошлым и совместными практиками, а также разделяющие общие ценности и взгляды, что в итоге приводит к созданию Института США как главного советский центра экспертной американистики. В четвертом и пятом параграфах исследуются его место в системе внешнеполитической экспертизы и каналы взаимодействия экспертов из Института США и советских чиновников, позволяющие американистам доносить свои идеи и рекомендации до высшей партийной элиты.

Вторая глава **«Внешнеполитические рекомендации американистов в годы “застоя”»** акцентирует внимание на предложениях советских экспертов по развитию американского вектора советской внешней политики. Если первый параграф вводит в историю советско-американских отношений эпохи

разрядки, что позволят контекстуализировать внешнеполитические рекомендации экспертов, то второй параграф нацелен на анализ «внешнеполитической программы» советских экспертов-американистов. Поскольку само существование такой «программы» ставит вопрос о субъектности советских американистов, чему посвящен третий параграф, четвертый – фокусируется на анализе механизмов убеждения и аргументации, к которым прибегали американисты с целью донести свои идеи до советских чиновников. В пятом параграфе рассматривается то, как американисты изучали образ СССР в США и особенности восприятия американской аудитории для более эффективного воздействия на нее.

В третьей главе диссертации **«Трансфер американских идей в СССР в контексте советской модернизации»** автор сосредотачивает внимание на еще одно важное направление деятельности советских американистов – на изучении американского опыта в области управления производством, развития промышленности и сельского хозяйства с целью его использования в СССР для модернизации советской экономики и административных практик. Первый параграф посвящен введению в контекст советской модернизации, в рамках которой проходил трансфер американских идей в Советский Союз. Во втором и третьем параграфах рассматриваются «неудачный» и «успешный» кейсы трансфера, а также подробно исследуется перцепция американских идей советскими партийными чиновниками. На основе компаративного анализа первого и второго кейсов выдвигается гипотеза о том, почему одни идеи модернизации отвергались советскими чиновниками, а другие претворялись в жизнь. В четвертом параграфе представлен еще один канал трансфера, позволявший советским внешнеполитическим экспертам доносить основные идеи до более широкой советской аудитории, в то время как в пятом параграфе исследуется то, как трансфер идей, с одной стороны, помогал

конструировать образ американского Другого и советского Себя, а с другой стороны, формировал уникальное представление о процессе модернизации.

Глава 1. Американистика в контексте развития института внешнеполитической экспертизы в СССР

1.1. Введение в историю советской академической американистики

Традиция академического изучения Соединенных Штатов Америки в России имеет длинную историю. Однако до начала Холодной войны американистика не получила институционального развития и оставалась небольшим направлением академической мысли. Институционализация – это долгий и сложный процесс, который включает в себя создание университетских центров для подготовки будущих специалистов, написание учебников по данной дисциплине, разработку и чтение определенных курсов, подготовку аспирантов, создание научно-исследовательских центров и институтов, объединяющих ученых и экспертов в научное сообщество, выпуск специализированных научных изданий.

Самым полным обзором развития советской исторической американистики до сих пор остается работа Н.Н. Болховитинова «Изучение новой истории США в Советском Союзе»⁹⁹, в которой он продемонстрировал основные историографические тенденции в изучении истории США в СССР. Болховитинов отмечал, что уже в конце 1920-х – начале 1930-х гг. появились первые обобщающие работы Д.О. Заславского¹⁰⁰ и В.И. Лана¹⁰¹, исследования российско-американских отношений¹⁰² и целый ряд биографий деятелей

⁹⁹ Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. С. 339-378.

¹⁰⁰ Заславский Д.О. Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки (1861-1865). Л., 1926; Заславский Д. О. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. М, 1931.

¹⁰¹ Лан В.И. Классы и партии в США. М., 1933.

¹⁰² См. например: Адамов Е.А. Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // Красных архив. 1930. Т.1 (38). С. 148-164.

Американской революции¹⁰³. Тем не менее, эти публикации оставались лишь отдельными трудами по истории США, мало повлиявшими на становление научной школы.

Первый импульс институционализации советская американиста получила в межвоенные годы благодаря двум «отцам-основателям» А.В. Ефимову и Л.И. Зубоку¹⁰⁴. В 1934 г. А.В. Ефимов опубликовал труд «К истории капитализма в США»¹⁰⁵, который стал первым «протоучебником» по истории Соединенных Штатов и использовался в советских университетах вплоть до 1950-х гг. По словам Н.Н. Болховитинова, на нем «воспитывалось целое поколение советских историков», специалистов по США¹⁰⁶.

Ефимов и Зубок работали вместе с начала 1940-х гг.: в 1941 г. Ефимов стал деканом исторического факультета и заведующим кафедрой нового и новейшего времени МГУ, а в 1942 г. туда перешел Зубок, до этого преподававший в Высшей партийной школе. В 1944 г. на базе международного факультета МГУ был создан Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), куда перешел сначала А.В. Ефимов, а в 1948 г. и Л.И. Зубок. В отличие от советологии в Соединенных Штатах Америки¹⁰⁷ Вторая мировая война и военный опыт советско-американского союзничества не оказал непосредственного влияния на развитие советской американистики, зато опосредованно повлиял на создание МГИМО, что стало отправной точкой для появления в СССР специалистов-международников.

¹⁰³ Владимиров В.Н. Франклин. М., 1934; Юзефович И.С. Джордж Вашингтон и борьба за независимость Америки. М., 1941.

¹⁰⁴ Болховитинов Н.Н. Указ. соч. С. 341-344.

¹⁰⁵ Ефимов А.В. К истории капитализма в США. М., 1934.

¹⁰⁶ Болховитинов Н.Н. Указ. соч. С. 341-342; Цветков И.А., Кубышкин А.И. Университетские учебники по истории США как индикатор состояния российской американистики // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Под ред. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград, 2009. С. 185-187.

¹⁰⁷ Об импульсе развития, который получила советология в США во время Второй мировой войны, см.: Engerman D. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. L., 2009. P. 13-70.

МГИМО изначально создавался для подготовки практиков широкого профиля в области международных отношений, которые не специализировались на какой-то конкретной стране или регионе. В университете существовало всего два факультета: историко-международный и международно-правовой. Через год был открыт экономический факультет. Специального центра по изучению США в МГИМО нет до сих пор. Несмотря на это, МГИМО сыграл важную роль в становлении советской американистики. У Ефимова и Зубока училось второе поколение советских американистов: Г.А. Арбатов, Н.Н. Болховитинов, В.В. Журкин, А.А. Громыко, Э.Я. Иванян, Ю.А. Замошкин, Н.Н. Яковлев¹⁰⁸. Как уже было сказано, в качестве протоучебника использовалась монография «К истории капитализма в США». В 1950-х гг. на базе своего лекционного курса Ефимов написал первый учебник – «Очерки по истории США (1492–1870 гг.)»¹⁰⁹. За продолжение «Очерков» взялся Зубок, доведя повествование до конца Первой мировой войны¹¹⁰. Так в МГУ и МГИМО под руководством Ефимова и Зубока складывалась первая школа советской американистики.

Параллельно в 1953 г. в Академии наук СССР на базе Института истории был создан Центр североамериканских исследований. У его истоков стоял Г.Н. Севостьянов, работавший в Институте с 1950 г. Он также читал курсы по истории США и вел спецкурс по американской политике и дипломатии в МГУ. В конце 1950-х гг. американский центр Института истории (после разделения Института истории в 1968 г. американисты перешли в Институт всеобщей истории АН СССР) принял многих выпускников МГИМО: Н.Н. Болховитинова, В.Л. Малькова, Р.Ф. Иванова и др.

¹⁰⁸ Печатнов В.О. Американистика в МГИМО // Вестник МГИМО. 2014. № 5 (38). С. 131-132.

¹⁰⁹ Ефимов А.В. Очерки по истории США 1492-1870 гг.: От открытия Америки до окончания гражданской войны». М., 1955.

¹¹⁰ Зубок Л.И. Очерки истории США (1877-1918). М., 1956.

После окончания Второй мировой войны отношения между СССР и США стремительно ухудшались. Биполярное противостояние институционально закрепились после возникновения двух международных организаций – Организации Североатлантического договора (НАТО), объединившей страны Северной Америки и Западной Европы, в 1949 г. и Организации Варшавского договора (ОВД) в 1955 г., куда вошли СССР и социалистические республики Восточной Европы. 25 июня 1950 г. началась война в Корее. КНДР поддержали СССР и КНР, а на стороне Республики Корея выступило множество стран под эгидой ООН, среди которых наиболее активное участие в конфликте приняли США. Советско-американские отношения перешли в стадию острого кризиса при отсутствии контактов между лидерами двух сверхдержав и четкого понимания намерений противоположной стороны. Тем не менее, и этот кризис не привел к развитию советской американистики. Напротив, и в Соединенных Штатах, и в Советском Союзе начались кампании по поиску внутренних врагов, значительно усложнившие академическую и экспертную деятельность¹¹¹. По обе стороны Атлантики ученые рисковали быть обвинёнными в «идолопоклонничестве перед Западом» или «симпатиях к коммунистам». Кроме того, эти кампании затрудняли академические обмены и любые прямые контакты.

В 1953 г. изменился внутри- и внешнеполитический контекст развития СССР. 5 марта этого года умер И.В. Сталин, что привело к сворачиванию репрессивных кампаний и постепенному переходу к смягчению внутренней политики. Уже в апреле 1953 г. Президиум ЦК КПСС проголосовал за прекращение войны в Корее. В США тоже был взят курс на завершение этого конфликта: во время президентской гонки в 1952 г. кандидат от

¹¹¹ Кафедра Новой и новейшей истории: люди и традиции. / Под ред. Л.С. Белоусова. СПб., 2020. С. 28-29.

Республиканской партии генерал Д. Эйзенхауэр обещал закончить кровопролитную войну. В ноябре 1952 г. после победы на выборах и еще до вступления в должность Эйзенхауэр в статусе избранного президента совершил поездку в Корею, чтобы разобраться в том, что можно сделать для завершения военных действий. В итоге инициатив СССР и США 27 июля 1953 г. правительствами КНДР и Республики Корея было подписано перемирие.

Внутриполитические процессы в США также способствовали потеплению отношений. В 1954 г. журналисты и общественные деятели Э. Морроу и Ф. Френдли развернули в СМИ кампанию против сенатора Дж. Маккарти как главного идеолога выявления «коммунистических агентов» в Соединенных Штатах Америки. Осуждение Маккарти и спад антикоммунистической истерии благоприятно сказались на советско-американских отношениях, открыв путь к «холодной оттепели» второй половины 1950-х гг. В 1955 г. в Женеве состоялось совещание глав правительств США, Великобритании, Франции и СССР. Главой советской делегации формально был Н.А. Булганин, занимавший пост председателя Совета Министров СССР, но женевский саммит стал звездным часом первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. Его устами СССР предложил идею общеевропейского договора о коллективной безопасности. Этот курс был закреплен в 1956 г. на XX съезде КПСС и получил свое выражение в формуле «политики мирного сосуществования».

Академическая американистика продолжила активно развиваться в годы «оттепели». В 1960 г. сотрудники американского центра Института истории под руководством Г.Н. Севостьянова выпустили первый обобщающий труд «Очерки новой и новейшей истории США» в двух томах¹¹². Особый акцент в этом двухтомнике был сделан на внешнюю политику США и международные

¹¹² Очерки новой и новейшей истории США. Т. 1-2. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1960.

отношения, т.е. на той проблематике, на которой специализировались американисты из Института истории.

Постепенно стали появляться и другие центры по изучению истории США. В МГУ таким центром стала кафедра новой и новейшей истории исторического факультета, пополнявшаяся за счет собственных выпускников – И.П. Дементьева и Е.Ф. Язькова. В конце 1950-х гг. они смогли открыть на кафедре специальную программу подготовки американистов. В 1962 г. к ним присоединяется Н.В. Сивачев, сыгравший принципиально значимую роль в развитии советской американистики и советско-американских академических контактов в 1960-1980 гг.¹¹³ Именно благодаря ему в 1974 г. в СССР начала работать программа Фулбрайта: советские студенты получили возможность слушать лекции американских профессоров, приезжавших преподавать в МГУ. Сивачев просил их закупать и привозить книги, которые потом оставались в библиотеке университета¹¹⁴.

Усилиями Сивачева, Дементьева и Язькова на кафедре новой и новейшей истории МГУ сложилась влиятельная школа американистики, разрабатывающая собственные направления исследований. Вокруг Язькова сформировалась научная школа по изучению фермерского и протестного движений в Соединенных Штатах. В свою очередь, Сивачев стоял у историков изучения американской двухпартийной системы. В 1977 г. он инициировал создание специальной лаборатории, специализирующейся на вопросах партийно-политического развития Соединенных Штатов, в которой начали свой профессиональный путь многие американисты, такие как А.С. Манькин, Ю.Н. Рогулев, Л.В. Байбакова и др. В 1982 г. сотрудники лаборатории стали

¹¹³ Кафедра Новой и новейшей истории: люди и традиции / Под ред. Л.С. Белоусова. СПб., 2020. С. 25-27. Подробнее о Н.В. Сивачеве и созданной им школе американистики в МГУ см.: Язьков Е.Ф. Н.В. Сивачев и развитие школы научных исследований и преподавания истории Соединенных Штатов Америки в Московском университете // Памяти профессора Н.В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций / Под. ред. профессора А.С. Манькина. М., 2004. С. 5-17.

¹¹⁴ Там же. С. 28-30.

активно использовать количественные методы для изучения политических процессов и электоральной статистики¹¹⁵. В 1975 г. Сивачев выступил с инициативой создания Научного координационного совета по проблемам американистики, который объединил ученых и студентов с разных факультетов МГУ: историков, филологов, юристов, журналистов, экономистов, географов и философов.

Параллельно расширялась география изучения истории США. В Ленинграде американистика активно развивалась начиная с 1960-х гг. благодаря А.А. Фурсенко, родоначальнику ленинградской академической школы¹¹⁶. На Украине А.Н. Шлепаков способствовал становлению региональной школы американистики в Институте истории АН УССР и Киевском университете¹¹⁷. Б.Д. Козенко долгое время работал в Саратовском университете, а в 1969 г. возглавил кафедру всеобщей истории в воссозданном Куйбышевском (ныне – Самарском) университете, повлияв таким образом на развитие двух региональных центров советской американистики¹¹⁸.

Важным этапом институализации американистики как академической дисциплины стало появление собственных периодических изданий. В 1971 г. сектор истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР опубликовал первый номер «Американского ежегодника», который

¹¹⁵ Там же. С. 30-31.

¹¹⁶ О ленинградской школе см. например: Носков В.В. Первые шаги американистики в Ленинграде // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 259–277; Носков В.В. Петербургская американистика: основные этапы развития // Санкт-Петербург – США. 200 лет российско-американских дипломатических отношений. СПб., 2009. С. 184–212; Носков В.В. Становление американистики в Санкт-Петербурге // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2006. СПб., 2007. С. 28–51.

¹¹⁷ Шлепаков стал героем нескольких неоднозначных монографий историка украинского происхождения С.И. Жука: Zhuk S.I. Nikolai Bolkhovitinov and American Studies in the USSR. People's Diplomacy in the Cold War. Lanham, 2017. P. 9-12; Zhuk S.I. Soviet Americana: The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists. L., 2018. P. 50-60, 80-87.

¹¹⁸ Садовая Г.М. Борис Дмитриевич Козенко (1927-2007) // Новая и Новейшая история. 2009. № 6. С. 201-210; Попкова Л.Н. Изучение истории США в Самарском государственном университете. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. Т. 1. Выпуск 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840000080-7-2/> (дата обращения 01.05.2024).

впоследствии превратился в главное издание для всех историков-американистов. На страницах «Американского ежегодника» публиковались статьи крупнейших американистов, обзоры новейшей историографии (в том числе и зарубежной), библиографические списки выпущенных работ и защищенных диссертаций по истории США. Это способствовало формированию сообщества советских американистов. В 1978 г. созданный Сивачевым Научный координационный совет по проблемам американистики МГУ начал выпуск ежегодника «Проблемы американистики», главным редактором которого стал Язьков¹¹⁹. Это междисциплинарное по своему характеру издание позволило расширить научное сообщество американистов и проблематику исследований. О другом журнале, который выпускал Институт США и Канады АН СССР, будет рассказано ниже в контексте становления советской экспертной американистики. К сожалению, никаких других специализированных изданий по американистике в СССР так и не появилось.

Тем не менее, к 1970-м гг. советские американисты накопили достаточное количество знаний для подготовки нескольких обобщающих трудов, которые могли быть использованы в качестве учебных пособий для нового поколения студентов, специализирующихся на истории Соединенных Штатов. В 1972 г. одновременно вышли две монографии по новейшей истории США. «Отец-основатель» советской американистики Л.И. Зубок в соавторстве с Н.Н. Яковлевым обобщил историю США с 1917 по 1968 гг.¹²⁰ Еще одна книга была написана для студентов профессорами кафедры новой и новейшей истории МГУ Н.В. Сивачевым и Е.Ф. Язьковым¹²¹. Сотрудник ИМЭМО и

¹¹⁹ Там же. С. 31, 289-290.

¹²⁰ Зубок Л.И., Яковлев Н.Н. Новейшая история США (1917-1968). М., 1972.

¹²¹ Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США (1917-1972). М., 1972.

«пионер» отечественной американистики В.И. Лан в 1978 г. опубликовал работу, посвященную истории США в военные и послевоенные годы¹²².

В 1980-е гг. советские американисты стали проявлять повышенный интерес к историографическим публикациям. В 1980 г. вышла книга Н.Н. Болховитинова «США проблемы истории и современная историография», в которой подводился итог исследованиям истории США от образования государства до конца XIX в.¹²³ В 1983 г. Институт всеобщей истории АН СССР начал выпуск фундаментального четырехтомного труда «История США». Историки-американисты стремились не только обобщить накопленные знания в рамках единого нарратива, но и проанализировать развитие американских исследований по обе стороны Атлантики. Каждый том завершался историографической главой, резюмирующей изучение истории США того или иного периода, демонстрирующей историографические тренды как в американской, так и в советской науке, а также указывающей на пробелы в исследованиях¹²⁴.

Таким образом, к 1980-м гг. институционализация советской американистики как особой академической дисциплины в основных чертах завершилась: появились программы подготовки специалистов, были опубликованы учебники, заработали исследовательские центры и научные институты, начали выходить периодические издания и обобщающие труды. Но во всех случаях речь преимущественно шла об академическом изучении США (прежде всего, американской истории) и подготовки студентов и аспирантов. Для того, чтобы оценить степень влияния советских американистов на процесс принятия внешнеполитических решений и, как следствие, на советско-американские отношения, необходимо

¹²² Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978.

¹²³ Болховитинов Н.Н. Указ. соч.

¹²⁴ История США. Т. 1-4. М., 1983-1987.

проанализировать развитие экспертной американистики, которое проходило в контексте становление института советской внешнеполитической экспертизы.

1.2. Становление и эволюция внешнеполитической экспертизы в СССР в 1950-е-1960-е гг.

Начиная с середины 1950-х гг. запрос на профессиональное экспертное знание о мире в СССР оказался настолько сильным, что параллельно с появлением академических институтов стали развиваться экспертные центры. Регионоведческие институты Академии наук выполняли одновременно академические и экспертные функции. Одним из таких центров стал Институт США, созданный Г.А. Арбатовым. Однако, прежде чем анализировать его деятельность, необходимо кратко описать историю формирования советской внешнеполитической экспертизы, чтобы понять, в каком контексте возник главный «мозговой центр» советской американистики и какое место он занял среди других внешнеполитических институтов Советского Союза 1970-х–1980-х гг.

В.И. Журавлева и И.И. Курилла пишут, что любое знание о Другом можно разделить на три типа - популярное, академическое и экспертное. Экспертное знание возникает по прямому запросу государства (и шире – общества) и носит более прикладной характер, чем знание академическое. Экспертиза нацелена на конвертацию полученных знаний в конкретные политические рекомендации¹²⁵. Проблема заключается в том, что язык, который мы используем для описания экспертных сообществ, пришел из американской экспертологии и был создан для характеристики американских реалий¹²⁶. Например, их могут определять как «...аналитические центры

¹²⁵ Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects. / Ed. by I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. Lanham, 2016. P. VI–XVIII.

¹²⁶ Историография развития американских экспертно-аналитических центров обширна. См., например: Супян В.Б. «Мозговые центры» США: их роль и эволюция как независимых исследовательских организаций // США - Канада. Экономика, политика, культура. 2010. №1. С.4-16; Шаклеина Т.А. «Мозговые центры» и их роль в формировании внешней политики США // Введение в прикладной анализ международных ситуаций. / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М., 2014. С. 109-133; Abelson D. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes (2nd Edition). Montreal, 2002; Haas R. Think Tanks and U.S. Foreign Policy: A Policy-Maker's Perspective, November 1. 2002; Rich A. Think Tanks, Public Policy, and the

(«фабрики мысли») – *непартийные, неправительственные* организации, занимающиеся стратегическим анализом политических и социально-экономических явлений и процессов. (*курсив мой - И.Т.*)»¹²⁷.

Разумеется, в Советском Союзе непартийные и неправительственные организации существовать не могли. Если же советские «фабрики мысли» были встроены в государственный аппарат, то возникает вопрос о том, чем их экспертиза отличалась от экспертизы МИД СССР, а производимая ими продукция от докладных записок советских послов?

В советское время термин «эксперт» не использовался, никто себя так не называл. Ближе всего к термину «эксперт» находился, наверное, термин «консультант», которым себя называли работники внешнеполитических отделов ЦК КПСС в 1960-е-1970-е гг.¹²⁸ Советских экспертов, которые направлялись на работу за границу, и вовсе называли по-разному: советниками, профессорами и даже техниками¹²⁹. Поэтому необходимо помнить, что "экспертное сообщество" по отношению к советской исторической реальности — это исследовательский термин, которым ученые стремятся описать группу людей и организаций, занимавшуюся консультированием высших партийных чиновников и таким образом принимавшую участие в выработке внешнеполитических решений в СССР.

Politics of Expertise. Cambridge, 2004; McGann J.G. Think Tanks and Policy Advice in the US: Academics, Advisors and Advocates. N.Y., 2007; Ahmed M. U.S Think Tanks and the Politics of Expertise: Role, Value and Import. // The Political Quarterly. 2008. Vol. 79. October-November. № 4; Kubilay Y.A. Think Tanks: The Brain Trusts of US Foreign Policy. – Grafelfing, 2014.

¹²⁷ Щегинская Я.В. Экспертно-аналитические центры в США в первой половине XX в.: политические и социально-экономические контексты развития. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. №4. С. 99-109.

¹²⁸ См. например: Бовин А.Е. XX век как жизнь: Воспоминания. М., 2017. С. 101; Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 249-250.

¹²⁹ И здесь речь идет об экспертах другого рода, хотя иногда и они занимались внешней политикой. См. Shen Z., Alitto G. A Historical Examination of the Issue of Soviet Experts in China: Basic Situation and Policy Changes // Russian History. 2002. Vol. 29. № 2/4. P. 379. URL: <http://www.jstor.org/stable/24660793>. (дата обращения: 01.05.2024).

Когда российские исследователи обращаются к истории советской экспертизы (и не только внешнеполитической), они чаще всего никак конкретно ее не определяют. Помимо уже упомянутой вступительной статьи Журавлевой и Куриллы к вышедшей под их редакцией коллективной монографии к теме экспертизы обращалась, к примеру, группа ученых из дипломатической академии МИД России. В статье, посвященной российской системе внешнеполитической экспертизы также приводится краткая история этой системы. Советскую эпоху авторы характеризуют как «период устойчивого планового взаимодействия органов внешних сношений с ограниченным кругом государственных учреждений (ведомственных и академических); в целом, единообразие подходов, методологии и форм результатов, представляемых “практикам”»¹³⁰.

Такая формулировка, конечно, очень размыта. Тем не менее, разграничение ведомственных учреждений и академических, описанное авторами, имеет важное значение. Такое же разделение на ведомственную и академическую экспертизу автор диссертации использовал в своей статье, посвященной месту экспертно-академической американистики в системе внешнеполитической экспертизы¹³¹.

Похожее разграничение экспертизы на «внутреннюю» (ведомственную) и «внешнюю» (академические институты) предлагает А.В. Еленский. По его мнению, несмотря на то, что «экспертное сообщество оказалось почти полностью инкорпорировано в состав государственной власти», и это «сказывалась на содержательных характеристиках выполняемой экспертизы», советскому экспертному сообществу удавалось компенсировать данный

¹³⁰ Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.В., Трефилова Ю.А. Российская система внешнеполитической экспертизы // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(5). С. 266-292.

¹³¹ Тарбеев И.М. Экспертно-академическая американистика в системе советской внешнеполитической экспертизы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 10–21.

недостаток благодаря «разветвленности». «Внутренние» экспертные центры, такие как отделы МИД, Международный отдел ЦК КПСС, КГБ и Министерство обороны, конкурировали с «внешними» центрами, к которым можно отнести академические институты¹³².

Обе эти классификации призваны решить проблему, которая неизбежно возникает при исследовании советской внешнеполитической экспертизы. Так как в отличие от Соединенных Штатов в Советском Союзе не существовало «непартийной и неправительственной» экспертизы, исследователи вынуждены какими-то образом подчеркивать очевидное различие между отделами советских ведомств и институтами Академии наук. Когда в диссертации говорится о советской американистике, прежде всего, имеется в виду «академическая» или «внешняя» экспертиза. Тем не менее, и та, и другая классификации несовершенны. Американский исследователь советологии (т.е. экспертно-академической дисциплины, которая изучала Советский Союз) Д. Энгерман пишет, что американская внешнеполитическая экспертиза так же представляла собой «неформальную сеть, состоящую из профессоров, солдат, чиновников и шпионов»¹³³. В диссертации этот подход используется для изучения той неформальной сети экспертизы, в которую был вписан Институт США и Канады и которая позволяла ему взаимодействовать с другими «узлами» этой сети.

В условиях потепления международных отношений, провозглашения нового внешнеполитического курса и смягчения внутренней политики советское правительство столкнулось с существенной проблемой: оно занялось выстраиванием взаимоотношений с другими странами мира, но практически ничего об окружающем мире не знало. В середине 1950-х гг. в

¹³² Еленский А.В. Внутренняя и внешняя составляющие в истории отечественной внешнеполитической экспертизы // Южнороссийский журнал социальных наук. 2004. №3-4. С. 76.

¹³³ Engerman D. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. P 4.

СССР отсутствовали экспертные центры, занимавшиеся изучением капиталистических стран. По замечанию Г.А. Арбатова, «ситуация была абсурдной», потому что в стране, кроме Института востоковедения, «не было ни одного центра, изучающего международную тематику – зарубежные страны, внешнюю политику, международные экономические и политические проблемы»¹³⁴. Еще в 1947 г. решением Политбюро ЦК КПСС был ликвидирован Институт мирового хозяйства и мировой политики, часть сотрудников которого были репрессированы, а часть волилась в Институт экономики.

Именно на основе этого ликвидированного института в 1956 г. был создан Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) как первый советский «мозговой центр». И сотрудники ИМЭМО, и историки считают этот центр «ребенком XX съезда»¹³⁵. В Постановлении Президиума АН СССР о создании ИМЭМО содержался такой пункт: «Обязать Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР информировать директивные органы о новых процессах в экономике и политике капиталистических стран»¹³⁶. Как отмечает П.П. Черкасов, «это придавало ИМЭМО особый статус, выделявший его из ряда других академических институтов гуманитарного профиля. Решение собственно научных, фундаментальных задач должно было сочетаться в деятельности ИМЭМО с информационно-аналитическим обслуживанием директивных органов, т.е. ЦК КПСС, СМ СССР, отдельных министерств и ведомств. Иными словами, ИМЭМО с самого начала находился под высоким покровительством ЦК»¹³⁷.

В 1960-х гг. по лекалам ИМЭМО был создан целый ряд научно-экспертных центров, каждый из которых специализировался на разных

¹³⁴ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 96.

¹³⁵ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 96; Черкасов П.П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. С. 98.

¹³⁶ Цит. по: Черкасов П.П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. С. 106.

¹³⁷ Черкасов П.П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. С. 106.

регионах мира. Импульсами к их появлению стали конкретные события в мире, что в очередной раз демонстрировало значимость общественно-политического запроса в формировании страноведческих и регионоведческих дисциплин. Так, в конце 1950-х гг. начался активный распад старых колониальных империй. В итоге открывался новый фронт Холодной войны: освободившимся от колониальной зависимости государствам предстояло выбрать путь развития – советский или западный/американский. Для эффективной работы с этими государствами необходимо было их изучать. Поэтому в 1959 г., накануне «года Африки», «в целях всестороннего изучения современных политических и экономических проблем африканского континента, а также истории и культуры народов Африки» из Института востоковедения был выделен Институт Африки¹³⁸. В 1961 г., после революции на Кубе и личной встречи Н.С. Хрущева и Ф. Кастро на Генеральной ассамблее ООН, был создан Институт Латинской Америки. Этот регион определялся как «зона активной антиимпериалистической борьбы и национально-освободительного движения»¹³⁹. В 1966 г. начал свою деятельность Институт Дальнего Востока, главной задачей которого стало «комплексное изучение проблем Китая, Японии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея, отношений Советского Союза/России с этими государствами, опыта социально-экономического развития названных стран, их истории и культуры, содействие межцивилизационному диалогу со странами СВА»¹⁴⁰.

Как видно из этого перечня, в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. в Советском Союзе сформировался запрос на экспертное изучение стран

¹³⁸ Решение о создании Института. // URL: <https://www.inafran.ru/node/462> (дата обращения: 15 мая 2018).

¹³⁹ Давыдов В.М. Институт Латинской Америки РАН: полвека научной деятельности // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С 3-14.

¹⁴⁰ Выписка из постановления президиума АН СССР о создании Института Дальнего Востока... // URL: <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/2d285155.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).

«третьего мира». Именно по ним проходил «фронт» Холодной войны, а потому прикладное знание об этих регионах было наиболее востребовано. Наконец, в 1967 г. возник и специальный центр по изучению Соединенных Штатов Америки – Институт по Соединённым Штатам Америки АН СССР, который в 1974 г. был переименован в Институт Соединенных Штатов Америки и Канады АН СССР (ИСКАН). На долгие годы он стал главным экспертно-академическим центром по изучению США в СССР.

Тем не менее, процессы развития «внутренней» и «внешней» экспертизы тесно переплетались. Так основатель и первый директор Института США Г.А. Арбатов имел большой опыт работы в «ведомственной» экспертизе, что, как будет продемонстрировано далее, во многом определило положение Института в системе внешнеполитической экспертизы. На развитие «внутренней» экспертизы значительное влияние оказали вызовы внутри советского блока, самый главный из которых – восстание в Венгрии в 1956 г. После силового подавления волнений советское руководство осознало, что оно плохо разбиралось не только в том, что происходило в капиталистических странах, но и внутри стран социалистического лагеря.

В результате в 1957 г. было принято решение о разделении Международного отдела на два. Первый Международный отдел продолжал свою деятельность под управлением Б.Н. Пономарева и специализировался на отношениях с капиталистическими странами. Второй отдел официально получил название «Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран». Заведующим этого отдела стал бывший посол СССР в Венгрии Ю.В. Андропов, который воочию наблюдал события в Будапеште. Поскольку все сотрудники старого Международного отдела остались под начальством Пономарева, Андропову пришлось создавать новую команду. В итоге в Отдел (сотрудники называли его просто «Отделом») пришли специалисты-международники, которые раньше не работали в ЦК и

не имели аппаратного опыта¹⁴¹. Именно так в начале 1960-х гг. в Отделе ЦК оказались Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин и другие молодые эксперты, впоследствии ставшие известными политическими комментаторами, консультантами и «спичрайтерами».

В контексте заявленной темы диссертации особый интерес вызывает фигура Г.А. Арбатова, будущего основателя и директора Института США и Канады, который именно в годы работы консультантом ЦК КПСС приобрел первый опыт экспертной деятельности и наладил неформальные связи с другими экспертами и высшими партийными чиновниками, оказывая влияние на развитие советского экспертного сообщества.

История экспертных групп «братских отделов» до сих пор ждет своего исследователя. В отечественной и зарубежной историографиях группам консультантов не посвящено ни одной специальной работы. В исторических публикациях группы, если и упоминаются, то лишь вскользь. Р.А. Медведев, известный историк и автор биографии Ю.В. Андропова, так характеризует деятельность секретарей ЦК и их подчиненных: «В 1950-1960-е годы у нас в стране не применялся термин «публичный политик». На такую роль могли претендовать тогда лишь несколько человек, и в первую очередь сам Хрущев. Заведующий отделом ЦК не имел ни возможности, ни права быть публичным политиком. Его влияние было велико, но он работал практически анонимно, принимая решения в тиши кабинета, а в более сложных случаях обращался с советами и рекомендациями к лидеру партии и государства. Андропов строго следовал этому правилу, и, хотя работы у него всегда было много, о его деятельности в аппарате ЦК КПСС мы почти ничего не знаем»¹⁴².

Остается лишь добавить, что о деятельности его отдела и подчиненных известно еще меньше. Консультанты писали речи и доклады для своих

¹⁴¹ Бовин А.Е. Указ. соч. С.100-103.

¹⁴² Медведев Р. Андропов. М., 2006. С. 66-67.

начальников, редактировали статьи и создавали записки. Все эти документы по своему характеру имели анонимное или коллективное авторство. Кроме того, по воспоминаниям Арбатова, консультанты нередко работали в режиме коллективного «мозгового штурма»: «В сложных ситуациях, а их было много, да и вообще почти всегда на завершающем этапе работы все “задействованные” в ней собирались у Андропова в кабинете, снимали пиджаки, он брал ручку — и начиналось коллективное творчество, часто очень интересное для участников и, как правило, плодотворное для дела. По ходу работы разгорались дискуссии, они нередко перебрасывались на другие, посторонние, но тоже всегда важные темы. Словом, если говорить академическим языком, работа превращалась в увлекательный теоретический и политический семинар»¹⁴³.

Бурлацкий также вспоминает об этом свободном рабочем стиле, который был принят в кабинете Андропова¹⁴⁴. Разумеется, протоколов таких «семинаров» не существует, поэтому о работе консультантов мы знаем в основном из воспоминаний участников. Наиболее подробное описание деятельности и состава групп консультантов можно найти лишь в популярной исторической биографии Андропова, написанной журналистом Л.М. Млечиным¹⁴⁵. Эта книга не является научным трудом, не содержит какого-либо научного аппарата и ссылок на источники. Тем не менее, можно предположить, что Млечин основывается на каких-то архивных документах: он дает довольно подробное описание обстоятельств создания первой консультационной группы в отделе Андропова; приводит список экспертов, которые стали членами этой группы; цитирует уставные документы. За исключением этого популярного труда мы можем полагаться лишь на

¹⁴³ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 116.

¹⁴⁴ Цит. по.: Медведев Р. Андропов. С. 78-79

¹⁴⁵ Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008.

многочисленные воспоминания, которые оставили члены консультационных групп.

Автор диссертации не ставил перед собой задачу детально исследовать деятельность консультационных групп, поскольку пик активности консультантов пришелся на период, предшествовавший созданию Института США. Тем не менее, его будущий директор Г.А. Арбатов начинал свою экспертную деятельность именно в группе консультантов «Отдела» под руководством Ю.В. Андропова. С большой уверенностью можно утверждать, что опыт работы консультантом, а впоследствии руководителем группы консультантов сыграл огромную роль в том, что именно Арбатов стал директором советского «мозгового центра», специализирующегося на изучении США. В этот период также закладывались многие личные контакты Арбатова, которые позволили ему оказывать влияние на процесс принятия решений в будущем. Кроме того, общая характеристика деятельности консультационных групп представляется необходимой с учетом заявленной темы диссертации, поскольку дает возможность лучше понять процесс становления и развития внешнеполитической экспертизы в СССР.

При изучении «сети» советской внешнеполитической экспертизы особый интерес представляет коллективная биография консультантов ЦК. Это позволит ответить на целый ряд вопросов, касающихся «бэкграунда» советских экспертов и их дальнейшего профессионального пути. Посредством просопографического метода удалось составить характеристику группы консультантов двух отделов ЦК: Международного отдела Б.Н. Пономарева и Отдела по связям с коммунистическими партиями социалистических стран Ю.В. Андропова.

По данным Млечина, первая группа консультантов была создана в Международном отделе в октябре 1963 г. В декабре того же года Андропов направил в ЦК записку с просьбой образовать подотдел информации и

включить в него консультантов. 2 января 1964 г. просьбу Андропова удовлетворили¹⁴⁶. В группу консультантов андроповского «Отдела» входили:

1. Федор Михайлович Бурлацкий – руководитель группы,
2. Александр Евгеньевич Бовин,
3. Георгий Аркадьевич Арбатов,
4. Георгий Хосроевич Шахназаров,
5. Лев Петрович Делюсин,
6. Олег Тимофеевич Богомолов,
7. Федор Федорович Петренко,
8. Н.В. Шишилини¹⁴⁷,
9. Ю.А. Пекшев¹⁴⁸,
10. М.В. Сенин¹⁴⁹,
11. Р.П. Федоров,
12. Г.И. Герасимов,
13. В.А. Александров,
14. П.Л. Колин.

К сожалению, не обо всех консультантах группы Андропова можно найти достоверную и хоть сколько-нибудь полную информацию. Сведений про группу консультантов Международного отдела еще меньше: многие консультанты Андропова написали мемуары, в то время как консультанты МО оставили мало свидетельств.

Следует иметь в виду, что хорошо известны биографии лишь тех консультантов, которые в будущем проявили себя на экспертно-академическом, журналистском или политическом поприщах: Арбатов,

¹⁴⁶ Млечин Л.М. Указ. соч., с. 89-101.

¹⁴⁷ О детском стремлении к полету, беседах с Хрущевым и разработке новой Конституции СССР // Проект «Устная история». URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-1488/text> (дата обращения: 01.05.2024)

¹⁴⁸ ««Это было недавно, это было давно...»: Воспоминания / Отв.ред. И.И. Орлик; сост. И.И. Орлик, Т.В. Соколова. М., 2010. С. 102.

¹⁴⁹ Там же.

Бовин, Шахназаров – все они были видными деятелями нескольких эпох. Многие из них (Арбатов, Бовин, Богомолов, Бурлацкий, Делюсин) покинули должности консультантов на рубеже 1960-х – 1970-х гг., сделав яркую карьеру в других областях. Шахназаров вообще приобрел широкую известность во время Перестройки, когда он стал помощником и советником М.С. Горбачева. Узнать детали биографий тех консультантов, которые оставались незначительными партийными чиновниками в течение всего периода «застоя» (1964-1985) и не сделали политическую карьеру в годы Перестройки, достаточно сложно.

К примеру, вот что пишет руководитель группы консультантов Ф.М. Бурлацкий о Ф.Ф. Петренко: «... пришел в нашу группу из журнала «Коммунист». Человек исключительной честности и какой-то необычайной чистоты, он вносил умиротворение в нашу команду. Кроме того, это был единственный человек, который глубоко и серьезно изучал проблемы нашей партии и компартий других социалистических стран и уже тогда искал новые, демократические формы их деятельности. Он дольше других проработал в аппарате ЦК, не стремясь к карьере и заботясь о сохранении убеждений и их последовательном продвижении в “документы” и в жизнь»¹⁵⁰. Кроме этой краткой характеристики о Петренко ничего неизвестно.

Судя по всему, консультанты Международного отдела надолго задерживались на своих должностях. Один из них, К.Н. Брутенц, приводит такую статистику: «Состав группы, как и самого Международного отдела, был стабильным. Почти за 30 лет (при штате 10–11 консультантов) в ней поработало 20 человек»¹⁵¹.

В этом смысле экспертная группа МО резко контрастировала с «андроповской» группой консультантов, первый состав которой практически

¹⁵⁰ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 253-254.

¹⁵¹ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 229.

полностью ушел из ЦК на рубеже 1960-х–1970-х гг. (причины этого «исхода» будут проанализированы ниже). Вероятно, «стабильность» консультантской группы Международного отдела и является причиной пробела в наших знаниях о ней и о ее членах. В то же время в отделе молодого и прогрессивного Андропова (к началу 1960-х гг. ему не было еще и пятидесяти лет) собрались яркие и талантливые личности. Именно в результате своих талантов они позже смогли сделать карьеры в разных областях, оставаясь при этом неформальными консультантами и «спичрайтерами» Л.И. Брежнева и других высших партийных чиновников. Косвенным подтверждением этой гипотезы может служить то, что два известных консультанта Международного отдела А.С. Черняев и К.Н. Брутенц в своих мемуарах чаще и красочнее вспоминают совместную работу с «андроповскими» консультантами, чем с коллегами из своего отдела.

Тем не менее, анализ имеющихся данных позволяет выделить ряд сходств в биографиях консультантов. Для удобства анализа представим все основные вехи биографии каждого из консультантов в таблице (см. приложение 1). В «андроповской» группе работали люди поколения 1920-х гг.: в 1964 г. им было от 34 до 41 (самые старшие – Арбатов и Делюсин – 1923 г.р., самые молодые – Бовин и Герасимов – 1930 г.р.). Все они получили высшее образование в области юриспруденции или международных отношений, многие закончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации. Профессиональные пути консультантов схожи. Многие из них имели опыт работы в советских издательствах, некоторые – в научных институтах. Все без исключения работали журналистами или членами редакций в газетах и журналах «Коммунист», «Проблемы мира и социализма», «Правды» и т.д. – т.е. все были журналистами-международниками.

С одной стороны, эти сходства не должны удивлять: по утверждению руководителя группы Ф.М. Бурлацкого, он «сам собирал эту группу» по

заданию Андропова: «Я был руководителем группы консультантов ЦК при секретаре ЦК Андропове Юрии Владимировиче. Я их пригласил, это были мои приятели и, в общем, единомышленники. <...> Я сам собирал эту группу, и мы, в основном, придерживались того, что считалось тогда “ревизионизмом”. То есть таких взглядов, что нам надо идти путем Запада. Я писал об этом— очень неосторожно. Поскольку я был в ЦК, то все считали, что это отражает мнение верхов или, по крайней мере, какой-то их части.»¹⁵²

В своих воспоминаниях Бурлацкий пишет о том, что никто из предложенных им кандидатов не был отвергнут, даже если он «не подходил под аппаратные критерии»¹⁵³. В контексте диссертационного исследования не имеет значения, действительно ли это так, или крайне субъективный мемуарист Бурлацкий, дававший много нелестных оценок своим бывшим коллегам и помещавший себя в центр исторических событий, и здесь несколько приукрашивает реальность. Важно то, что Бурлацкий и правда подбирал группу из своих знакомых: Шахназарова он знал еще с аспирантуры в Институте права АН СССР, а потом работал с ним в «Коммунисте»; с Бовиным они также познакомились во время работы в журнале «Коммунист»; Арбатова Бурлацкий знал по работе над учебником «Основы марксизма-ленинизма» под руководством О.В. Куусинена. Учебник вышел в 1960 г. и был еще одним звеном коллективной биографии экспертов: в его подготовке принимали участие Арбатов, Бурлацкий, Брутенц, Кон, а консультантами среди прочих выступали бывший директор ликвидированного в 1947 г. Института мирового хозяйства и мировой политики академик Е.С. Варга и первый директор ИМЭМО член-корреспондент АН СССР А.А. Арзуманян. Карьерные траектории этих специалистов еще не раз пересекутся в будущем.

¹⁵² «О детском стремлении к полету, беседах с Хрущевым и разработке новой Конституции СССР». // Проект «Устная история» URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-1488/text> (дата обращения: 05.03.2024).

¹⁵³ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 254.

Постепенно группа Андропова начала распадаться. Первым ушел сам Бурлацкий. Согласно его воспоминаниям, он почувствовал резкое изменение политического курса, произошедшее после октябрьского пленума 1964 г., окончившегося смещением Н.С. Хрущева с должности первого секретаря ЦК КПСС¹⁵⁴. Уже в декабре 1964 г. Бурлацкий подал в отставку, порекомендовав после себя Арбатова или Шахназарова в качестве главы консультационной группы. Несмотря на рекомендацию Арбатова перейти на работу в какой-нибудь институт Академии наук, Бурлацкий ушел в газету «Правда», которой в тот момент руководил известный своим либерализмом А.М. Румянцев.

В 1950-е гг. Румянцев был главным редактором журнала «Коммунист», поэтому его прекрасно знали Бурлацкий и Бовин. На рубеже 1950-х – 1960-х гг. он стал главным редактором журнала «Проблемы мира и социализма», в котором работали Арбатов, Шахназаров, Делюсин и Герасимов. В 1964 г. Румянцев занял пост главного редактора «Правды». Бурлацкий утверждал, что это именно он через Андропова порекомендовал Румянцева на данный пост¹⁵⁵. В 1965 г. Румянцев принял получившего, наконец, отставку Бурлацкого в штат главной газеты страны. Последний после скандала со статьями о театральной цензуре и театре на Таганке в 1967 г. перешел в ИМЭМО, где работал в отделе известного советского ученого А.А. Галкина¹⁵⁶. В 1969 г. Румянцев стал первым директором Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР и пригласил Бурлацкого на должность заместителя директора. Набирая команду, Бурлацкий перетянул в ИКСИ Галкина и Кона, с которыми он работал над учебником Куусинина.

¹⁵⁴ Там же. С. 308-309, 319-321.

¹⁵⁵ Там же.. С. 322

¹⁵⁶ А. А. Галкин: «Я считаю себя апологетом политической социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб., 1999. URL: <https://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/galkin.html> (дата обращения: 01.05.2024).

Как мы увидим ниже, подобная карьерная траектория (из журналистики в научные центры или сразу в консультанты, а затем из консультантов обратно в журналистику или научные центры) характерна для многих консультантов ЦК. Такие переходы становились возможны в результате работы неформальной советской «сети» экспертов, журналистов, политиков, что позволяет говорить о существовании своеобразной советской системы «вращающихся дверей».

1.3. Система «вращающихся дверей» и сообщество «своих»

Система «вращающихся дверей» – устоявшийся термин, который используется для описания карьерных траекторий экспертов и политиков в США. Американские эксперты зачастую начинали свой путь в академических центрах; позже они попадали на высокие государственные посты, превращая свои теоретические наработки в прикладное знание. Позже по разным причинам они уходили с государственной службы, возвращаясь в университетские или экспертные центры, бизнес или публицистику. Госсекретарь США Г. Киссинджер, министр обороны Р. Макнамара и советник по национальной безопасности президента США У.У. Ростоу, также как и многие эксперты-герои книг Д. Энгермана¹⁵⁷ и Н. Гильмана¹⁵⁸, прошли через «вращающиеся двери». Каждый из них начинал свою карьеру в университете в качестве ученых и преподавателей: Киссинджера и Макнамара в Гарварде, а Ростоу – в Колумбийском университете. В результате разных обстоятельств их привлекли к государственной службе в качестве консультантов – эту работу они могли совмещать с исследованиями и преподаванием. Их карьера развивалась, и со временем они получили высокие государственные посты: Макнамара стал министром обороны США, Ростоу – советником президента по национальной безопасности, а Киссинджер – Государственным секретарем США. После окончания политической карьеры, которое, как правило, было связано с избранием другого президента и сменой администрации, эксперты вернулись в университеты и экспертные центры, а также заняли важные посты в международных организациях: Макнамара, к примеру, стал президентом Всемирного банка.

¹⁵⁷ Engerman D. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts.; Engerman D. Modernization from the Other Shore.

¹⁵⁸ Gilman N. Mandarins of the Future. Modernization Theory in Cold War America. Baltimore and London, 2003.

Однако, возникают проблемы с перенесением термина «система вращающихся дверей» в советский контекст. Американская система «вращающихся дверей» существует в рамках децентрализованной сети государственных ведомств, академических и экспертных центров и постоянной смены президентских администраций. Эксперты получают должности и выходят в отставку в зависимости от результатов президентских выборов; экспертные центры, бизнес и университеты, чьи доходы и бюджеты зависят от интеллектуальной деятельности, борются за экспертов, переманивая их друг у друга. В Советском Союзе прямой и открытой конкуренции не существовало, а власть сменялась нечасто. Однако, существовала другая важная черта, обеспечивающая функционирование «вращающихся дверей» — многочисленные горизонтальные связи, объединяющие людей в разные социальные сети и превращающие общественные институты в центры этих сетей.

Шотландский историк Н. Фергюсон в своей книге «Площадь и башня» использует сетевой анализ для изучения деятельности Г. Киссинджера (эти идеи он развивает также в своей двухтомной биографии Киссинджера, второй том которой пока так и не вышел). Несмотря на очень поверхностный анализ, обусловленный научно-популярным характером книги, Фергюсон делает ряд интересных наблюдений. По его мнению, секрет политики Киссинджера заключался в исключительной способности налаживать горизонтальные связи¹⁵⁹. Фергюсон противопоставляет этот подход Киссинджера советской политической модели, которая «методично разобщила личные сети и разобщила людей»¹⁶⁰.

Автор диссертации позволит себе не согласиться с этим утверждением Фергюсона. Контакты с иностранцами для рядового советского гражданина и

¹⁵⁹ Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М., 2020. С. 304.

¹⁶⁰ Там же.

правда были затруднены (в этом смысле эксперты имели настоящий «карт-бланш», о чем пойдет речь ниже). Однако многие историки напротив описывают СССР как систему, поощрявшую строительство личных сетей и горизонтальных связей. Например, А.В. Шубин, характеризуя советскую экономику периода «застоя», называет ее «экономикой согласований» и делает акцент именно на обилии личных связей, обеспечивающих функционирование распределения товаров в условиях дефицита¹⁶¹.

О важности личных связей для формирования новых идеологических смыслов и возможностей внутри системы позднего социализма пишет А.В. Юрчак. Он достаточно подробно рассматривает важнейший для советской культуры термин «свои». Оспаривая мнение американских коллег, антрополог подчеркивает, что «свои» не обязательно противопоставлялись государству, отказываясь от четкой бинарной оппозиции «государство – общество»¹⁶². Юрчак дает сложное определение термину «свои»: «Он заключается в наименовании особой общности людей, которая самоорганизовывается *по отношению* к авторитетному дискурсу, являясь *результатом* этого дискурса. Однако эта общность людей, с одной стороны, отличалась от того, что в этом авторитетном дискурсе именовалось “советской молодежью с коммунистическим мировоззрением”, а с другой стороны, отличалась от диссидентского общества, сформированного по принципу противоположности авторитетному дискурсу»¹⁶³.

Именно такую модель отношений и строили советские интеллектуалы, проходившие через систему «вращающихся дверей». Их социальная сеть была сетью «своих». Когда Бурлацкому потребовалось найти сотрудников для формирования консультантской группы, он стал искать

¹⁶¹ Шубин А.В. Указ. соч. С. 70-91.

¹⁶² Юрчак А.В. Указ. соч. С. 214.

¹⁶³ Там же. С. 213.

«единомышленников», с которыми он работал в журналах и научных институтах определенной направленности. Со своей стороны, Бовин описывал подбор консультантов по принципу: «марксисты с неким ревизионистским душком»¹⁶⁴. Эта формула более точно описывает характер «своих», чем известное выражение Е.М. Примакова о «внутрисистемном диссидентстве»¹⁶⁵. В отличие от диссидентов, интеллектуалы не противопоставляли себя системе и даже активно на нее работали. Вместо этого они противопоставляли себя, с одной стороны, «активистам», т.е. консерваторам, говорящим идеологическими клише, а с другой – диссидентам, открыто выступающим против системы¹⁶⁶.

Таким образом консультанты, выражаясь языком героев книги Юрчака, «работали со смыслом, а не для проформы»¹⁶⁷. Эту оппозицию можно найти в воспоминаниях консультантов, например, у Брутенца: «Как и у отдела в целом, функции консультантской группы можно было бы разделить на две части. Одна носила как бы идеологически-пропагандистский характер. Необходимо было обеспечить руководство аргументами, оправдывающими ту политику, которая определялась и проводилась без нас. <...> Правда, к таким поручениям мы относились формально и не старались сделать больше определенного минимума. <...> Другая функция консультационной группы – составление записок по принципиальным политическим вопросам с обоснованием тех или иных позиций и предложений»¹⁶⁸.

Социальная сеть «своих» формировалась за счет этого разделяемого всеми отношения к своей деятельности. Горизонтальные связи укреплялись долгой работой на правительственных дачах под песни Владимира

¹⁶⁴ Бовин А.Е. Указ. соч. С. 103.

¹⁶⁵ Черкасов П.П. ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи. С. 14-16.

¹⁶⁶ Юрчак А.В. Указ. соч. С. 216-220.

¹⁶⁷ Там же. С. 192-201.

¹⁶⁸ Брутенц К.Н. Указ. соч. С. 226-228.

Высоцкого¹⁶⁹, которые консультанты называли «сидениями»; совместными застольями, о которых участники с удовольствием вспоминают в своих мемуарах; и даже совместно создаваемым фольклором – многочисленными остротами, стихами и афоризмами¹⁷⁰. Эти практики создавали общий опыт, общие эмоции, усиливали общие ценности, т.е. еще больше сплачивали консультантов в особую группу¹⁷¹. Они вывели сеть за пределы рабочих кабинетов, превратив «своих» из коллег в друзей. Эта особенность сети сыграла важную роль при распаде групп консультантов.

Если очертить приблизительный круг «своих» на основе дневников и мемуаров, то это, во-первых, консультанты обоих отделов. При подготовке важных внешнеполитических документов консультанты разных отделов часто работали вместе¹⁷². Во-вторых, к «своим» относились «марксисты с ревизионистским душком» из других организаций, например, журнала «Коммунист» и журнала «Проблемы мира и социализма», который Бовин вообще называл «инкубатором» таких кадров¹⁷³, а также академических институтов.

Таким образом, мы можем включить в круг «своих» не только людей, но и организации. Теоретически это возможно благодаря развитию акторно-сетевой теории, показывающей продуктивность включения *non-human actors* в анализ социальных сетей, а эмпирически это оправдано потому, что сами консультанты в мемуарах придают особое значение центрам и организациям, в которых они работали. Так, Г.А. Арбатов называл организации «оазисами

¹⁶⁹ Юрчак А.В. Указ. соч. 248.

¹⁷⁰ См., например, стихи, которые сочиняли консультанты во время работы над документами и речами: Бовин А.Е. Указ. соч. С. 141-142, 201-208.

¹⁷¹ О роли эмоций и ценностей в конструировании идентичности см. например: Аванская В.А. Карибский кризис в эмоциональных репрезентациях американцев (на примере писем американских граждан Н.С. Хрущеву) // Россия и современный мир. № 2. 2023. С. 41-52.

¹⁷² См., например: Бовин А.Е. Указ. соч. С. 109, 115.

¹⁷³ Там же. С. 103.

свободной мысли, складывающимися вокруг достаточно смелых, авторитетных лидеров»¹⁷⁴. Сам он полагал, что ему «повезло поработать в нескольких таких оазисах»¹⁷⁵. В их список Арбатов включал работу в журнале «Новое время» под началом О.В. Куусинена; ИМЭМО, директором которого в то время был А.А. Арзуманян; журнал «Проблемы мира и социализма» с шеф-редактором А.М. Румянцевым, и, конечно, группу консультантов Ю.В. Андропова. В свою очередь, А.Е. Бовин называл такие организации «своими университетами», в которых он учился думать и анализировать. К их числу он относил журнал «Коммунист», группу консультантов, газету «Известия»¹⁷⁶.

В этом контексте отдельного внимания заслуживает фигура Ю.В. Андропова. С большой долей уверенности можно утверждать, что Андропов входил в круг «своих» или находился в своеобразной «пограничной» зоне.

Во-первых, он являлся именно тем «достаточно смелым и авторитетным лидером», который смог создать вокруг себя «оазис творческой мысли». Эти качества позволили Андропову выстраивать совершенно особые отношения со своими подчиненными, о которых последние с пиететом вспоминали до конца жизни¹⁷⁷. Эти отношения укреплялись годами тесного сотрудничества, непосредственного руководства консультантами. Шахназаров писал: «Толкунов (*в то время зам. Андропова в «Отделе» ЦК – И.Т.*) хотел бы руководить консультантами, и иногда ему это удавалось. Но урывками, потому что заведующий Отделом секретарь ЦК (*т.е. Андропов – И.Т.*) жестко установил: консультантская группа находится в прямом его подчинении, и без его указаний никто из «замов» не должен давать ей каких-либо поручений. Причем это была отнюдь не пустая декларация»¹⁷⁸.

¹⁷⁴ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 80.

¹⁷⁵ Там же. С. 81.

¹⁷⁶ См. например: Бовин А.Е. Указ. соч. С. 98.

¹⁷⁷ См. например: Арбатов Г.А. Человек системы. С. 333-371; Бовин А.Е. Указ. соч. С. 104; Шахназаров Г.Х. Указ. соч. С. 102-104.

¹⁷⁸ Шахназаров Г.Х. Указ. соч. С. 102.

Во-вторых, позиция руководителя ставила Андропова в уникальное положение. Он выступал как бы медиатором между руководством и своими подчиненными, разрешая последним высказывать ему любые мысли и суждения и прикрывая их от нападков со стороны «консерваторов». Консультанты замечали эту позицию, описывая Андропова как энергичного и любопытного в «своем кругу» человека, который сразу же превращался в типичного аппаратчика в присутствии начальства: «Так мы живо беседовали, пока нас не прервал грозный телефонный звонок. <...> И я стал свидетелем поразительного перевоплощения, какое, скажу честно, почти не приходилось наблюдать на сцене. Буквально на моих глазах этот живой, яркий, интересный человек преобразился в солдата, готового выполнить любой приказ командира. Изменился даже голос, в нем появились нотки покорности и послушания. <...> В Андропове непостижимым образом уживались два разных человека — русский интеллигент в нормальном значении этого понятия и чиновник, фанатично преданный своему партийному долгу и видящий жизненное предназначение в служении партии»¹⁷⁹.

Подобные метаморфозы могут показаться двуличностью. Однако, они прекрасно вписываются в тот особый способ существования «своих», который описывает Юрчак: «Не секрет, что любой начальник, продавец, вахтер или дворник воспроизводил на своем уровне, в своем служебном контексте модель отношений, характерную для государственных институтов. При этом за пределами данного служебного контекста эта институциональная модель отношений моментально менялась, и “вахтер” оказывался “нормальным человеком” или “своим”»¹⁸⁰.

Поэтому представляется, что арбатовская метафора «оазиса» довольно точно описывает уникальную систему, созданную Андроповым внутри ЦК.

¹⁷⁹ Там же. С. 103.

¹⁸⁰ Юрчак А.В. Указ. соч. С. 214.

Покровительство Андропова позволяло консультантам работать более свободно. Позже известный германист А.А. Галкин рассказывал об особом положении консультантов: «За время работы с Андроповым у Федора (*т.е.*, у Ф.М. Бурлацкого, с которым А.А. Галкин работал и в ЦК КПСС, и в ИМЭМО, и в ИКСИ АН – И.Т.) возникло то, что я назвал ложным чувством безопасности. Он мог писать все, что угодно, казалось бы, и непроходимые по тем временам вещи. И все печатали – в “Коммунисте”, “Правде”, хотя кое-кто и морщился. Все это сходило с рук, пока была броня – доброе отношение Хрущева и поддержка Андропова. Но вот броня исчезла, а чувство защищенности осталось»¹⁸¹. За счет прямого подчинения, личного подбора кадров без «аппаратного прошлого» и свободного стиля работы он выводил консультантов за пределы служебного контекста и той модели отношений, которая была характерна для ЦК. Сам Андропов очень четко разделял эти два контекста, о чем вспоминал Л.П. Делюсин: «Атмосфера у нас в Отделе была очень свободная. Свободная настолько, что однажды привела чуть ли не в ужас зашедшего по делу заместителя главного редактора журнала “Коммунист”. Свободомыслие наших разговоров с Ю.В. Андроповым о разных делах, свободно высказываемые нами мнения совершенно противоречили тому, что «спускалось» сверху даже на тот уровень, на котором находился этот замглавред “Коммуниста”. Ю.В. Андропов поощрял свободные дискуссии, однако только в его присутствии. Своё мнение <...> мы могли высказывать практически только ему, но вовсе не вне Отдела.

¹⁸¹ А. А. Галкин: «Я считаю себя апологетом политической социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб., 1999. URL: <https://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/galkin.html> (дата обращения: 01.05.2024). Сам Галкин в интервью утверждал, что он «тоже подвизался в группу консультантов – в качестве “вольноопределяющегося”». В каком точно статусе Галкин работал в ЦК КПСС и работал ли вообще – не ясно.

Несоблюдение этого правила заканчивалось увольнением <...>. Такой линии придерживался и Б.Н. Пономарёв...»¹⁸².

Уход Андропова в КГБ знаменовал распад этой тонко настроенной системы, так же как и уход Румянцева из журнала «Проблемы мира и социализма» в свое время привел к изменению статуса и роли журнала в общественно-политической жизни СССР¹⁸³. Это, в свою очередь, стало и причиной распада первого состава группы консультантов. Однако горизонтальные социальные связи сети «своих» оказались шире и глубже простого сообщества коллег, связанных общим местом работы. Консультанты сохранили особые отношения с Андроповым и после его ухода в КГБ. Арбатов поддерживал с ним дружественные отношения до конца жизни Юрия Владимировича. Бовин вскользь вспоминал, как «На Лубянке у Андропова перебирали прожитое»¹⁸⁴. Особенности и детали работы Андропова в КГБ, судя по всему, были малоизвестны бывшим консультантам. Бовин упоминал, что уже после смерти Андропова он «подрядился писать о нем книгу», но, ознакомившись с документами КГБ, отказался¹⁸⁵. Таким образом, необходимо помнить, что для консультантов Андропов был прежде всего «Андроповым-Секретарем ЦК», а не «Андроповым-Председателем КГБ». Именно этот первый Андропов и входил в круг «своих» благодаря своему особому стилю управления и подбора кадров.

Итак, советская система «вращающихся дверей» была следствием существования особой сети «своих». Через эту систему Бурлацкий набирал консультантов в свою группу в начале 1964 г. Через эту же систему в 1965 г. он уходил из группы в газету «Правда» к своему бывшему начальнику

¹⁸² Российское китаеведение – устная история: сборник интервью с ведущими китаеведами XX-XXI вв. Т. 1. М., 2018. С. 136.

¹⁸³ Шахназаров Г.Х. Указ. соч. С. 85.

¹⁸⁴ Бовин А.Е. Указ. соч. С. 143.

¹⁸⁵ Там же. С. 104.

Румянцеву, который стал главным редактором в том числе с подачи самого Бурлацкого, т.е. в результате работы сети «своих». В 1967 г. Бурлацкого отстранили от печати за неосторожную статью¹⁸⁶, в результате чего он перешел в ИМЭМО, институт, который возглавлял еще один известный консультант и «спичрайтер» Н.Н. Иноземцев. Бурлацкий работал в отделе известного историка и политолога А.А. Галкина. В 1969 г. Бурлацкий ушел на пост заместителя директора новосозданного, «закрытого», но очень ревизионистского Институт конкретных социальных исследований, который возглавлял все тот же Румянцев¹⁸⁷. За ним в ИКСИ перешел и А.А. Галкин¹⁸⁸.

Через «вращающиеся двери» прошел не только Бурлацкий. Покинув группу консультантов, Бовин ушел в газету «Известия», которую в начале 1970-х гг. возглавлял Л.Н. Толкунов, бывший когда-то первым консультантом Андропова и порекомендовавший взять Бурлацкого в ЦК КПСС. Л.П. Делюсин стал зам. директора Института мировой экономики и мировой социалистической системы. В него на должность директора в 1969 г. был назначен О.Т. Богомолов. В начале 1970-х гг. Делюсин возглавил Институт научной информации по общественным наукам. Г.И. Герасимов ушел в Агентство печати «Новости», которое в 1975 г. возглавил Л.Н. Толкунов, в то время как Герасимов вместе с Бовиным начали работать в знаменитой советской передаче «Международная панорама». Ее частым гостем стал Арбатов.

¹⁸⁶ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 329-343; А. А. Галкин: «Я считаю себя апологетом политической социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. - СПб., 1999. URL: <https://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/galkin.html> (дата обращения: 01.05.2024).

¹⁸⁷ Бовин А.Е. Указ. соч. С. 100; Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 352;

¹⁸⁸ А. А. Галкин: «Я считаю себя апологетом политической социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб., 1999. URL: <https://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/galkin.html> (дата обращения: 01.05.2024).

Арбатов ушел с должности руководителя консультантской группы «Отдела» в декабре 1967 г. Он воспользовался тем путем, который в свое время рекомендовал Бурлацкому, т.е. перешел на работу в систему Академии наук. Несмотря на замечание Бовина, что «Арбатов сам придумал себе институт»¹⁸⁹, последний вспоминал, что инициатором создания института были МИД и Академия наук¹⁹⁰.

Арбатов не пишет о том, почему он принял решение об уходе из ЦК, но можно предположить, что сеть «своих» также сыграла здесь большую роль. Во время работы Арбатов сдружился с Андроповым. Они познакомились еще в 1950-х гг., когда Арбатов работал под началом О.В. Куусинена, который покровительствовал Андропову и сохранил приятельские отношения с ним до самой смерти последнего. В мае 1967 г. Андропова назначили председателем КГБ. Это назначение трактуется исследователями по-разному. Его биографы – Медведев и Млечин – описывают данное назначение как результат подковерных аппаратных игр, приближение лояльного Андропова к Брежневу, однозначный карьерный рост¹⁹¹. В противовес этому мемуаристы выдвигают версию об отстранении Андропова от какой-либо потенциальной борьбы за место лидера партии¹⁹².

Как бы то ни было, переход Андропова в КГБ в мае 1967 г. хронологически совпадает с уходом Арбатова из ЦК. Судя по всему, Арбатову предложили стать директором сразу после того, как было принято решение о создании института. Сам Арбатов вспоминал, что у него «было полгода на размышления»¹⁹³, то есть как раз с мая 1967 г.: «Решение о создании института было принято в мае 1967 г., а в декабре я стал директором института, которого

¹⁸⁹ Бовин А.Е. Указ. соч. С. 101.

¹⁹⁰ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 123.

¹⁹¹ Медведев Р.А. Андропов. М., 2012. С. 90-91; Млечин. Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008. С.114-115.

¹⁹² Шахназаров Г.Х. Указ. соч. С. 27; Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 289.

¹⁹³ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 122.

еще не было». ¹⁹⁴ В другом месте своих воспоминаний Арбатов писал: «Могу сказать, что собранная Андроповым группа консультантом была одним из самых выдающихся «оазисов» творческой мысли того времени (то есть с момента ее создания в 1961 году и до 1967 года, когда Андропова перевели из ЦК в КГБ, что радикально ограничило возможности и роль группы консультантов Отдела ЦК, даже изменило ее реальный статус)» ¹⁹⁵.

Эти изменения в совокупности с общим изменением идеологического климата, вызванного отставкой Н.С. Хрущева, почувствовали все консультанты. В 1965 г. вместе с Бурлацким ушел Делюсин, в 1967 г. группу покинули Арбатов и Герасимов, в 1969 г. – Богомолов, в начале 1970 г. – Бовин. Таким образом, к началу 1970-х гг. первоначальная группа практически полностью распалась. Тем не менее, это не означает, что распадается сеть «своих». Укрепленная совместной работой и совместными практиками, она продолжала существовать и играть значительную роль в советской политике. К началу 1970-х гг. значительная часть академических институтов, занимающихся общественно-политическими науками, оказалась под влиянием бывших консультантов: ИМЭМО, ИНИОН, Институт конкретных социальных исследований, Институт экономики мировой социалистической системы и, наконец, Институт США. Кроме того, «андроповские» консультанты работали в «Правде», «Известиях» и АП «Новости», занимаясь международной журналистикой и публицистикой.

Особенно интересно, что «свои» продолжали принимать участие и в работе над важными документами ЦК КПСС, программами партии и речами советских чиновников высшего ранга. В 1970-х гг. как и в 1960-х гг. для этих целей собиралась группа проверенных экспертов, которая могла включать как действующих сотрудников разных отделов ЦК КПСС, например, А.С.

¹⁹⁴ Там же. С. 121.

¹⁹⁵ Там же. С. 115.

Черняева и Г.Х. Шахназарова, так и директоров академических институтов Г.А. Арбатова и Н.Н. Иноземцева, журналиста «Известий» А.Е. Бовина и т.д., т.е. проверенных людей вне зависимости от того, где они работали в тот момент. Арбатов даже пытался привлечь к работе над речами Брежнева опального Бурлацкого, скандалы вокруг которого «чуть не помешали назначению Арбатова директором института», но по какой-то причине этого так и не произошло¹⁹⁶.

На основе создания коллективной биографии советских экспертов можно предложить новую хронологию развития внешнеполитической экспертизы в СССР. Это развитие включало три фазы (см. приложение 2).

Первая фаза охватывает начало 1950-х – начало 1960-х гг., когда большинство экспертов работало в редакциях газет и журналов, а также в немногочисленных академических институтах. Эту фазу можно условно назвать «протоэкспертной», так как никакой формальной системы экспертизы еще не существовало.

Во время второй фазы, которая хронологически ограничена 1963 г. и 1967 г., основным центром внешнеполитической экспертизы находился в отделах ЦК КПСС. Эту фазу мы можем условно назвать «консультантской».

Во второй половине 1960-х гг. экспертиза и эксперты постепенно перемещались в новые научные институты. При этом группы консультантов в ЦК КПСС не ликвидировались, а продолжали существовать наравне с экспертными институтами и международными редакциями газет и журналов. В создании экспертизы активное участие принимали члены сети «своих», которые привлекались для консультаций и написания программных речей и документов. Таким образом, в этот период действовала целая система

¹⁹⁶ Бурлацкий Ф.М. Указ. соч. С. 342. Скандалы вокруг Бурлацкого бросали тень на всех «марксистов с ревизионистским душком» из отдела Андропова, т.к. консервативно настроенные чиновники могли использовать это для того, чтобы наконец-то пошатнуть позиции консультантов.

внешнеполитической экспертизы, состоящая из многих организаций и людей. Этот период можно условно назвать «институциональным».

Именно во время «институционального» периода развития внешнеполитической экспертизы советская американистика получила особый статус и стала ведущей общественно-политической дисциплиной в стране.

1.4. Институт США как экспертно-академический центр

В конце 1967 г. в Москве был создан Институт по Соединенным Штатам Америки (в 1974 г. его переименовали в Институт Соединенных Штатов Америки и Канады (ИСКАН)), директором которого стал Г.А. Арбатов. К созданию этого экспертного центра, судя по всему, привел целый ряд факторов.

Как уже было сказано выше, со второй половины 1950-х гг. в Советском Союзе появился мощный запрос на экспертное знание о внешнем мире, который привел к созданию ИМЭМО и консультантских групп в ЦК КПСС. Этот запрос существовал главным образом в контексте Холодной войны, в рамках которой необходимо было вести постоянную борьбу за третьи страны. В 1960-х гг. запрос на экспертизу не иссяк, а напротив начал нарастать, что привело к созданию целого ряда экспертно-академических институтов. Значительное влияние на институализацию советской внешнеполитической экспертизы повлияли изменения в советско-американских отношениях и внутриполитические реформы в СССР.

В начале 1960-х гг. советско-американские отношения пережили свою самую острую фазу. «Холодная оттепель» закончилась в мае 1960 г., когда под Свердловском был сбит американский самолет-разведчик U-2. С этого времени отношения накалялись: был отменен визит Эйзенхауэра в СССР, Хрущев совершил скандальный вояж на Генеральную ассамблею ООН, возобновились ядерные испытания, нового пика достиг кризис в Берлине. Апогеем стал Карибский кризис, вспыхнувший в октябре 1962 г. и поставивший мир на грань ядерной войны. После этого советско-американские отношения начали постепенно стабилизироваться, что стало прологом разрядки международной напряженности.

Нет единого мнения о том, когда она началась. Многие известные историки, к примеру Дж. Гэддис и В.М. Зубок, связывают разрядку с

политикой Никсона-Киссинджера и Брежнева, относя ее, соответственно, к периоду после 1968 г., когда Никсон выиграл выборы, а СССР ввел войска в Чехословакию¹⁹⁷. Тем не менее, в протоколах переговоров, сделанных Государственным департаментом США, о разрядке шла речь как минимум с осени 1963 г., т.е. еще до убийства Дж. Кеннеди и отставки Н.С. Хрущева¹⁹⁸. В 1964 г. американские и советские политики уже говорили об «атмосфере разрядки»¹⁹⁹ и «политике разрядки»²⁰⁰, которая стала контекстом отношений между Западом и Востоком. В любом случае, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что сверхдержавы извлекли уроки из Карибского кризиса.

К началу 1970-х гг. Холодная война существенно изменилась по своему характеру. Во-первых, шли советско-американские переговоры об ограничении гонки вооружений и были подписаны первые договоры о запрете ядерных испытаний в трех средах (1963), а затем и о нераспространении ядерного оружия (1968). В конце 1960-х гг. начались переговоры об ограничении стратегических вооружений и противоракетной обороны²⁰¹.

Во-вторых, стал очевиден идеологический раскол внутри коммунистического движения. Советское руководство было заинтересовано в нормализации отношений с западными странами и США, что вызывало неприятие в некоторых странах социалистического лагеря: например, КНР

¹⁹⁷ Gaddis J. *The Cold War: A New History*. P. 153, 179-184; Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева. С. 280, 300-311.

¹⁹⁸ См. например: United States delegation to the thirty-first ministerial meeting of the North Atlantic Council. Ottawa, Canada, May 22–24, 1963 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963, Volume XV, Berlin Crisis, 1962–1963. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v15/d189> (дата обращения: 01.05.2024)

¹⁹⁹ Current Intelligence Weekly Review. Washington, October 25, 1963. // Foreign Relations of the United States, 1961–1963, Volume V, Soviet Union. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v05/d367> (дата обращения: 01.05.2024)

²⁰⁰ Memorandum of Conversation. Washington, June 12, 1964, 10:30 a.m // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Volume XV, Germany and Berlin URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v15/d48> (дата обращения: 01.05.2024)

²⁰¹ Батюк В.И. Указ. соч. С. 139-150.

резко осуждала и внешне- и внутривластический курс СССР. Советские лидеры, которые хоть и сделали несколько шагов назад от XX съезда, напротив не хотели возврата к сталинизму и не могли поддержать китайскую «культурную революцию». Отношения усугублялись территориальными разногласиями, что в итоге привело даже к вооруженному столкновению на острове Даманский в 1969 г.

Соединенные Штаты умело воспользовались этим расколом. В результате политики Никсона-Киссинджера американо-китайские отношения значительно укрепились. Киссинджер и Никсон посетили Пекин, а КНР заняла место Китайской республики в ООН, получив постоянное представительство в Совете Безопасности. У международных отношений появился третий полюс, что уже в конце 1960-х гг. заставило экспертов, дипломатов и политиков говорить о «треугольнике» Вашингтон-Москва-Пекин. В итоге характерная для Холодной войны биполярность постепенно размывалась.

Таким образом, к началу 1970-х гг. три важнейшие составляющие контекста Холодной войны – гонка вооружений, идеологическое противостояние и биполярность – перетерпели существенные изменения. Все это требовало от Советского Союза нового подхода к внешней политике в целом и к американскому направлению в частности. В условиях разрядки, с одной стороны, и необходимости активизации советско-американских отношений в «треугольнике» США-СССР-КНР с другой, советское руководство стремилось укрепить отношения с США, сделать их более безопасными, предсказуемыми и долгосрочными. Это требовало и более глубокого понимания внутренней и внешней политики Соединенных Штатов. Таким образом, международный контекст способствовал появлению в Советском Союзе особого экспертного центра, специализировавшегося на всестороннем изучении США.

Процессы, протекавшие внутри СССР, так же способствовали появлению Института США. Сложно судить о том, по какой конкретно причине советское руководство продолжало расширять экспертное сообщество даже после создания множества консультантских групп в самых разных отделах ЦК. Можно предположить, что экспертизе не хватало глубины и аргументированности: консультантов постоянно задействовали в решении текущих вопросов, в подготовке докладов и внешнеполитических документов. Это не позволяло экспертам полноценно и всесторонне погрузиться в изучение других обществ. Кроме того, консультанты не специализировались на каком-либо отдельном регионе или стране. Консультанты Международного отдела занимались всем капиталистическим миром, а «андроповцы» – социалистическими странами от Китая до ГДР. Это делало анализ достаточно поверхностным. Трудно сказать, насколько эта проблема понималась высшим партийным руководством, но сами консультанты иногда выступали с инициативой создания узкоспециализированных научных центров: например, Делюсин был одним из инициаторов создания Института Дальнего Востока²⁰².

Так или иначе, дальнейшая институализация экспертизы укладывается в общую логику развития советской системы и продолжающейся реформы государственного управления, начавшейся еще в конце 1950-х гг. В основе этой реформы лежала идея «институциональной конкуренции», которую исследователь экономических реформ 1950-х-1970-х гг. В.Л. Некрасов определяет как «создание порядка, обеспечивающего конкуренцию между различными государственными органами и учреждениями для повышения эффективности их работы при решении общих задач»²⁰³. Создать эту

²⁰² Российское китаеведение – устная история: сборник интервью с ведущими китаеведами XX-XXI вв. Т. 1. М., 2018. С. 137-138.

²⁰³ Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформа Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы Холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 71.

конкуренцию было не трудно за счет привлечения ученых из Академии наук, что так же отвечало характерному «сциентизму» середины XX века²⁰⁴. К примеру, в записке от 5 февраля 1955 г. председатель Госплана М.З. Сабуров писал о необходимости реформы Госплана и описывал основные существующие проблемы. К ним он относил «чрезмерную централизацию планирования, сковывающую инициативу министерств и местных органов», «недостаточную связь Госплана с научными организациями», слабую изученность «передового отечественного опыта и технических достижений зарубежных стран», ограниченную вовлеченность «Академии наук СССР, научно-исследовательских институтов министерств и ведомств»²⁰⁵. В результате, в 1959 г. был создан Государственный научно-экономический совет, в который входили известные советские экономисты и директора академических институтов и который участвовал в разработке перспективных планов наряду с Госпланом, фактически конкурируя с ним²⁰⁶.

Представляется, что эта логика реформирования советской экономики может объяснить и логику развития института внешнеполитической экспертизы. Поиск путей модернизации советской экономики и управления не закончился с отставкой Н.С. Хрущева в октябре 1964 г., а косыгинские реформы, в сущности, являлись продолжением реформ второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. Концепция создания «институциональной конкуренции» и активное привлечение ученых к государственному управлению позволяет объяснить, почему на протяжении всех 1960-х гг. в СССР создавались профильные регионоведческие институты в системе Академии наук, которые не заменяли существующие ведомственные центры

²⁰⁴ Там же. С. 64.

²⁰⁵ Цит. по: Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформа Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы Холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). С. 59-60.

²⁰⁶ Там же. С. 65-74.

экспертизы и группы консультантов в ЦК КПСС, а работали в сотрудничестве с ними.

Институт Соединенных Штатов Америки АН СССР был создан в конце 1967 г. в результате влияния этих двух важных тенденций: динамики советско-американских отношений и внутреннего поиска путей модернизации советской системы. Институт США не только привлекал академических ученых к выработке политических решений и создавал «институциональную конкуренцию», но и позволял более тщательно изучать американский опыт и технические достижения.

В первом параграфе шла речь о т.н. называемой «гражданской» или «внешней» экспертизе, противопоставившейся «ведомственной» или «внутренней». Эти термины сложно применить к советскому контексту, в котором не существовало независимых от государства экспертных центров; еще сложнее назвать независимыми консультантские группы в ЦК. Тем не менее, необходимо условно обозначить очевидные различия двух «ветвей» внешнеполитической советской экспертизы.

Для того, чтобы определить место Института США в этой системе, обратимся к документам Общего и Международного отделов ЦК КПСС. Эти отделы специально запрашивали экспертные материалы у советских организаций по разным вопросам. Автора диссертации интересует то, какие организации на регулярной основе присылали материалы по вопросам, связанным с внешней или внутренней политикой США, а также советско-американским отношениям. В широком смысле это и есть экспертное сообщество – то есть, сообщество институтов, постоянно создающих особое прикладное знание в соответствии с государственным запросом для использования в политическом процессе. Именно внутри этого сообщества и шла «институциональная конкуренция».

В него входили:

- Сектор США и стран Латинской Америки Международного отдела ЦК КПСС;
- Министерство иностранных дел (МИД) СССР:
 - Отдел США МИД СССР
 - Посольство СССР в США;
- Первое Главное управление Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР;
- Министерство обороны СССР:
 - Генеральный штаб Вооруженных сил СССР
 - Главное разведывательное управление (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил СССР;
- Институт США Академии наук СССР;
- Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР.

Именно на контрасте с экспертизой МИД, КГБ и Министерства обороны мы можем назвать экспертов из ЦК и академических институтов «гражданскими». Как показывает анализ коллективной биографии, все они имели гражданское образование, трудились в гражданских учреждениях (газетах и журналах, НИИ), опирались в своих выводах, прежде всего, на открытые источники, включая самые закрытые отделы, такие как Отдел технико-экономических исследований ИМЭМО, работавший на Госкомитет по науке и технике и Министерство обороны²⁰⁷. «Ведомственные» эксперты

²⁰⁷ Подробнее про деятельность ОТЭИ см.: Чекасов П.П. ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи. С. 288-315. Консультант Международного отдела А.С. Черняев, однако, пишет, что «Арбатов и Иноземцев были допущены к сверхзакрытой информации». (Черняев А.С. «...и лично товарищ Брежнев» // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). 20006. 21 дек. URL: http://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_25484/ (дата обращения: 29.08.2022). Черняев никак не расшифровывает свою мысль, так что может быть он имеет ввиду работу Арбатова и Иноземцева над речами Брежнева и другими важными политическими документами.

строили совершенно иную карьеру, находясь в закрытых дипломатических и военизированных структурах и опираясь на закрытые данные.

При этом Институт США резко отличался и от традиционных академических институтов.

Во-первых, как и в случае с ИМЭМО, его обязали «периодически направлять в ЦК КПСС и соответствующие ведомства и учреждения информацию по важнейшим аспектам жизни, внутренней и внешней политике США, поставив в качестве главной задачи доведение теоретических исследований до выработки практических выводов и рекомендаций к осуществлению внешнеполитических акций СССР в области советско-американских отношений»²⁰⁸. То есть, деятельность Института изначально должна была быть прикладной. Для решения этой главной задачи Институту давался настоящий карт-бланш: ему разрешалось запрашивать у МИД СССР, Министерства обороны, Министерства внешней торговли и других институтов АН специалистов по США на временную работу сроком до трех лет. Это решало проблему нехватки профессиональных американистов. По той же причине Институт разрешалось «в виде исключения» принимать на работу людей с опытом, но без ученой степени также сроком до трех лет.

Во-вторых, при Посольстве СССР в США учреждалась должность первого секретаря, исполняющего обязанности «постоянного представителя Института США» и две должности стажеров при представительстве СССР в ООН. К сожалению, многие документы о деятельности института до сих пор засекречены, поэтому сложно сказать, какие именно задачи решали представитель Института в посольстве и стажеры в ООН²⁰⁹. Вероятнее всего, они собирали и оперативно отправляли различную информацию, налаживали

²⁰⁸ Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1968 г. / Под ред. А.Н Артизова, И.А. Пермякова, А.В. Юрасова; сост. М.Ю Прозуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М., 2021. С.556-557.

²⁰⁹ Там же. С. 557.

связи с научными, политическими и общественными центрами, а также организовывали командировки искановцев в США²¹⁰. Кроме того, Институту разрешалось «получать зарубежные книги, периодические издания и другую литературу без прохождения цензуры»²¹¹. Вероятно, сотрудники Института в США в том числе занимались поиском и закупкой этой литературы. На подобную практику Института США в 1974 г. ссылался директор ИМЭМО Н.Н. Иноземцев в своем письме в ЦК КПСС: «Считали бы целесообразным ввести с 1 января 1975 года в штаты некоторых совпосольств за рубежом ряд должностей в ранге 1-го или 2-го секретарей с тем, чтобы они были заняты сотрудниками Института в целях сбора информации по текущему и перспективному состоянию экономики и политики соответствующих стран, обеспечения связей с научно-исследовательскими центрами, различными политическими и общественными деятелями и организациями, а также для направления в Институт необходимой литературы и других материалов. <...> Практика подобной работы сотрудников научно-исследовательских институтов в штатах посольств имеется (например, в Институте США Академии наук СССР и Научно-исследовательском конъюнктурном институте МВТ СССР²¹²) и полностью себя оправдала...»²¹³.

В-третьих, сбор информации и налаживание связей были важной частью деятельности Института США. Записки, которые Институт США направлял в ЦК КПСС, можно условно разделить на два типа: информационные и аналитические. В информационных материалах не было анализа какого-либо события или явления, а содержалось лишь краткое сообщение. Такие записки

²¹⁰ Об этом кратко вспоминает Рогов, работавший на этой должности в середине 1980-х гг.: Рогов С.М. Указ. соч. С. 130-131.

²¹¹ Там же. С. 558.

²¹² См. например: «Из записи беседы с сенатором Юджином Маккарти в Институте Соединенных Штатов Америки АН СССР (9.1-1970 г.)». // РГАНИ. Ф. 5. Оп.62. Д695. Л. 22-24.

²¹³ Цит. по: Черкасов П.П. ИМЭМО: Портрет на фоне эпохи. С. 447-448

часто содержали биографии, доклады или записи бесед. В основном информационные материалы как раз присылали разные силовые ведомства, обладающие закрытой информацией: МИД, посольства, ГРУ, первое управление КГБ и т.д. Однако Институт США, конкурируя с ведомственной экспертизой, присылал в ЦК и другие информационные материалы – записи бесед с иностранцами, биографические справочники и т.п. Читатели из ЦК КПСС делали многочисленные отметки на многих записках. Анализ этих пометок показывает, что информационные материалы пользовались таким же интересом в ЦК КПСС как и аналитические записки: особенно их интересовали беседы с американцами, их мнение о советских и американских политиках, о международных отношениях и т.д. Таким образом, можно сделать вывод, что высшие партийные чиновники видели в американистах не только аналитиков, но и уникальный канал информации об американском обществе, который позволял узнавать мнение американцев о Советском Союзе и Соединенных Штатах Америки «из первых рук»²¹⁴.

В налаживании научных и общественных связей Институту помогал особый статус его сотрудников. Именно принадлежность к системе Академии наук определяла восприятие Института американцами. В отличие от ведомственных экспертов, которые являлись сотрудниками дипломатических, партийных и силовых структур СССР, американисты выглядели простыми советскими учеными. Несмотря на критику со стороны некоторых американских СМИ, упрекавших советских ученых в связях с КГБ²¹⁵, американистов охотно принимали в университетах США, экспертных центрах и общественных организациях. Об этом свидетельствуют десятки отчетов о

²¹⁴ Подробнее об этом см.: Тарбеев И.М. Экспертно-академическая американистика в системе советской внешнеполитической экспертизы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 10 - 21.

²¹⁵ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 131-135.

командировках, хранящихся в архиве Российской академии наук²¹⁶. Однако в отличие от сотрудников других академических институтов, сотрудники Института США пользовались несравненно большими возможностями, например, командировки в Институте США были значительно более протяженными по времени. В то время как сотрудники Института всеобщей истории жаловались на то, что за двух–трехнедельную командировку за границу не удавалось собрать достаточно материалов в архивах и библиотеках, американисты из Института США жаловались на чрезмерную продолжительность командировок: интенсивная работа и насыщенная программа очень выматывали за девять месяцев пребывания в Соединенных Штатах.

В-четвертых, у Института был особый доступ к материалам. Помимо закупки литературы без цензуры ему давался доступ к материалам ИНО ТАСС, «закрытым материалам издательства «Прогресс», «Вестнику антисоветской пропаганды», АПН, радиоперехвата, закрытым бюллетеням других институтов АН», а МИД, МВТ и Министерству обороны разрешалось по собственному усмотрению направлять в Институт материалы, касающиеся США²¹⁷. Сложно судить, насколько подобная практика обмена информацией реально существовала, и насколько Институт США работал с закрытой информацией. Можно предположить, что Институт имел доступ к той части закрытой информации, которая в СССР должна была содержаться в спецхранах, т.е. к иностранным книгам, прессе, различным информационным и аналитическим материалам. Такую информацию мемуаристы и исследователи вполне могли называть «открытой», так как в США она такой и была, и только в Советском Союзе она попадала в особые хранилища с

²¹⁶ АРАН. Ф. 2021. Оп. 1.

²¹⁷ Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1968 г. / Под ред. А.Н. Артизова, И.А. Пермякова, А.В. Юрасова; сост. М.Ю. Прозуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М., 2021. С.558.

ограниченным доступом. Вместе с тем, Институт мог не иметь доступа к тем материалам, которые мы сейчас назвали бы секретными, т.е. к материалам разведки, дипломатическим документам и т.п. Таким образом, Институт мог иметь доступ к «закрытым» в советском контексте материалам, к которым зачастую не имели доступ сотрудники других институтов АН, но работать только по «открытым» источникам, т.е. не иметь «инсайдерской» непубличной информации, которой пользовались ведомственные эксперты.

В-пятых, Институту разрешали не только выпуск собственного журнала, но и закрыто-информационного бюллетеня, а также книг «для рассылки по специальному списку»²¹⁸. Сейчас некоторые из этих книг можно найти в библиотеках и архивах. Одна из первых подобных книг, изданная Институтом в августе 1968 г., называлась «Кто есть кто в политической жизни США: Биографический справочник» и была приурочена к президентской гонке в Соединенных Штатах, в которой в итоге победил Никсон. Книга включала «краткие биографические сведения на 337 человек, играющих особенно заметную роль в политической жизни США»²¹⁹. Каждый экземпляр этого издания пронумерован и разослан индивидуально. Экземпляр, находящийся в личной коллекции автора диссертации, под номером 106 был адресован В.С. Шапошникову, сотруднику Общего отдела ЦК КПСС. Общий тираж не указан, но как видно из нумерации, он выходил за сотню экземпляров, которые рассылались достаточно широкому кругу лиц: В.С. Шапошников не занимал никакой высокой должности в ЦК КПСС. С большой долей вероятности можно предположить, что такие книги рассылалась подобно экспертным запискам, только содержали больше информации и в отличие от записок были посвящены не конъюнктурным, а более общим темам.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Кто есть кто в политической жизни США: Биографический справочник. М., 1968. С. 3.

Институтский журнал «США – экономика, политика, идеология» изначально задумывался как общественно-политический, поэтому издавался огромным тиражом в 35 тыс. экземпляров ежемесячно. Такими тиражами могли похвастаться только старейшие академические журналы, например, «Вопросы истории». Узкоспециализированные журналы имели более скромные тиражи. Например, учрежденный в 1971 г. «Американский ежегодник», издавался тиражом не более 500 экземпляров в год.

Таким образом, Институт США занял особую позицию между академическими институтами и ведомственными центрами, тесно сотрудничая и с теми, и с другими. Материалы, присылаемые Институтом, рассматривались наравне с материалами «ведомственных» центров. Ведомства были для Института не только «коллегами» или «конкурентами», но еще и «заказчиками», поскольку Институт направлял записки и в отделы ЦК, и в МИД, и в другие руководящие органы²²⁰. Уникальную позицию Института США обеспечивало еще одно обстоятельство: его директор входил в сеть «своих».

Несмотря на то, что Арбатов ушел из ЦК в конце 1967 г., он сохранил свои прежние связи. Как уже было сказано, с председателем КГБ и членом Политбюро Андроповым они оставались приятелями до конца жизни последнего (хотя их отношения время от времени омрачались ссорами). Кроме того, Арбатов активно общался с Черняевым, заместителем заведующего Международного отдела Пономарева. Однако более важным представляется тот факт, что Арбатов остался в ближайшем к руководству страны круге экспертов и постоянно привлекался для работы над важными политическими

²²⁰ Подробнее о взаимоотношениях гражданских и ведомственных экспертов см.: Тарбеев И.М. Экспертно-академическая американистика в системе советской внешнеполитической экспертизы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. №2. С. 10–21.

документами – речами первых лиц страны, подготовкой документов для переговоров и т.д.

Как уже упоминалось выше, над важнейшими заданиями руководства консультанты разных отделов часто работали совместно. В 1970-х гг. эта практика не только сохранилась, но и расширилась. Рабочие группы формировались из проверенных экспертов, при этом не имело значение то, где эти эксперты работали. На сохранившихся фотографиях рабочих групп, которые были сделаны в конце 1960-х–начале 1970-х гг., мы видим самых разных людей: Бовина, Загладина, Черняева и др. Состав экспертов мог меняться, но чаще всего мы легко можем найти на них Арбатова²²¹. О том, что Арбатов постоянно принимал участие в подготовке самых разных документов, свидетельствуют также дневники Черняева, которые он вел, начиная с 1972 г.²²²

Безусловно, в рабочие группы приглашали не только директора Института США. Другие экспертно-академические институты также принимали активное участие в консультировании первых лиц государства и подготовке важных документов. Например, нередко в рабочие группы приглашали директора ИМЭМО Иноземцева²²³. Тем не менее, представляется, что Арбатов был одним из наиболее активных участников этих групп. Можно предположить, что такое место в системе экспертизы Арбатов занял не только благодаря выдающимся интеллектуальным способностям, о которых часто вспоминали его коллеги²²⁴, но и за счет личных контактов.

²²¹ См., например: Черняев А.С. *Моя жизнь и мое время*. М., 1995. С. 240-241; Anatoly S. Chernyaev Diary, 1972 // The National Security Archive. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB379/> (дата обращения: 01.05.2024).

²²² Черняев А.С. *Дневники*. // «Прожито» URL: <https://corpus.prozhito.org/person/315> (дата обращения: 04.03.2024).

²²³ См., например: Бовин А.Е. *Указ. соч.* С. 141.

²²⁴ Бовин часто вспоминает об уме Арбатова. См: Бовин А.Е. *Указ. соч.* С. 101-102, 141.

Интересным представляется тот факт, что вопросы, по поводу которых Арбатова, Бовина и других привлекали как экспертов, не ограничивались международной повесткой, поскольку они часто работали над речами генерального секретаря или документами для съезда партии²²⁵. Советское руководство, судя по всему, всегда рассматривало экспертов как специалистов широкого профиля, интеллектуалов, которые могли решать самые разные задачи. Еще во время «консультантской» фазы развития экспертизы сотрудников отдела Андропова привлекали не только для консультаций по вопросам стан социалистического блока, но и для написания внутривластных документов, а также для участия в совещаниях по разнообразным международным проблемам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «институциональная» фаза развития внешнеполитической экспертизы в СССР вобрала в себе самые разные формы экспертизы. Институт США и его директор Арбатов оказывали влияние на выработку решений не только через доступные им официальные каналы, т.е. через рассылку записок и закрытых книг, но и используя неформальные горизонтальные связи, т.е. круг «своих». Кроме того, система «вращающихся дверей» сохранилась и после завершения процесса институционализации: ученые из системы Академии наук и журналисты из крупных советских газет продолжали постоянно привлекаться в роли экспертов и даже «спичрайтеров».

Фигура директора оказывала непосредственное влияние на положение Института США. Вероятно, именно Арбатов изначально обеспечил те условия и ту академическую свободу, о которых говорилось выше. Рефлексируя над

²²⁵ См. например, как шел процесс подготовки речи генерального секретаря на XV съезде профсоюзов 20.03.1972 г.: Черняев А.С. Дневники. 5 марта – 9 марта, 12 марта – 14 марта // «Прожито» URL: <https://corpus.prozhito.org/person/315> (дата обращения: 04.03.2024).

«оазисами мысли» и их руководителями, Георгий Аркадьевич и сам стал таким руководителем. Подбирая сотрудников, он подобно Бурлацкому стремился «комплектовать Институт не за счет старых советских идеологических работников, а формировал его за счет практиков, которые имели более реалистичные представления о том, что происходило за рубежом, и даже в Соединенных Штатах»²²⁶. И вот как раз это было возможно благодаря широким связям Арбатова и сети «своих».

Например, еще в конце 1950-х – начале 1960-х когда он работал в ИМЭМО и познакомился с В.П. Лукиным, аспирантом Отдела международного рабочего движения. В 1965 г. Лукин уехал в Прагу на работу в «Проблемах мира и социализма». Два года спустя Арбатов, будучи в то время руководителем группы консультантов, настойчиво звал Лукина в ЦК КПСС, но последний остался работать в журнале до событий августа 1968 г., когда страны Варшавского договора ввели войска в Чехословакию. Тогда Арбатов «под личную ответственность» и при неохотном согласии Андропова пригласил Лукина, снятого с работы за несогласие с советской политикой, в Институт²²⁷.

Практически сразу туда пришел известный тележурналист В.С. Зорин – близкий друг Арбатова, с которым он познакомился в конце 1950-х гг. во время работы в журнале «Коммунист»²²⁸. Зорин не только возглавил Отдел внутренней политики США, но и познакомил Арбатова со своими коллегами-экспертами, которые работали в Гостелерадио. Скорее всего, именно таким образом в Институт попали специалист по расовой проблеме И.А. Геевский и эксперт по внешней политике США В.В. Журкин. Последний стал

²²⁶ Рогов С.М. Уроки Георгия Арбатова // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 123.

²²⁷ Лукин В.П. Арбатов – человек и время // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 157-158.

²²⁸ Арбатов и Зорин о Бережкове: «Он никогда не хвастался своим знакомством со Сталиным и Гитлером» // Коммерсант, 26.11.1998. <https://www.kommersant.ru/doc/209464> (дата обращения: 01.05.2024)

заместителем директора и одним из «отцов-основателей» Института, куривавшим исследования по внутренней и внешней политике США. Другим заместителем директора был Е.С. Шершнев, отвечавший за все экономические исследования.

Он попал в Институт США из МИД СССР. Арбатов воспользовался правом принимать сотрудников разных ведомств и отправил запрос А.А. Громыко. Несмотря на содействие министра иностранных дел, «один за другим посыпались отказы»: как потом узнал Арбатов, «предложение некоторых даже напугало. Они приняли его за вежливый и хитрый способ выпроводить их из системы МИДа»²²⁹. Шершнев оказался одним из двух человек, которые «сразу согласились» перейти в Академию наук (к сожалению, Арбатов не уточняет, кто был вторым). Три года спустя в 1971 г. из МИД в Институт США перешел также Э.А. Иванян.

Еще одна группа сотрудников пришла из университетов. Ю.А. Замошкин, возглавивший идеологический сектор Института, с начала 1950-х работал в МГИМО, заведующий отделом внешней политики Г.А. Трофименко пришел из Института международного рабочего движения, а глава отдела управления Б.З. Мильнер начинал свою научную деятельность в МИНХ им. Г.В. Плеханова.

Основатели Института понимали, что необходимо не только привлекать кадры со стороны, но и выращивать их самостоятельно. Вскоре в Институте была создана аспирантура, через которую прошли многие ныне известные американисты: С.М. Рогов, В.О. Печатнов, В.Б. Супян, С.К. Ознобищев и др.²³⁰ Практику в Институте проходили и студенты-американисты других центров: например, Н.А. Шведова впервые попала в ИСКАН в 1969 г., будучи

²²⁹ Памяти ученого и организатора науки // Российское предпринимательство. 2004. Том 5. № 2. С. 88-90.

²³⁰ Рогов С.М. Уроки Георгия Арбатова // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 133.

студенткой кафедры Новой и новейшей истории МГУ, которую возглавлял Н.В. Сивачев²³¹.

Стремясь создать собственный «оазис мысли», Арбатов использовал те сплачивающие коллектив практики, которые она наблюдал в ИМЭМО, «Проблемах мира и социализма» и ЦК КПСС. Например, Лукин вспоминает, что Арбатову «очень понравилась атмосфера» в ИМЭМО: «Здесь царил дух непринужденности, свободы мнений, принципиальности и вместе с тем такого корпоративного товарищества, я бы сказал, зрелого студенчества в хорошем смысле этого слова. Я помню, на каком-то из праздников мы пели новые, только что ставшие популярными песни молодых советских бардов. <...> Хорошо помню, какое приятное и, я бы сказал, подбадривающее выражение лица эти песни и шутки молодежной части нашего коллектива было [вызывали] у Георгия Аркадьевича, когда мы собирались вместе по праздничным датам»²³². Много лет спустя, когда Лукин впервые позвонил Арбатову в Институт, он услышал голос последнего на фоне «веселого, непринужденного, приятно знакомого, характерного шума веселого застолья», организованного в честь новоселья²³³. В начальный период средний возраст сотрудников колебался между 28-32 годами²³⁴, поэтому Арбатов вновь оказался внутри «зрелого студенчества в хорошем смысле». В честь десятилетнего юбилея в 1978 г. сотрудники во главе с Л.И. Евенко поставили «мюзикл об истории Института, который прогремел на всю Москву. Арбатов был в восторге»²³⁵.

Безусловно, подобные практики способствовали консолидации коллектива Института. Неудивительно, что многие сотрудники проработали в

²³¹ Шведова Н.А. Воспоминания о Г.А. Арбатове // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 178.

²³² Лукин В.П. Арбатов – человек и время // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 157.

²³³ Там же. С. 158.

²³⁴ Шведова Н.А. Указ. соч. С. 182-183.

²³⁵ Евенко Л.И. Георгий Арбатов – человек эпохи // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 175.

нем не один десяток лет и до сих пор с большим теплом вспоминают былые времена. Этому способствовала и политика Арбатова по созданию настолько свободного академического пространства, насколько это было возможно. Рогов вспоминает, что личные связи с Андроповым и Брежневым давали директору возможность «хотя бы частично делать в своем Институте то, что в Советском Союзе можно было делать только “на грани фола”»²³⁶. По словам Лукина, эта атмосфера не только помогала работать более свободно, но и формировала научное сообщество: «Я, как и мои коллеги по Институту, в тесном общении друг с другом, становились американистами, отменяя привычные идеологизированные штампы. Обстановка, которая сложилась в Институте под умелой режиссерской рукой директора, была поистине уникальной для того времени. Это была обстановка полной свободы мысли, всестороннего и объективного обсуждения всех острых проблем»²³⁷. В этих описаниях нетрудно увидеть параллели с воспоминаниями самого Арбатова о других «оазисах мысли», в которых ему приходилось работать.

Благодаря своему положению, он мог не только воссоздать творческую атмосферу «оазисов», но и более эффективно доносить идеи, сформированные внутри Института, до высшего руководства страны и осуществлять их «лоббирование». Проблема заключается в том, что этот процесс неофициальной коммуникации Арбатова с высшими партийными деятелями плохо задокументирован, а потому его очень сложно изучать. Например, документы приемной Брежнева далеко не в полной мере отражают его контакты с Арбатовым: в них содержатся лишь те случаи, когда Георгий Аркадьевич записывался на прием официально. Как и во время рабочих сессий

²³⁶ Рогов С.М. Указ. соч. С. 129.

²³⁷ Лукин В.П. Указ. соч. С. 159.

консультантов с Андроповым в работе советников Брежнева и других членов Политбюро очень много выстраивалось на неформальных связях.

Несмотря на исследовательские проблемы, необходимо помнить, что в 1960-е-1980-е гг. Институт США благодаря меняющейся международной обстановке, вызовам Холодной войны и своему директору оказался в центре формальных и неформальных связей, что позволило ему вывести американистику в авангард общественно-политических наук и оказывать влияние на принятие внешне- и внутривосточных решений, подвигая свои идеи на самых разных уровнях и посредством всевозможных каналов, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

1.5. Эксперты и власть: формальные и неформальные каналы связи

Существовало два основных информационных канала, по которым сотрудники Института США и Канады могли донести свои идеи до руководства Советского Союза. Первый из них – неофициальный, построенный на личных связях между сотрудниками Института (главную роль в этом случае, конечно, играл Арбатов) и высшими партийными чиновниками. Эти связи могли быть дружескими, т.е. между входящими в сообщество «своих» людьми: например, между Арбатовым и заместителем заведующего Международного отдела Черняевым, председателем КГБ Андроповым, помощником Брежнева Г.Э. Цукановым²³⁸ и т.д.). Другие связи были более формальными: например, Арбатов много общался с самим Брежневым, поскольку был постоянным участником тесного круга «спичрайтеров» генерального секретаря. Во время этой работы, которая в 1970-х гг. часто проходила в официальной резиденции в Завидово, Арбатов мог продвигать свои идеи, пользуясь неформальной обстановкой, например, во время завтрака. Однако нельзя сказать, что Арбатов был связан с Брежневым дружбой, даже такой, какая была у него с Андроповым при сохранении определенной дистанции и субординации.

В то же время необходимо отметить, что сам генеральный секретарь очень ценил Арбатова. Помимо регулярного привлечения директора ИСКАНа к написанию важных политических документов это выражалось, например в

²³⁸ Г.Э. Цуканов часто работал с Г.А. Арбатовым и последний определенно считал его «своим». В мемуарах директор Института США и Канады так характеризует Цуканова: «Не скажу, чтобы у Цуканова с самого начала были четкие идейно-политические позиции по проблемам, вокруг которых разворачивалась особенно острая борьба: о Сталине и курсе XX съезда, о мирном сосуществовании и др. Но он быстро нашел верную ориентацию. Не в последнюю очередь потому, что хорошо знал людей из самого близкого окружения Брежнева и относился почти ко всем ним с глубокой антипатией. Это заставляло его искать помощи, привлекать к выполнению заданий людей, настроенных прогрессивно (нередко спрашивая совета и у Андропова, которому он очень доверял). Так, в число тех, кого привлекали к заданиям по поручению Брежнева либо в качестве рецензентов на поступающие от других помощников материалы, попали Н.Н.Иноземцев, А.Е.Бовин, В.В.Загладин, автор этих воспоминаний, а также Г.Х.Шахназаров, С.А.Ситарян, Б.М.Сухаревский, А.А.Аграновский и некоторые другие.» Арбатов Г.А. Человек системы. С. 180.

том, что Брежнев подарил Арбатову на новоселье Института старый длинный стол из собственного кабинета, который до сих пор стоит в ИСКРАНе²³⁹. Формированию особого отношения способствовали не только таланты Арбатова, но и общий фронтовой опыт. В личных беседах Брежнев делился с директором Института воспоминаниями о войне²⁴⁰, а когда военные и консерваторы жаловались генеральному секретарю на Арбатова, он «прикрывал его, произнося одну лишь фразу: “Не трогайте Юру – он фронтовик”»²⁴¹. Особое отношение Брежнева к Арбатову играло большую роль в продвижении рекомендаций Института внутри ЦК КПСС. В отличие от ведомственных экспертных центров Институт США, находясь в системе Академии наук, не имел в Секретариате или Политбюро собственного представителя, который мог бы «лоббировать» предложения искановцев. В этих условиях Арбатов мог опираться преимущественно на свои связи внутри ЦК, а также на личные отношения с Андроповым и Брежневым²⁴².

Второй официальный способ доведения позиции Института до сведения партийной элиты заключался в практике рассылки служебных записок с грифом «секретно». Институт посылал записки не только в ЦК, но и в другие советские органы власти (например, в МИД и иные советские министерства). Автор диссертации будет фокусироваться в основном на записках, посланных в ЦК КПСС, так как это было основным направлением рассылки секретных материалов. В ЦК записки группировались вместе с документами других ведомств по темам, например таким: «Записки, справки, информации,

²³⁹ Рогов С.М. Указ. соч. С. 129.

²⁴⁰ Шведова Н.А. Указ. соч. С. 179.

²⁴¹ Лукин В.П. Указ. соч. С. 164. Арбатова называли Юрой в кругу семьи и друзей, поэтому тот факт, что Брежнев обращался к нему именно так, тоже можно считать свидетельством особого отношения.

²⁴² Методы убеждения, которыми пользовались эксперты для убеждения советских чиновников, проанализированы в параграфе 2.4. О том, насколько важна была личная поддержка рекомендаций и участие в процессе реализации предложений экспертов, можно судить на основании кейса, исследованного в параграфе 3.3.

материалы к беседам отдела, МИД СССР, посольства СССР в США, Института США АН СССР и Национального комитета Компартии США о советско-американских отношениях, о состоянии и тенденциях общественного мнения в США в отношении СССР...»²⁴³. Записки Института США, таким образом, оказывались среди прочих рекомендаций, которые были написаны как «внутренними», так и «внешними» экспертами.

Официальный и неофициальный каналы дополняли друг друга. К примеру, записку «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» Арбатов направил референту Брежнева Е.М. Самотейкину «в соответствии с договоренностями»²⁴⁴. Таким образом, записки могли быть официальным продолжением неофициальных договоренностей: Арбатов не ссылаясь на какой-либо официальный письменно оформленный запрос или заказ. Напротив, он отвечал на «договоренности» официальным документом с грифом «секретно».

Другие записки напротив могли быть дополнены за счет личных разговоров, не предусматривавших запись. Так, побывав на сессии международного Института стратегических исследований в Голландии, Арбатов направил отчет о проходивших там дискуссиях Брежневу. В сопроводительной записке он просил Леонида Ильича принять его лично, объясняя это так: «Ряд вопросов счел нецелесообразным излагать в записке и хотел бы рассказать о них лично Вам. На мой взгляд, они важны. С этим связана и моя просьба о приеме»²⁴⁵. Записка, таким образом, играла роль «аннотации» к содержанию личного приема у генерального секретаря.

²⁴³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 606.

²⁴⁴ Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 118.

²⁴⁵ Арбатов Г.А. «Положение США и некоторые вопросы нашей политики» 9 октября 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 695. Л. 46.

Сложно судить о том, почему Георгий Аркадьевич не решился доверить информацию записке под грифом «совершенно секретно». Возможно, он считал, что эти вопросы настолько важны, что их непременно следовало донести до Брежнева лично. В этом случае аудиенция представлялась более надежным средством коммуникации, ведь от записки можно отмахнуться, она могла затеряться в бумагах и т.д. А возможно, Арбатов не хотел, чтобы определенные соображения прошли через многочисленных секретарей, советников и референтов, которые могли исказить смысл при докладе, подвергнуть текст цензуре или попросту «затерять» записку внутри бюрократического аппарата, сделав ее жертвой борьбы внутрипартийных групп влияния²⁴⁶. Эта гипотеза косвенно подтверждается другим случаем. Во время подготовки визита Брежнева в США Арбатов составил для генерального секретаря записку «Некоторые соображения к визиту в США». Записка была отправлена не обычным образом, а передана, предположительно, через помощника Брежнева Александрова-Агентова. Он сопроводил материал небольшой запиской от руки: «Леонид Ильич! Эту записку тов. Арбатов Г.А. написал только для вас лично»²⁴⁷.

Какой бы ни была причина этой просьбы, она в очередной раз ставит перед исследователями важную проблему. Советская внешнеполитическая экспертиза во многом была построена на неформальных контактах, которые очень плохо поддаются анализу. Формальные и неформальные практики были тесно переплетены и активно дополняли друг друга. Так как мы можем опираться лишь на письменные источники, а также на редкие и скудные мемуары, исследованию поддается лишь формальная сторона деятельности советских экспертов. Скрытая от посторонних глаз сторона их работы

²⁴⁶ Судьба некоторых записок внутри партийного аппарата будет подробнее рассмотрена в главе 3.

²⁴⁷ Арбатов Г.А. «Некоторые соображения к визиту в США» // РГАНИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 802. Л. 83. К сожалению, подпись на этой сопроводительной записке крайне неразборчива, поэтому можно лишь предполагать, что это был помощник Брежнева по международным делам Александров-Агентов.

представляет в своем роде «серую зону» и будет характеризоваться по косвенным ссылкам. Об этом допущении, существующем и при анализе деятельности экспертно-аналитического сообщества США, необходимо постоянно помнить.

Экспертные записки обладают рядом особенностей. Они предназначались для очень узкой, но важной аудитории – для руководства СССР. Все записки обладали грифом «совершенно секретно», так что круг их читателей был довольно небольшим и не выходил за пределы высоких кабинетов в Центральном комитете партии и министерствах. По этой причине записки практически не содержали идеологических клише, т.е. «авторитетного дискурса», которым были пронизаны все советские официальные тексты²⁴⁸. Кроме этого, как уже отмечалось выше, Андропов создал вокруг себя «оазис свободной мысли» и вывел консультантов за пределы системы тех иерархических отношений, которые были приняты в ЦК. Это позволило консультантам избегать «авторитетного дискурса», работать и писать более свободно. Можно предположить, что Арбатов сохранил это уникальное положение (в том числе благодаря обширным личным связям сети «своих») и после ухода со Старой площади²⁴⁹. Создавая свой академический «оазис мысли», Арбатов распространил данную практику на весь Институт США, что позволило этому «мозговому центру» подготавливать аналитические материалы за границами авторитетного дискурса. Так или иначе, записки (за редкими исключениями, которые мы рассмотрим во второй

²⁴⁸ Юрчак А.В. Указ. соч. С. 90-93.

²⁴⁹ Об этом косвенно свидетельствует известный германист А.А. Галкин, вспоминая, что у Ф.М. Бурлацкого после работы в группе консультантов Андропова развилось «ложное чувство безопасности», выразившееся в ощущении, что можно писать более свободно и публиковать «непроходные по тем временам вещи». См.: А. А. Галкин: «Я считаю себя апологетом политической социологии»// Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмлюк. СПб., 1999. URL: <https://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/galkin.html> (дата обращения: 01.05.2024).

главе) не содержали идеологических клише, цитат из классиков марксизма-ленинизма и ссылок на решения съездов.

Записки, которые различные советские организации посылали в ЦК КПСС, можно условно разделить на два типа: информационные и аналитические. Нельзя сказать, что информационные записки, о которых уже шла речь выше, вовсе не содержали в себе анализа или презентовали исключительно факты без какой-либо интерпретации (это вряд ли вообще возможно). Однако их первоочередная задача заключалась в том, чтобы передать в ЦК конкретную информацию. В свою очередь, в аналитических материалах не столько сообщалось об определенной ситуации, сколько предлагался ее анализ на основе различных данных, иногда сопровождавшийся прогнозами или предложениями.

Ведомственные эксперты писали больше записок информационного характера. Особенно часто их присылали из Первого главного управления КГБ: такие материалы, как правило, содержали развединформацию, которую ведомство собрало за рубежом. Экспертно-академическое сообщество, напротив, направляло больше аналитических материалов. Тем не менее ведомственные центры могли посылать и аналитические записки, а экспертно-академические – информационные. К примеру, записка Отдела США МИД от 24 июня 1971 г. «О советско-американских отношениях» имела аналитический характер: опираясь на анализ внешней политики администрации Никсона и международной обстановки, эксперты рассмотрели перспективы двусторонних отношений и сделали осторожные прогнозы относительно дальнейших намерений США²⁵⁰. В то же время одноименная записка от 13 августа 1971 г. имела чисто информационный характер: эксперты доложили о позициях США по разным международным вопросам и акцентировали

²⁵⁰ Отдел США МИД СССР «О советско-американских отношениях». 24 июня 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 606. Л. 123–127.

внимание на ходе переговоров в Хельсинки. В приложениях содержались три справки: о населении, территории, государственном строе и владениях США; о договоренностях об обмене делегациями в 1950-х и 1960-х гг.; об устройстве и функциях Конгресса США. Каждая из справок размером в одну страницу²⁵¹. В свою очередь, в 1969 г. Институт США направил в ЦК КПСС записку о визите в Институт «генерала Джеймса М. Гэвина, общественного деятеля и председателя правления научно-консультативной фирмы «Артур Д. Литтл»», который состоялся 8-12 ноября 1969 г. Записка состоит из четырех частей и носит чисто информационный характер: (1) краткая справка о пребывании Гэвина в СССР, его встречах с советскими учеными и чиновниками, тезисный пересказ предложений генерала о сотрудничестве; (2) выдержки из бесед с генералом Гэвином, которые были тематически структурированы авторами записки; (3) краткая биографическая справка о Джеймсе Гэвине; (4) краткая справка об истории и деятельности фирмы «Артур Д. Литтл»²⁵². Таким образом, имеет смысл говорить о тяготении ведомственных и экспертно-академических центров к разным типам материалов, но не об однозначном использовании только одного из них.

Правомерно задать вопрос: существовала ли какая-то иерархия, приоритет одних записок над другими в зависимости от адресанта? Как само экспертно-академическое сообщество воспринимало своих коллег из государственных структур?

Документы ЦК свидетельствуют о том, что, во-первых, все материалы собирались в одно дело, на них всех стоял гриф «секретно», экспертные структуры обоих типов писали и информационные, и аналитические записки, т.е. они были равны по статусу. Во-вторых, партийные чиновники проявляли

²⁵¹ Отдел США МИД СССР «О советско-американских отношениях». 13 августа 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 606. Л. 217–222.

²⁵² Арбатов Г.А. «О визите Дж. М. Гэвина». 8 декабря 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 181–192.

одинаковый интерес и к тем, и к другим запискам. Мы можем судить об этом по графическим пометкам (подчеркиваниям предложений, выделением абзацев вертикальной чертой и т.д.), которые оставляли на записках сотрудники ЦК. На основании этих пометок можно сделать вывод, что чиновники подробно читали записки вне зависимости от того, кто их написал. Таким образом, с точки зрения ЦК, обе части экспертного сообщества были равнозначны.

Однако с позиции экспертно-академических институтов ситуация выглядела иначе. Для Института США и ИМЭМО экспертные ведомства являлись не коллегами, а заказчиками экспертных оценок наравне с ЦК КПСС. Арбатов вспоминал, что МИД был одним из инициаторов основания Института США²⁵³. Некоторые экспертные центры оказались фактически привязаны к определенным ведомствам. Так в ИМЭМО существовал Отдел технико-экономических исследований (ОТЭИ), который занимался изучением военно-экономического комплекса зарубежных стран и работал в режиме секретности. Первоначально он вообще располагался не в ИМЭМО, а рядом с комплексом зданий Министерства обороны. В роли основных заказчиков ОТЭИ выступали Госкомитет по науке и технике и Министерство обороны. ОТЭИ был весомой частью ИМЭМО: в 1961 г. в нем работало 90 из 431 сотрудников, а к концу 1960-х гг. – уже 200 (в начале 1970-х гг. общий штат института превышал 700 человек)²⁵⁴. В 1970-х гг. ОТЭИ попытались окончательно включить в состав ГРУ, в котором создавался мощный научный

²⁵³ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 123.

²⁵⁴ Черкасов П.П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. С. 499. Сотрудник ГРУ в отставке В.В. Шлыков приводит другие цифры: «О масштабах деятельности ОТЭИ можно судить хотя бы по тому факту, что к началу 1970-х гг. в нем работало около 400 научных сотрудников при общем штате ИМЭМО в 700 человек». В отличие от Черкасова, который работал в архиве ИМЭМО, Шлыков не приводит никаких ссылок. См.: Шлыков В.В. Один в поле не воин // Россия в глобальной политике. 2007. 23 июня. URL: https://globalaffairs.ru/number/n_8822 (дата обращения 26 янв. 2020).

центр. Но затея провалилась²⁵⁵. Таким образом, экспертно-академическое сообщество видело в ведомствах скорее заказчиков и руководителей.

Кроме того, существовало неравенство в доступе к информации. Записки ведомственных экспертов зачастую были основаны на секретных сведениях, добытых при помощи разведки, или на данных закрытых переговоров. Академическая экспертиза основывалась преимущественно на открытых источниках: материалах прессы, книгах, публикациях, разговорах с коллегами-учеными и чиновниками. Даже ОТЭИ использовал открытые источники²⁵⁶. Но существуют и другие свидетельства: Черняев, работавший в 1960-х–1980-х гг. в Международном, а затем в Общем отделе ЦК, писал, что Иноземцев (директор ИМЭМО) и Арбатов были «допущены к сверхзакрытой информации»²⁵⁷. К сожалению, он не пояснял и не иллюстрировал этот тезис примерами. Вероятно, Черняев имел в виду тот факт, что Иноземцев, Арбатов и ряд других сотрудников привлекались для написания речей первым лицам СССР, включая Л.И. Брежнева, и участвовали в подготовке к международным переговорам. В конце концов, записки Института США, которые Арбатов отправлял в ЦК, получали гриф «секретно» или «совершенно секретно»²⁵⁸. Однако в самих записках ученые-эксперты никогда не ссылаются на «сверхзакрытые» документы.

²⁵⁵ Шлыков В.В. Указ. соч.

²⁵⁶ Черкасов П.П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. С. 307.

²⁵⁷ Черняев А.С. «...и лично товарищ Брежнев» // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). 2006. URL: https://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_25484/ (дата обращения 26 янв. 2020).

²⁵⁸ О принципах секретности, которые сложились внутри партии еще во время Гражданской войны см.: Куренков Г. А. «Особая папка»: обеспечение секретности в партии большевиков (1918-1920-е гг.) // Новый исторический вестник. 2008. №18. С. 79-85. В соответствии с этой практикой большинство партийных документов получало гриф «секретно», некоторые «совершенно секретно», а действительно закрытые документы отправлялись в «особую папку», исключаясь даже из протоколов заседания Секретариата ЦК и Политбюро. Вероятно, говоря о «сверхсекретности», Черняев имеет в виду именно «особую папку». Тем не менее, нет никаких свидетельств, что Арбатов имел доступ к документам такого уровня. Однако, как удалось установить, некоторые записки Института США и Канады и решения по этим запискам отправлялись в «особую папку» (подробнее см. гл. 3).

Статус руководителей и заказчиков, доступ к секретной информации – все это отдаляло ведомственное сообщество от экспертно-академических институтов. Кроме того, ведомственные экспертные центры не вели академическую деятельность, т.е. не писали научных статей, не издавали журналов и монографий, не занимались подготовкой аспирантов. Это направление деятельности сближало экспертно-академическое сообщество с традиционными академическими институтами – они находились в структуре Академии наук, создавали совместные советы внутри АН, писали рецензии на работы друг друга. Конечно, между академическими центрами и экспертно-академическим сообществом существовала дистанция: академические ученые не любили экспертов за близость к государственным структурам и политическую востребованность их работ. Гипотетически можно говорить об особой идентичности ученых-экспертов, находившихся между закрытыми ведомствами и классическими научными институтами. Однако этот вопрос требует отдельного исследования.

Как уже было сказано выше, экспертно-академические институты чаще писали записки аналитического характера, в которых содержались рекомендации и прогнозы. Но чем ЦК могли заинтересовать информационные записки ученых-экспертов?

С момента своего основания институт США вел активную деятельность по налаживанию научных контактов. В архиве РАН можно найти сотни отчетов о командировках сотрудников Института и записей их бесед с иностранцами (как с посещавшими СССР, так и с теми, кого сотрудники встречали в США)²⁵⁹. Эти материалы становились ценным источником об американских ученых, политиках и общественных деятелях. Если в аналитических записках ЦК больше интересовал не сам анализ, а конкретные

²⁵⁹ АРАН. Ф. 2021. Оп. 1. Ед. 14–16.

предложения Института, то в записях бесед – мнения американцев. Например, в беседе с политическим обозревателем газеты «The New York Times» Д. Рестоном подчеркнуты его оценки президента США Никсона, советско-американских отношений, а также просьба об интервью с Брежневым²⁶⁰, а в записи беседы с председателем правления «Артур Д. Литтл» Дж. Гэвином читателя из ЦК КПСС куда больше заинтересовали высказывания самого Гэвина, а не предложения Арбатова о сотрудничестве с его компанией²⁶¹.

Таким образом, экспертно-академические институты ценились руководством страны не только за их прямые функции. Сотрудники институтов АН в отличие от ведомственных экспертов имели статус формально независимых ученых, у которых были «развязаны руки» благодаря их привилегированному положению в системе общественно-политических и гуманитарных наук СССР. Пользуясь этим, они выстраивали целую сеть научных контактов с американскими учеными, политиками и общественными деятелями, вели с ними формальные и неформальные разговоры, вступали в переписку, рекомендовали приглашать их в СССР и т.д. Это направление деятельности экспертно-академических институтов требует отдельного изучения в контексте советской научной дипломатии.

Полученные сведения использовались в работе над записками²⁶² и иногда отсылались наверх. Для советского руководства это был ценный источник, который значительно отличался от традиционных каналов информации. Слова, сказанные самими американцами, представляли особый интерес для советской партийной элиты. В следующей главе высказывается

²⁶⁰ Арбатов Г.А. «Запись беседы с Дж. Рестоном». 15 декабря 1970 г. // РГАНИ Ф. 5. Оп. 62. Д. 695. Л. 177-181.

²⁶¹ Там же. Л. 181–192.

²⁶² Например: Арбатов Г.А. «О борьбе вокруг военного бюджета США на 1971/1972 год». 30 ноября 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 692. Л. 173.

гипотеза, что сотрудники Института США использовали прямую речь американцев для придания большей убедительности своим рекомендациям.

Как уже было сказано, все записки проходили под грифом «секретно» или хотя бы «для служебного пользования», поэтому они предназначались для крайне узкого круга читателей. Арбатов пытался расширить этот круг. В своих мемуарах он вспоминал, что директор ИМЭМО Арзуманян рассылал записки «тиражом 50 экземпляров во все заинтересованные инстанции», и Арбатов позаимствовал эту практику. В середине 1970-х гг. М.А. Суслов наложил на нее запрет: теперь все записки должны были проходить через Общий отдел ЦК КПСС, и уже там принималось решение о необходимости перенаправления записки в какое-либо другое ведомство²⁶³.

Можно предположить, что расширение читательского круга укрепляло позиции Института США, делая его более известным в партийных кругах. Именно таким образом в рассылку Института США и попал В.С. Шапошников, сотрудник Общего отдела ЦК КПСС, которого мы уже упоминали ранее. Однако гриф «секретно» и «выключенность» записок из авторитетного дискурса накладывали существенное ограничение на возможность расширения круга читателей. Они не могли выйти за пределы ЦК и высших чиновников советских министерств, которые обладали доступом к подобным документам. Но Институт США был частью Академии наук СССР, а значит мог публиковать свои труды в научных журналах, аудитория которых была значительно шире. Однако, это расширение аудитории Института США имело значение только в том случае, когда американисты писали о трансфере идей, об американском опыте, который мог быть пригоден для «внутреннего потребления» в Советском Союзе. Трансфер идей, перцепция американского опыта, возможности советско-американского сотрудничества и способы

²⁶³ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 105–106. Документальных подтверждений существования этого запрета пока найти не удалось.

расширения публики для лоббирования и распространения этих идей будут рассмотрены в последней главе диссертации.

Конечно, сотрудники Института США не могли таким же образом расширить читательскую аудиторию своих экспертных материалов, внешнеполитической аналитики и рекомендаций, но это не имело значения. Выработка внешнеполитических решений в Советском Союзе происходила на самых верхних уровнях власти, прежде всего в ЦК КПСС и Министерстве иностранных дел. Узкий круг принимающих решения, конечно, имел доступ к запискам Института США и был их главным адресатом. Расширять аудиторию внешнеполитической экспертизы не имело смысла: в СССР невозможно было создать серьезного общественного давления, способного изменить внешнеполитический курс руководства.

Таким образом, записки Института США и Канады можно разделить на две группы не только по типу, но и по содержанию. «Внешнеполитические» записки были ориентированы на рекомендации в области внешней политики СССР: политические процессы в США, выстраивание отношений с разными слоями американского общества, переговоры по ограничению вооружений, т.е. все, что касалось американского вектора советской внешней политики. «Внутриполитические» записки содержали перцепцию американских идей и практик, которые можно было заимствовать для внутренних нужд, т.е. использовать во внутренней политике СССР.

Подводя итоги первой главы, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, советскую внешнеполитическую экспертизу можно разделить на «внутреннюю» и «внешнюю». Развитие «внешней» экспертизы началось во второй половине 1950-х гг. под воздействием изменения внутри- и внешнеполитических факторов. Взяв курс на «мирное сосуществование»

двух систем, советское руководство стало нуждаться в профессиональном, научно обоснованном знании о внешнем мире, прежде всего, о капиталистических странах. Так в 1956 г. был создан ИМЭМО, главный экспертно-академический институт Советского Союза, а затем и другие «мозговые центры СССР». Другим важным фактором формирования института внешнеполитической экспертизы стали венгерские события 1956 г. Они подтолкнули советское руководство к разделению Международного отдела на две части. В начале 1960-х гг. в «братских отделах» появляются группы внешнеполитических консультантов, которые комплектовались особым образом: это были молодые эксперты-международники, не имевшие опыта аппаратной работы.

Анализ коллективной биографии экспертов показывает, что все они работали в международных редакциях газет и журналов, журнале «Проблемы мира и социализма», академических институтах. После работы в ЦК КПСС многие из них перешли в новосозданные экспертно-академические институты в системе Академии наук или в СМИ. Это позволяет предложить новую периодизацию развития института внешнеполитической экспертизы, разделив этот процесс на три фазы: «протоэкспертную», «консультантскую» и «институциональную».

Во-вторых, общность карьерных траекторий, рабочие практики и близость политических взглядов, ценностей и эмоций сформировали из экспертов особую сеть «своих». Эта сеть быстро переросла кабинеты консультантов в ЦК КПСС и объединила экспертов, ученых, чиновников и журналистов. Сеть стала основой советской «системы вращающихся дверей», позволяя консультантам переходить из одних организаций в другие, участвовать в рабочих группах по специальным вопросам и эффективнее доносить свои идеи до руководства страны.

Директор Института США и Канады Г.А. Арбатов был одним из самых активных участников сети «своих». Эта особенность наравне с начавшейся разрядкой советско-американских отношений и модернизационными реформами в Советском Союзе сделала Институт США и Канады ведущим экспертно-академическим центром в стране. Получив настоящий карт-бланш, советские эксперты-американисты всесторонне изучали США, превращая академическое знание в конкретные политические рекомендации, и налаживали неформальные контакты с американцами, что позволяло советскому руководству получать информацию «из первых рук». Таким образом, Институт соединял в себе функции аналитического центра и неформального канала связи.

В-третьих, положение в сети «своих», важность американских исследований и комбинация формальных и неформальных каналов связи с советским руководством позволяли Институту США и Канады эффективно конкурировать с другими центрами внешнеполитической экспертизы внутри советской системы. Главным каналом связи между экспертами-американистами и партийными чиновниками стали секретные записки, которые Институт США и Канады направлял в ЦК КПСС и другие ведомства. Эти записки можно, с одной стороны, разделить на «аналитические» и «информационные», а с другой – на «внутриполитические» и «внешнеполитические». Это позволяет сделать вывод о том, что важнейшей функцией экспертов наравне с внешнеполитическими рекомендациями был трансфер американских идей и практик в СССР.

Каждая из этих функций играла особую роль в разных контекстах советской политики конца 1960-х–1970-х гг.: внешнеполитические рекомендации были особенно важны в контексте разрядки международных отношений, улучшения и углубления советско-американских отношений, в то время как «внутриполитические» записки стали частью советского поиска

путей модернизации, который начался во второй половине 1950-х гг. и закончился только с распадом Советского Союза.

Содержание экспертных материалов будет рассмотрено в следующих главах. Вторая, глава посвящена «внешнеполитическим» запискам Института США и Канады и тому, как американисты предлагали изменить американский вектор советской внешней политики. «Внутриполитические» записки и их роль в трансфере американских идей и практик в СССР рассматриваются в последней главе диссертации.

Глава 2. Внешнеполитические рекомендации экспертов-американистов в годы разрядки

2.1 Прикладной конструктивизм: экспертология как имагология

Анализ экспертных записок Института США позволяет выделить два больших направления работы советских экспертов. Первое – это внешнеполитические рекомендации. В рамках данного дискурса советские американисты анализировали внешнюю и внутреннюю политику США и давали чиновникам из ЦК КПСС конкретные рекомендации по выстраиванию американского вектора советской внешней политики. Второе направление, которое условно можно назвать «внутриполитическим» или «модернизационным», было нацелено на решение внутренних проблем Советского Союза: американисты изучали экономическое развитие Соединенных Штатов, их достижения в области сельского хозяйства, управления производством, внедрения новейших научно-технических достижений и т. д. На основе этого анализа эксперты докладывали советским чиновникам о наиболее перспективных направлениях развития, технологиях и практиках.

Каждый из этих дискурсов формировался как аналитическими, так и информационными записками. Для «внешнеполитического дискурса» американисты изучали расклад политических сил в США, американскую политику в отношении разных стран и обсуждали с американскими гостями личность президента, особенности работы его администрации, узнавали их мнения о советско-американских отношениях и тенденциях во внутренней и внешней политике. «Внутриполитический» дискурс формировался за счет аналитики и разговоров другого типа: исследований развития разных секторов американской экономики, бесед с американскими бизнесменами и учеными об управлении и научно-техническом прогрессе.

Рекомендации советских экспертов были основаны на анализе внешней и внутренней политики Соединенных Штатов Америки, а также их политической системы, личности президента и состава его администрации, различных групп влияния внутри американского общества. В период Холодной войны образ американского Другого играл роль конституирующего в советском дискурсе идентичности и повсеместно присутствовал в советской культуре и пропаганде: в кинематографе, карикатуристке, политических лозунгах, литературе, повседневных практиках и т.д.²⁶⁴. И все же образ США, конструируемый советскими экспертами-американистами, был совершенно особым. В его основе лежало всестороннее изучение Соединенных Штатов: их истории, культуры, экономики, политической и социальной жизни и т.д. Позитивистская традиция рассматривает научное знание как нечто объективное (или максимально приближающееся к объективности) и релевантное реальности. Однако конструктивистский подход позволяет нам изучать экспертно-академическое знание как особый тип дискурса, с одной стороны, сформированный с учетом повестки развития общества-наблюдателя, а с другой – оказывающий влияние на формирование собственной идентичности. Поэтому в данном диссертационном исследовании не будет рассматриваться вопрос о том, насколько экспертиза советских американистов была точной, т.е. соответствовала объективной реальности. Вместо этого нас интересуют ответы на вопросы о том, как формировался этот особый образ США, как он соотносился с существующими в СССР образами американского Другого и советского Себя и какую роль он играл в процессе выработки внешнеполитических решений.

²⁶⁴ Журавлева В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. Том 15. № 2. С. 20-45.

Образ США, сконструированный советскими экспертами-американистами, во многом определялся советской внутри- и внешнеполитической повесткой: идеологическими максимами, проходящими в Советском Союзе модернизационными реформами и, главное, конъюнктурой советско-американских отношений и Холодной войны. Тем не менее, в отличие от образа, формировавшегося в рамках пропагандистского дискурса (например, в советских плакатах и карикатурах), он опирался на научный подход, т.е. при конструировании этого образа использовалась определённая методология, источниковая и историографическая база.

Экспертный дискурс коррелировал с академическим, но не вполне совпадал с ним. Американисты адаптировали результаты своих исследований для партийных чиновников, фокусируя записки определенным образом, убирая научный аппарат и используя особые риторические приемы. Кроме этого, американисты выступали популяризаторами знаний о США: сотрудники Института нередко писали популярные очерки о своих поездках в Америку, снимали документальные фильмы и выступали комментаторами в телевизионных передачах. Тот факт, что в основе экспертного и научно-популярного дискурсов лежали академические исследования, придавал этим дискурсам авторитетность и убедительность как в глазах советских чиновников, так и среди широкой аудитории.

В данной главе мы сосредоточимся на «внешнеполитических» записках Института США, т.е. на внешнеполитических рекомендациях советских экспертов, в основе которых лежал особый экспертно-академический образ американского Другого.

Исследователь внешнеполитических рекомендаций советских американистов сталкивается с проблемой обилия источников и широты деятельности экспертов. Институт США и Канады за двенадцать лет работы в эпоху «разрядки» (с момента основания Института в конце 1967 г. до ввода

советских войск в Афганистан в конце 1979 г.) отправил в ЦК КПСС сотни экспертных записок по самым разным вопросам. Проанализировать все эти документы в рамках одного исследования не представляется возможным. Поскольку в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют исследования, посвященные внешнеполитическим рекомендациям советских американистов, автор диссертации ставит своей задачей описать основные направления деятельности экспертов.

Во этой главе рассматриваются «внешнеполитические» записки, которые Институт США и Канады направлял в ЦК КПСС в конце 1960-х – 1970-х гг. В фокус анализа в основном попадут записки, написанные в период разрядки, преимущественно относящиеся к концу 1960-х – первой половине 1970-х гг., что обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, ухудшение здоровья Брежнева привело к изменениям в ЦК КПСС²⁶⁵. Работоспособность генерального секретаря стала снижаться, а консервативное окружение приобретало все большее влияние. Как уже упоминалось выше, во второй половине 1970-х гг. М.А. Суслов запретил практику массовой рассылки экспертных записок, что привело и к уменьшению их количества, и «упадку духа» советских американистов²⁶⁶. Работать «со смыслом» становилось все труднее. Арбатов так вспоминал это непростое время: «В период болезни Брежнева и усиливавшегося интеллектуального упадка руководства внешней политикой для института настали трудные времена. Я понимал, что попытки подсказать верные шаги руководству становятся все менее продуктивными. Но вместе с тем боялся в этом признаться себе самому и тем более обнажить также неприглядные

²⁶⁵ Арбатов, вслед за лечащим врачом Брежнева Е.И. Чазовым, утверждает, что серьезное ухудшение здоровья генерального секретаря произошло во время переговоров с президентом США Дж. Фордом во Владивостоке в ноябре 1974 г. После этого Брежнев так и не восстановился. Подробнее см.: Чазов Е.М. Здоровье и власть. Воспоминания кремлевского врача. М., 1992. С. 75-76.

²⁶⁶ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 105–106.

реалии перед коллективом. Это просто убило бы творческий дух людей. «Невостребованность» науки очень тяжка для ученых»²⁶⁷.

После этого началось и постепенное похолодание международных отношений, что привело к затруднению контактов сотрудников Института с американцами. Поэтому для исследования деятельности Института записки первой половины 1970-х гг. представляются более репрезентативным источником.

Во-вторых, именно в это время советское руководство остро нуждалось во внешнеполитической экспертизе. С одной стороны, советско-американские отношения продолжали двигаться в сторону разрядки. Сверхдержавы извлекли уроки из Карибского кризиса, во время которого они максимально близко подошли к «горячей» войне. Начался переговорный процесс и постепенное ограничение вооружений: в 1963 г. был заключен договор о запрете ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой, а в 1968 г. был заключен договор о нераспространении ядерного оружия. Холодная война становилась более контролируемой.

С другой стороны, отношения осложнялись кризисами. В 1965 г. США вступили в войну во Вьетнаме. Советский Союз не только активно обличал действия американцев в прессе, но и оказывал помощь Демократической Республике Вьетнам в войне. В 1968 г. в социалистической Чехословакии начались демократические реформы, которые Кремль не мог поддержать. В результате провальных переговоров с лидерами Чехословакии Москва решила ввести войска и остановить реформацию силовым путем. Это ознаменовало новый этап отношений СССР со странами социалистического блока, который в западной историографии получил название «доктрина Брежнева» или

²⁶⁷ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 126.

«доктрина ограниченного суверенитета»²⁶⁸. Несмотря на то, что США и их союзники осудили Советский Союз за это вторжение, никаких серьезных действий предпринято не было, т.к. Чехословакия считалась зоной советского влияния.

В 1967 г. в Юго-Восточной Азии вспыхнул еще один конфликт – гражданская война в Камбодже. Соединенные Штаты и Южный Вьетнам в 1970 г. начали интервенцию, а «красных кхмеры» опирались на поддержку (хотя и не слишком активную) Москвы и Пекина. В результате массовых антивоенных протестов в США президенту Никсону уже через несколько месяцев пришлось вывести войска из Камбоджи и продолжить мирные переговоры с Северным Вьетнамом, которые закончились только в 1973 г. выводом американских войск.

Таким образом, именно Юго-Восточная Азия стала важным фронтом Холодной войны, где сталкивались интересы сверхдержав. Кроме того, в конце 1960-х гг. в Азии набрал силу еще один важный игрок – коммунистический Китай. Несмотря на проходившую в стране «культурную революцию», которая сопровождалась массовыми репрессиями, Китай активно наращивал военную и экономическую мощь, а также принимал не прямое участие в войнах во Вьетнаме и Камбодже, поддерживая социалистические правительства. К концу 1960-х гг. отношения между Москвой и Пекином сильно осложнились в результате идеологических противоречий и территориальных споров, которые вылились в прямое столкновение на Даманском острове в 1969 г. К началу 1970-х гг. советско-китайские отношения и активизация китайского вектора внешней политики США стали основной международной проблемой для СССР.

²⁶⁸ См. например: Gaddis J.L. The Cold War. A New History. N.Y., 2005. P. 152-154.

В 1969 г. президентом США стал Никсон, который еще во время своей избирательной кампании подчеркивал важность отношений с КНР. Сразу же после вступления в должность в январе 1969 г. он назначил своим советником по национальной безопасности Г. Киссинджера, который инициировал непубличные переговоры как с представителями СССР, так и с представителями КНР. Стремясь противопоставить КНР СССР, в декабре 1969 г. в Варшаве Киссинджер провел встречу с делегацией Китайской компартии²⁶⁹. Начал формироваться «треугольник» международных отношений: СССР-КНР-США. Этот процесс активно продолжался и в 1970-х гг.: в 1971 г. Киссинджер посетил Китай, в том же году КНР была признана США и заняла место Китайской Республики в Совете Безопасности ООН, а в 1972 г. состоялся первый визит американского президента в КНР. Сближение США и КНР заставило советских экспертов «заняться более пристальным анализом американо-китайских отношений»²⁷⁰.

Сочетание этих внутренних и международных процессов придало особую значимость рассматриваемому периоду как в истории советско-американских отношений, так и в истории советской внешнеполитической экспертизы. Именно в этот момент Институт США начинал свою активную экспертную деятельность, принимая участие в процессе принятия внешнеполитических решений.

²⁶⁹ В меморандуме о встрече президенту Никсону Киссинджер подчеркивал, что поставил в известность посольства США в Японии, Тайване, СССР и Гонконге, поскольку эта встреча «затрагивает их интересы». Меморандум см. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon // Foreign Relations of the United States, 1969–1976, Volume XVII, China, 1969–1972. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d53> (Дата обращения: 17.01.2024).

²⁷⁰ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 125.

2.2 «Внешнеполитическая программа» экспертов-американистов

С момента своего основания в 1967 г. Институт США и Канады АН СССР направлял в ЦК КПСС несколько записок в год, причем это количество постепенно росло. Например, только в Международный отдел ЦК КПСС в 1969 г. пришло три записки, в 1970 г. – пять, а в 1974 г. уже семь записок из Института. Записки по специальным вопросам направлялись в другие отделы: например, записка о «сельскохозяйственное производство США» в Сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС²⁷¹; обзорный материал «О политике США в отношении европейских социалистических стран» в Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран²⁷², а беседы с американскими специалистами по ограничению стратегических вооружений и анализ производства новых крылатых ракет в Отдел оборонной промышленности²⁷³. Многие записки направлялись напрямую в канцелярию генерального секретаря Л.И. Брежнева. Среди таких записок есть различные политические рекомендации, которые высказывали эксперты в связи с обменом визитами между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном в 1972-1973 гг.

Назвать точное количество записок, которые «произвел» Институт США и Канады с 1967 по 1985 гг. невозможно, даже если считать только те документы, которые отправлялись в ЦК КПСС. В результате сложного документооборота ЦК записки могли оставаться в фондах разных отделов, материалах заседаний Секретариата и Политбюро или в «особой папке». В своих воспоминаниях Арбатов упоминает некоторые записки, которые так и

²⁷¹ Шершнева Е.С. «О сельскохозяйственном производстве США в 1975 году». 30 марта 1976 г. // РГАНИ. Ф 5. Оп. 69. Д. 1136.

²⁷² Арбатов Г.А. «О политике США в отношении европейских социалистических стран». 15 июля 1976 г. // РГАНИ. Ф 5. Оп. 69. Д. 1631. Л. 1-10.

²⁷³ РГАНИ. Ф 5. Оп. 69. Д. 882. Л. 1-67.

не удалось найти²⁷⁴. Еще более сложно проанализировать все эти документы, учитывая широчайший круг тем, которые в них затронуты: от производства сои в США до ограничения стратегических вооружений, от анализа предвыборных гонок до «противоречий международного сионизма и еврейской общины в США»²⁷⁵. Не случайно В.О. Печатнов в своих воспоминаниях об Арбатове подчеркивал, что «когда будущие исследователи поднимут этот сохранившийся в архивах аналитический пласт, они смогут по достоинству оценить объем и качество работы, проделанной Институтом и его директором»²⁷⁶. Поэтому автор диссертации вынужден ограничиться общим анализом дискурсов об американском Другом, которые Институт США и Канады конструировал для высшей партийной элиты СССР.

В качестве отправной точки исследования обратимся к записке, которую директор Института США Арбатов отправил в ЦК КПСС 6 марта 1970 г. Эта записка, озаглавленная «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США», охватывает широкий спектр вопросов по формированию американского вектора внешней политики СССР, а не посвящена какой-то конкретной проблеме. Многие темы, которые были подняты в ней, сотрудники Института впоследствии развивали в других записках как в 1960-е гг., так и в 1970-е гг. Таким образом, эта записка была в некотором смысле «внешнеполитической программой» советских экспертов из Института США.

В начале 1970 г. в центре внешнеполитической повестки Советского Союза стояла проблема американо-китайских отношений. Именно с «треугольника» СССР-КНР-США и начинается записка от 6 марта 1970 г.:

²⁷⁴ Вероятно только после полной описи фонда Арбатова станет возможным составление хоть сколько-нибудь полного перечня экспертных материалов Института США и Канады, а также перечня адресатов этих материалов.

²⁷⁵ Арбатов Г.А. «О некоторых противоречиях внутри мирового сионизма...». 2 декабря 1974 г. // РГАНИ. Ф 5. Оп. 67. Д. 811. Л. 135-142.

²⁷⁶ Печатнов В.О. Авторитет директора был неподдельным // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 168.

«Хотя внешние изменения в американо-китайских отношениях пока не пошли дальше отмены некоторых второстепенных ограничений на поездки и торговлю, а также возобновления переговоров в Варшаве, подспудно за истекший год (*т.е. 1969 – И.Т.*) произошли более глубокие сдвиги»²⁷⁷.

Сама по себе нормализация американо-китайских отношений, по мнению Арбатова, не несла в себе существенных угроз, пока это сближение осуществлялось не «за счет Советского Союза»²⁷⁸. Самая большая опасность, как подчеркивалось в записке, заключалась в возможности «антисоветского сговора» между Китаем и Соединенными Штатами. Для того, чтобы этого избежать, необходимо было эффективно выстраивать трехсторонние отношения, а не развивать двусторонние за счет других. Судя по всему, именно об этой записке Арбатов писал в своих мемуарах: «Один из первых выводов, который мы сделали в начале 1970 года, состоял в том, что отношения в “треугольнике” СССР — США — КНР уже существуют как единый комплекс. Это не позволяет ставить вопрос: отношения или с США, или с КНР. Наш вывод был таким: необходимо вести курс на установление отвечающих интересам СССР отношений одновременно с обеими странами в той мере, в какой это позволяет политика и той, и другой в каждый данный момент»²⁷⁹.

Этот тезис стал краеугольным в записках Института США в последующие несколько лет. В своих рекомендациях эксперты стремились учесть оба важнейших международных контекста: развивающуюся разрядку в отношениях с США и сложные отношения внутри «треугольника». Например, в записке 1969 г. Арбатов писал: «Ясно, что для нас выгоднее вести торг с американцами не в моменты обострений, а в моменты хотя бы частичной

²⁷⁷ Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 118

²⁷⁸ Там же. Л. 119.

²⁷⁹ Арбатов Г.А. Человек системы. С.125.

нормализации наших отношений с Китаем. Та же закономерность справедлива для советско-китайских переговоров – наша позиция на этих переговорах будет сильнее, если Пекин будет знать, что у нас происходит нормализация отношений с США»²⁸⁰.

При этом Георгий Аркадьевич подчеркивал, что нельзя произвести впечатление, будто «ключ от нашей политики, в том числе политики в отношении США, находится в Пекине». Это бы позволило Пекину манипулировать Москвой, а также подтолкнуло бы США к активизации китайского вектора внешней политики²⁸¹.

Несмотря на эти замечания о важности сбалансированной политики, советско-американские отношения, по мнению экспертов Института США, играли особую роль внутри «треугольника». Ситуация, в которой «ослабление зависимости США от советско-американских отношений»²⁸² могло «подтолкнуть США к Китаю», требовала, по мнению Арбатова, пересмотра американского вектора советской внешней политики в сторону большей гибкости: «В этих условиях, – писал он, – нашей важной стратегической задачей становится такая политика в отношении США, которая была бы направлена на всемерное усиление указанной зависимости и заинтересованности. Пути ее решения включают, как создание новых потенциальных угроз интересам США в тех или иных районах мира, так и выявления новых возможностей для взаимоприемлемых соглашений по тем или иным вопросам»²⁸³. Таким образом, американисты предлагали не просто нормализовать отношения с Соединенными Штатами и углублять разрядку, а вести более прагматическую политику, учитывая внутри- и

²⁸⁰ Арбатов Г.А. «Положение США и некоторые вопросы нашей политики» 9 октября 1969 г. // РГАНИ Ф. 5. Оп. 62. Д. 695. Л. 46.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 119.

²⁸³ Там же. Л. 120.

внешнеполитические интересы СССР и отталкиваясь от ситуации внутри «треугольника».

Эта рекомендация, которая впервые появилась в записке «О некоторых вопросах...» в 1970 г., активно развивалась в 1971 г., когда в США началась подготовка к президентским выборам 1972 г. Уже в апреле 1971 г. сотрудники Института США подготовили и отправили в ЦК записку, в которой они анализировали обстановку в Соединенных Штатах и расклад сил в американской политике. Они пришли к выводу, что Никсон, выбирая стратегии предвыборной кампании, сделает акцент либо на «внешнеполитических успехах», которые продемонстрируют реализацию лозунга «перехода от эры конфронтации к эре переговоров», либо, напротив, возьмет курс на жесткую линию, «чтобы переключить внимание избирателей от внутренних неудач на внешнюю угрозу со стороны СССР». Проблема заключалась в том, что Никсон мог добиться «внешнеполитических успехов» не только в отношениях с СССР, но и в отношениях с КНР²⁸⁴.

Для Института США проблема «треугольника» становилась поводом к разговору о корректировке американского вектора внешней политики. По мнению экспертов, именно через активизацию и переосмысление советской политики можно было добиться успехов в отношениях СССР – США – КНР, в связи с чем предлагалась широкая программа действий. Прежде всего следовало оказывать давление на самого президента Никсона, используя слабость его позиции накануне промежуточных выборов в США, которые должны были состояться осенью 1970 г. (т.е. через полгода после написания записки «О некоторых вопросах...»). Никсон и Республиканская партия и правда выходили на выборы в непрестом положении. Внутри страны нарастал кризис: росла инфляция и уровень безработицы, ширился кризис городов. Во

²⁸⁴ Журкин В.В. «О некоторых возможных аспектах политики США». 22 апреля 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 606. Л. 80-81.

внешней политике также было мало успокаивающего для американского избирателя: переговоры по поводу войны во Вьетнаме затягивались, а к ним еще прибавилась провальная Камбоджийская компания. В результате на выборах 1970 г. Республиканская партия потеряла 12 мест в Палате представителей и 11 кресел губернаторов. Республиканцы выиграли одно место в Сенате, но все равно обе палаты парламента остались за демократами.

Сотрудники Института США предложили воздействовать на президента через активизацию переговоров по ограничению гонки вооружений и быстрое подписание реального соглашения «по ограниченному кругу вопросов»²⁸⁵. В записке говорилось, что Никсон уже «начал переговоры, и тем самым “доказал” готовность идти на ограничение вооружений», чем удовлетворил общественный запрос. Однако американисты отмечали, что несмотря на это, реального прогресса в переговорах не случилось, а всю вину за это Никсон возложил на СССР. Эксперты предлагали активизировать советскую политику в данном направлении. Это, по их мнению, должно было подтолкнуть Никсона, который колебался между советским и китайским вектором внешней политики, в сторону стратегии «внешнеполитических успехов», причем, именно в отношениях с Советским Союзом.

Американисты обрисовывали преимущества, которые в результате этой политики получит Советский Союз: прежде всего ограничение вооружений позволит сэкономить деньги, которые можно было бы пустить на развитие экономики, науки, техники и упрочнение советского влияния в странах «третьего мира»²⁸⁶. Кроме того, при помощи активизации переговорного

²⁸⁵ Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 120-123, 129.

²⁸⁶ Там же. Л. 124. Позже Арбатов вспоминал: «Мы с первых шагов пытались также избегать идеологических стереотипов, мешавших правильно оценить собственные национальные интересы, в частности, постоянно напоминали, что сдерживание гонки вооружений несет больше выгод Советскому Союзу, чем США, ибо бремя военных расходов для нас более чувствительно». См. подробнее: Арбатов Г.А. Человек системы. С. 124.

процесса и проявления инициативы в двусторонних отношениях СССР мог бы нанести удар по «реакционным кругам в США», по сторонникам «жесточкого курса» в советско-американских отношениях и поддержать ту оппозицию Никсону, которая выступает за нормализацию отношений с Советским Союзом. Самое главное, что достижение этих целей должно было осуществляться традиционным для советских политиков способом: посредством переговоров на высшем уровне.

Однако это было лишь одним из пунктов «внешнеполитической программы» советских экспертов. Не менее важным, по их мнению, было расширение прагматической повестки советско-американских отношений за счет расширения программы имагологического взаимодействия с Соединенными Штатами: «До сих пор наша политика на США, хотя она и включала некоторые акции, рассчитанные на общественно мнение, адресовалась исключительно к американскому правительству и президенту. По официальной позиции администрации мы оценивали и возможность тех или иных шагов. В той обстановке, которая до сих пор существовала в США, это было оправданным. В последнее время положение изменилось»²⁸⁷.

Это предложение хорошо иллюстрирует пересмотр важного принципа внешней политики СССР в отношении США, который можно было бы условно назвать «президентоцентризмом». Взаимное восприятие СССР/России и США в целом характеризовалось высокой степенью персонификации образов. Образ Российской империи и Советского Союза во многом выражался в образе руководителя страны (будь то царь или генеральный секретарь)²⁸⁸. В СССР процесс конструирования образа США

²⁸⁷ Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 125.

²⁸⁸ Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев. М., 2021. С. 275-325.

проходил похожим образом²⁸⁹. Эта персонификация порождалась крайне низким уровне институционализации советско-американских отношений и в то же время закрепляло существующее положение вещей. Даже после «холодной оттепели» конца 1950-х гг. и подписания в январе 1958 г. Соглашения Лейси-Зарубина, интенсивность отношений между двумя сверхдержавами оставалась достаточно низкой, особенно если иметь ввиду не культурные и научные, а политические и экономические отношения. Это выражалось, к примеру, в низком объеме торговли между США и СССР, о чем эксперты писали и в записках²⁹⁰, и на страницах институтского журнала²⁹¹.

С точки зрения формирования советской внешней политики персонификация образа США выражалась в том, что для советских лидеров были очень важны личные отношения со своими американскими визави. Например, Хрущев полагал, что они смогут найти с Эйзенхауэром общий язык из-за общего военного прошлого: для упрощения переговоров Никита Сергеевич даже взял на Женевскую встречу Г.К. Жукова, который хорошо знал президента США со времен войны²⁹². Позже, в 1961 г., Хрущев долго не мог поверить, что полет U-2 был санкционирован президентом США, обвиняя во всем Дж.Ф. Даллеса²⁹³. Личные отношения и неформальные встречи во время переговоров играли большую роль в советской дипломатии²⁹⁴. Для

²⁸⁹ См., например: Журавлева В.И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуристике в начале холодной войны (1947—1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Том 13. Выпуск 9 (119). URL: <https://history.jes.su/S207987840022753-7-1> (дата обращения: 12.05.2024).

²⁹⁰ Арбатов Г.А. «О предоставлении СССР режима наибольшего благоприятствования» // РГАНИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 792. Л. 98-104; Арбатов Г.А. «О развитии экспортных отраслей» // РГАНИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 792. Л. 107-108.

²⁹¹ Шершнева Е.С. К вопросу о советско-американской торговле. // США: экономика, политика, идеология. № 2. 1970. С. 19-28.

²⁹² О том, как Н.С. Хрущев воспринимал Д. Эйзенхауэра см.: Хрущев Н.С. Воспоминания. Книга 2. М., 2016. С. 434-438.

²⁹³ Об этом см.: Таубман У. Хрущев. М., 2008. С. 481-484.

²⁹⁴ См.: Шаттенберг С. «Разговор глухонемых»? Культура хрущевской внешней политики и визит канцлера Аденауэра в Москву в 1955 году // Новое литературное обозрение. № 6. 2009. URL:

Брежнева личные неформальные отношения стали основной его политики, своеобразными «сценариями власти», по выражению его биографа С. Шаттенберг. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Леонид Ильич придерживался того же подхода и во внешней политике. Его дипломатическая стратегия, основанная на личных связях, достигла своего апогея в начале 1970-х гг. на фоне стремления к разрядке международных отношений. Используя обширный корпус источников на русском, английском, немецком и французском языках, Шаттенберг демонстрирует, как Брежнев последовательно развивал личные доверительные отношения и выстраивал специальные каналы связи сперва с В. Брандтом, потом с Ж. Помпиду и, наконец, с Р. Никсоном²⁹⁵. Шаттенберг пишет: «Как и Хрущев, он стремился к личному контакту с политической элитой. Он верил в договоренности на межличностном уровне, между человеком и человеком, осуществление которых затрудняли, а то и могли сорвать бюрократические структуры, дипломаты и скептики»²⁹⁶. Это недоверие к собственным коллегам и дипломатам, которые в силу разных причин лишь создавали препятствия переговорному процессу, находило понимание и у западных визави Брежнева, например, у президента Никсона²⁹⁷.

Таким образом, в записке «О некоторых вопросах...» сотрудники Института США предлагали перевернуть «с ног на голову» и советскую внешнюю политику, и советско-американские отношения в целом. Начиная с понятного советскому руководству предложения по давлению на президента Никсона путем переговоров и заключению быстрых соглашений, эксперты переходят к предложению отказаться от «президентоцентризма».

<https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/razgovor-gluhonemyh-kultura-hrushhevskoj-vneshnej-politiki-i-vizit-kanczlera-adenauera-v-moskvu-v-1955-godu.html> (дата обращения: 31.01.2024).

²⁹⁵ Шаттенберг С. Леонид Брежнев: Величие и трагедия человека и страны. М., 2018. С. 458-509.

²⁹⁶ Там же. С. 431.

²⁹⁷ Там же. С. 488.

Американисты советовали наладить долгосрочные отношения с самыми разными слоями и институтами американского общества, которые оказывали влияние на внутреннюю и внешнюю политику США. В качестве основных направлений «приложения сил» они выделяли Конгресс, который «стал центром оппозиции», американские деловые круги, академическое сообщество, движения «молодежного и цветного населения, либеральную интеллигенцию и некоторую часть профсоюзов»²⁹⁸. Это были те самые «оппозиционные круги», которые, по мнению советских экспертов, могли повлиять на американский политический процесс.

Американисты считали особенно важным, чтобы отношения с «оппозиционными кругами» приобрели многосторонний и долгосрочный характер и не зависели от колебаний советско-американских отношений или личных отношений лидеров стран: «Имея в виду долгосрочные интересы Советского Союза <...> важно по-новому подойти к контактам с оппозиционными кругами. До сих пор мы ставили их в зависимость от “температуры” наших официальных отношений, сокращая их в случае ухудшения. Между тем представляется, что сворачивать в таких случаях следует только официальные контакты (особенно те, которые не имеют выходов на общественность). Что касается контактов с оппозиционными кругами, то они становятся особенно важными тогда, когда межправительственные отношения осложняются»²⁹⁹.

Третье направление внешней политики, которое искомые предлагали развивать, было нацелено на активизацию контактов с представителями различных слоев американского общества, в чем проявлялся отход от «президентоцентризма». Эксперты отдавали себе отчет в том, что в

²⁹⁸ Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 125-127.

²⁹⁹ Там же. Л. 129.

американской политической жизни имела значение не только позиция представителей политического истеблишмента, но и общественное мнение, которое оказывало влияние на внешнюю политику США, а значит, способствовало улучшению советско-американских отношений. Фактически американисты предлагали советскому руководству развивать публичную дипломатию: «Речь идет о таких формах работы как включение отдельных положений, рассчитанных на американскую аудиторию в крупные общеполитические документы (в том числе выступления руководителей), представление время от времени интервью руководящих советских деятелей американской печати, публикация советской печатью материалов, посвященных советско-американским отношениям, активизация нашей пропаганды на США, оживление имеющихся связей по общественной линии»³⁰⁰.

Каждое из этих трех направлений – воздействие на президента, налаживание долговременных контактов с т.н. «оппозиционными кругами» и взаимодействие с американской публикой – американисты постоянно развивали и «лоббировали» в последующих экспертных записках 1970-х гг. Эти направления естественным образом переплетались: например, усиление контактов с оппозицией в Конгрессе неизбежно усиливало давление на президента.

Идея расширения советско-американских связей появилась еще во времена «холодной оттепели», что привело к заключению Соглашения Лейси-Зарубина, началу активных культурных и научных обменов, к советской выставке в Нью-Йорке и американской выставке в Сокольниках в 1959 г.³⁰¹.

³⁰⁰ Там же. Л. 130

³⁰¹ Научные и культурные обмены в эпоху Холодной войны активно изучаются как в отечественной, так и в зарубежной историографии. См., например: Иванян Э.Я. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М., 2007; Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев: курс лекций. М., 2021; Hixson W.L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War: 1945-1961. N.Y., 1998;

Можно предположить, что именно на этом опыте и основывали свои рекомендации советские эксперты, которые идентифицировали себя как «дети XX съезда». Таким образом, рекомендации сотрудников из Института США появились не на пустом месте: и эксперты, и партийные чиновники уже имели некоторый опыт в налаживании широких контактов с американцами.

Тем не менее, советская политическая элита так и не смогла превратить культурные и научные контакты в серьезный инструмент советской «мягкой силы» и включить их в арсенал советской внешней политики на постоянной основе. Гражданская и научная дипломатия получили мощный импульс развития лишь в 1980-е гг., и особенно в эпоху Перестройки. Важно также отметить, что в экспертной записке говорится не только о расширении горизонтальных связей с американским обществом, о научных и культурных обменах. Американисты рекомендуют активизировать политику в отношении важных групп американского общества, таких как конгрессмены, члены политических партий, главы общественных движений, представители крупного бизнеса, т.е. тех, кто способен оказать непосредственное влияние на американскую политику. Причем делать это предлагалось гибко и прагматично, отталкиваясь от американской повестки и находя общий язык не только с представителями левых убеждений, но и с идеологическими противниками³⁰².

Рекомендации хоть и вызвали бурную реакцию в среде партийной элиты (что видно по обильным пометкам на полях записки), но так и не реализовались на практике. Советским лидерам и в особенности самому

Richmond Y. *Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain*. University Park, 2003; Hohman V.J. *Russian Culture and Theatrical Performance in America: 1891-1933*. N.Y., 2011; *Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe*. / Ed. by S. Mikkonen, P. Koivunen. N.Y., 2015; *Music, Art and Diplomacy: East-West Cultural Interactions and the Cold War*. / Ed. by S. Mikkonen, P. Suutari. L., 2016.

³⁰² Рекомендации Института США о том, как следует воздействовать на американцев, подробнее разбираются в последнем параграфе этой главы.

Брежневу было куда привычнее вести переговоры с президентами и представителями правительства, пренебрегая всеми контактами иного рода. Фирменным стилем дипломатии Брежнева было именно налаживание личных контактов, построенных на доверительном общении с глазу на глаз, выстраивание тайных каналов связи, по которым можно было передавать деликатную информацию и откровенно обмениваться мнениями.

Кроме того, не все в Кремле поддерживали курс на разрядку³⁰³. В числе консерваторов стоит особенно выделить Косыгина, который как премьер-министр отвечал за внешнюю политику после отставки Хрущева в 1964 г., а также Шелепина³⁰⁴. Брежнев смог плавно отстранить их от международных дел только к началу 1970-х гг. Хитрый и ловкий аппаратчик Брежнев создал политический союз с Андроповым, который поддерживал политику генерального секретаря, и стремился обойти своих политических соперников с помощью налаживания неофициальных и неформальных контактов с западными лидерами³⁰⁵.

Основная масса записок была посвящена отдельным аспектам советской внешней политики. Многие из этих записок затрагивали или развивали отдельные положения записки «О некоторых вопросах...». Однако, иногда эксперты-американисты тезисно повторяли «внешнеполитическую программу» Института США целиком, что свидетельствовало о важности этих идей для самих экспертов. Например, в 1973 г., когда Брежнев готовился к визиту в США, Арбатов передал генеральному секретарю специальную записку, в которой говорилось: «Задача визита наряду с решением вопросов непосредственно в официальных переговорах с Никсоном заключается, видимо, в том, чтобы содействовать благоприятным для нас сдвигам в

³⁰³ Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева. С 282-287.

³⁰⁴ Шатгенберг С. Леонид Брежнев: Величие и трагедия человека и страны. С. 466-490.

³⁰⁵ Там же. С. 487-490.

настроениях деловых кругов, конгресса и широкой общественности США. Учитывая особенности политического механизма США, она имеет большое значение при всех обстоятельствах. С одной стороны, по той причине, что срок президента Никсона ограничен, и для закрепления перемен в советско-американских отношениях нам важно позаботиться о том, чтобы как-то “завязать” в этих вопросах его приемников, всю правящую элиту, общественное мнение. С другой стороны, по той причине, что и в оставшиеся три года Никсон не всемогущ – многие его акции в советско-американских делах нуждаются в одобрении конгресса, по ряду проблем (экономических) непосредственные дела будут вершиться бизнесом и т.д. Есть и третий важный момент: по ряду вопросов (в частности, связанных с ограничением гонки вооружений и др.) оппозиция в конгрессе, значительная часть общественности и т.д. занимает позицию более выгодную для нас, чем для Никсона, и нам выгодно ее косвенным образом отстаивать»³⁰⁶.

Нетрудно заметить, что основные черты «внешнеполитической программы» Института остались прежними. Расширение контактов позволит эффективнее пользоваться противоречиями во внешнеполитической жизни США, усиливая давление на президента, когда это необходимо. Но главной задачей визита Брежнева в Америку и всей советской внешней политики в отношении США становилось налаживание с ними долговременных связей, не зависящих от политической конъюнктуры. Визит в США предоставлял прекрасные возможности для непосредственного общения Леонида Ильича с американскими политиками, бизнесменами и широкой общественностью. Поэтому Арбатов подчеркивал: «...особенно важно делать все так, чтобы визит выглядел визитом в Америку, а не к Никсону, чтобы все результаты

³⁰⁶ Арбатов Г.А. «Некоторые соображения к визиту в США» // РГАНИ Ф. 50. Оп. 1. Д. 802. Л. 84.

гляделись не как соглашения с Никсоном, а как крупные, долговременные дела с Америкой»³⁰⁷.

Представления советской партийной элиты (во всяком случае, части политической элиты) о США и их политической системе, которые стремились изменить внешнеполитические эксперты, были, судя по всему, основаны, с одной стороны, на тезисах марксистско-ленинской идеологии, а, с другой – на переносе представлений о своей собственной системе на американского Другого. В результате этого советские лидеры предпочитали взаимодействовать преимущественно с администрацией президента, хотя, вероятно, и не до конца верили в независимость президентской власти от власти крупного капитала.

Транслируя на уровень власти экспертно-академический образ американского Другого, американисты пытались изменить эти представления. В экспертных записках американское общество описывалось как сложная система, внутри которой действуют разные акторы: оппозиционные партии, бизнесмены, общественные движения, которыми не всегда мог управлять президент США. У всех этих акторов существовали собственные интересы и собственные мотивы, что позволяло выстраивать с ними отношения независимо от президентской администрации. Наиболее ярко это выражалось в обосновании необходимости расширения контактов с представителями бизнеса – идеологически наиболее враждебной СССР частью американского общества. Таким образом, именно этот комплексный подход к взаимодействию с США становился основой, которая позволяла экспертам выдвинуть программу прагматичной и широкой внешней политики на американском направлении³⁰⁸.

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Если вписывать Институт США и Канады в известную историографическую дискуссию о борьбе «идеологов» и «прагматиков» в определении внешней политики СССР, он, конечно, оказывается на в стане

Для решения задач данного диссертационного исследования не менее важно изучить роль самих американистов в развитии этой программы. Разумеется, Институт США не мог оказывать непосредственное давление на президента Никсона, поскольку Арбатов не принимал участия в переговорах на высшем уровне, хотя и входил в рабочие группы по их подготовке. Влияние экспертов в данном случае было опосредованным, через записки, рекомендации и т.д. То же самое можно сказать и о связях с «широкой общественностью».

С одной стороны, Арбатов и другие сотрудники Института США регулярно бывали в Америке и даже принимали участие в американских ток-шоу. Об этом свидетельствует, к примеру, некролог, опубликованный в газете «The New York Times» после смерти Арбатова, в котором говорилось, что «он регулярно давал интервью на американском телевидении и был постоянным гостем в передачах вроде “Nightline”»³⁰⁹. Сам Арбатов вспоминал о неприятном случае, который был вызван появлением искановцев в американских СМИ: «Сотрудникам института и мне лично американские власти в начале восьмидесятых годов начали чинить всевозможные препятствия, главным образом, чтобы помешать выступлениям в средствах массовой информации США. В 1982 году, например, мне, чтобы сорвать участие в престижной телепередаче (*судя по всему, речь идет как раз о “Nightline” – И.Т.*), сократили разрешенное визой время пребывания в США;

«прагматиков». Эта дискуссия так или иначе ведется вокруг внешней политики всего периода существования СССР. См. например книгу, в которой автор даже вводит двух условных представителей конкурирующих ведомств – «товарища Наркоминдельческого» и «товарища Коминтерновского»: Carley M.J. *Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations*. Lanham, 2014; а также дискуссию вокруг этой книге на сайте h-net: Michael Jabara Carley. *Silent Conflict. A Hidden History of Early Soviet-Western Relations* // H-Diplo Roundtable Review. Vol. XVI, No. 10. 2014. URL: <https://networks.h-net.org/system/files/contributed-files/roundtable-xvi-10.pdf> (дата обращения: 19.05.2024).

³⁰⁹ Georgi A. Arbatov, a Bridge Between Cold War Superpowers, Is Dead at 87 // New York Times. October 2, 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/10/03/world/europe/03arbatov.html> (дата обращения 30.01.2024). «Nightline» - популярная американская политическая передача, которую вел Тед Коппел. Начала транслироваться в 1980 г.

в 1983 году дали визу с условием, что я не буду иметь никаких контактов со средствами массовой информации, и т. д. Начались и трения в отношениях с посольством США в Москве»³¹⁰.

С другой стороны, влияние советских американистов на американскую публику было ограниченным. Они часто бывали в США, но не имели возможности постоянно комментировать советско-американские отношения, выступать по телевидению и в прессе, издавать популярные книги. В свою очередь, власти США не поощряли такое поведение советских экспертов, что сулило существенные проблемы с въездными визами.

Однако сотрудники Института могли и активно участвовали в налаживании долгосрочных неофициальных контактов с «оппозиционными кругами»³¹¹. Эта сфера деятельности, а также само существование «внешнеполитической программы» Института США ставит вопрос о его субъектности внутри советской политической системы. В первой главе уже шла речь о проблемах «независимости» советской внешнеполитической экспертизы и об условности термина «внешний экспертный центр». ЦК КПСС, МИД СССР и другие руководящие ведомства выступали в роли заказчиков экспертного знания Института США. Они были инициаторами создания экспертных центров и обычно сами запрашивали у них материалы по конкретным вопросам. Однако, как было показано, Институт выступал с «программой», претендующей на существенное изменение советской внешней политики в отношении Соединенных Штатов. Означало ли это, что американисты обладали высокой степенью субъектности, и что, отправляя записки в ЦК КПСС, они не только выполняли заказ, но и пытались продвигать

³¹⁰ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 135.

³¹¹ Об этом подробнее см.: Тарбеев И.М. Экспертно-академическая американистика в системе советской внешнеполитической экспертизы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertno-akademicheskaya-amerikanistika-v-sisteme-sovetskoj-vneshnepoliticheskoy-ekspertizy-konets-1960-h-nachalo-1970-h-gg> (дата обращения: 24.01.2024).

на уровень власти свои взгляды на внешнюю политику СССР? Ответы на эти вопросы будут представлены в следующем параграфе.

2.3 Субъектность Института США и Канады: дискурсы экспертизы и развитие неформальных связей

Чтобы ответить на вопрос о субъектности Института США необходимо провести комплексный анализ разных видов его деятельности. Для этого, во-первых, вернемся к характеристике механизма написания и отправки записок в ЦК КПСС, фокусируясь на том, какую степень инициативности проявляли американисты. Во-вторых, рассмотрев в динамике процесс отхода от «президентоцентризма», выявим репертуары смыслов экспертного дискурса, с целью понять, насколько последовательно искановцы отстаивали в записках собственную точку зрения и продвигали свои идеи в ЦК КПСС. В-третьих, охарактеризуем деятельность сотрудников Института США в области налаживания неформальных связей, т.е. попробуем оценить самостоятельность экспертов в реализации их «внешнеполитической программы» при всей условности этого понятия.

В параграфе 1.5. подчеркивалось, что Институт США отсылал некоторые записки не по запросу, а по собственной инициативе. Можно предположить, что к таким запискам относится, например, записка о посещении Арбатовым сессии Международного института стратегических исследований в Голландии, которая сопровождалась просьбой аудиенции у Брежнева. В целом, написание отчетов о поездке за границу было обыкновенной практикой³¹², но кажется маловероятным, что ЦК КПСС самостоятельно запросил его лично у Георгия Аркадьевича, поскольку партийные чиновники могли запросить подробный отчет в КГБ, который и

³¹² Отчеты о поездках за границу и общении с иностранцами были требованием КГБ, а советские граждане зачастую писали их очень формально и шаблонно. Эта процедура воспринималась как «плохая» сторона советской системы, поэтому отчеты просто конструировались из фраз «авторитетного дискурса», что позволяло человеку не противопоставлять себя системе, а оказаться в зоне «внеаходимости». Об этом подробнее см.: Юрчак А.В. Указ. соч. С. 523-528. Отчеты сотрудников Института США и Канады, тем не менее, были очень подробными и совершенно не шаблонными, что позволяет выдвинуть гипотезу о том, что эти отчеты и записки бесед использовались потом в экспертной работе.

занимался сбором подобных документов. На титульном листе также нет свидетельств о том, что записка отправлена «в соответствии с договоренностью» или в ответ на какой-либо запрос. Все это позволяет предположить, что директор Института отправил ее по собственной инициативе. Однако в большинстве случаев невозможно однозначно судить о том, кто был инициатором написания аналитических записок.

С информационными записками дело обстоит несколько иначе. Институт США активно контактировал с американцами. Записи этих бесед (также обычная практика в СССР) хранятся в архиве Российской академии наук и насчитывают сотни листов³¹³. Однако лишь некоторые из этих записей представлялись настолько важными, что дирекция Института превращала их в записки и отправляла в ЦК КПСС. В ходе этого процесса запись неизбежно редактировалась: какие-то места вычеркивались, высказывания группировались по темам, к записям беседы добавляли краткую биографию гостя и информационную справку о компании, которую он представлял. Таким образом, записка, попавшая в ЦК КПСС, представляла собой не просто запись беседы с американцем. Это был особый текст, который отбирался из множества других и конструировался определенным образом сотрудниками Института США. Подробнее к тому, как это работало и для чего было нужно, мы вернемся в следующем параграфе, посвященном риторическим особенностям экспертных материалов. Однако это подтверждает идею о том, что американисты выступали как активные субъекты, отбирающие и конструирующие дискурсы для партийных чиновников, а не просто передающие информацию без интерпретации.

Теперь перейдем к анализу самих дискурсов, содержащихся в экспертных записках, с целью продемонстрировать репертуар их смыслов и

³¹³ АРАН. Ф. 2021. Оп. 1.

последовательность, с которой советские американисты продвигали свои идеи.

Тезис об отходе от «президентоцентризма» в сторону более гибкой и разноплановой политики Институт США начал развивать с момента основания. В своих мемуарах Арбатов цитирует самую первую записку, которая была написана в 1968 г. и посвящена предстоящим президентским выборам в США³¹⁴. Эксперты прогнозировали, что в период острого противостояния, активной борьбы за гражданские права, массовых выступлений против войны во Вьетнаме, инфляции, кризиса городов и роста налогов правительство США неизбежно сконцентрирует ресурсы на внутренних проблемах: *«Главный вывод записки состоял в том, что независимо от того, кто победит на выборах, в США назревают предпосылки для перемен во внешней политике, которые могут отвечать интересам СССР. <...> СССР может оказать некоторое воздействие на эти процессы. Особенно большое значение могла бы иметь в сложившейся обстановке активизация нашей внешней политики, в том числе путем выдвижения широкой конструктивной программы борьбы против угрозы войны, за укрепления мира» (курсив мой – И.Т.)*³¹⁵.

Арбатов не уточнял, какой должна была быть эта программа. Однако очевиден ряд параллелей с уже упоминавшейся запиской 1970 г. Главным оказывается то, что можно «активизировать» советскую внешнюю политику вне зависимости от того, кто станет президентом, и эта активизация должна была быть направлена в том числе на процессы внутри США. Когда в следующем 1969 г. избранный президент Никсон вступил в должность, эта идея трансформировалась в более частную и, вероятно, понятную для

³¹⁴ К сожалению, автору не удалось найти эти записку в архиве ЦК КПСС, поэтому мы можем полагаться только на ту информацию, которую предоставляет сам Г.А. Арбатов в мемуарах.

³¹⁵ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 123-124.

советских партийных чиновников задачу: использовать противоречия внутри американского общества для давления на президента.

В сентябре 1969 г. Арбатов побывал на сессии Международного института стратегических исследований в Голландии. Записка, составленная им, состояла из двух частей: в первой он пересказывал основные тезисы докладчиков и представленные ими оценки ситуации в СССР и США, внешней политики сверхдержав и советско-американских отношений в целом. Во второй части директор Института США предлагал собственные рекомендации на основе услышанного. Арбатов отмечал, что исследователи указывали на серьезные проблемы во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов. И развивал свою мысль, подчеркивая, что с критикой Никсона выступали как либералы, так и консерваторы, причем и те, и другие требовали «удешевления» внешней политики и сокращения военных расходов³¹⁶. Большую роль играло и общественное мнение, по мнению Арбатова, так как главным оружием сторонников гонки вооружений стало «запугивание советской угрозой»: «В последние время к этому добавились спекуляции вокруг молчания насчет начала переговоров, которое изображается как “отсутствующий интерес” к ограничению вооружений. Все это, по словам американцев, мешает дальнейшей активизации оппозиции Никсону»³¹⁷. Вывод, который делал Арбатов, очевиден: нужно как можно быстрее активизировать переговоры, поскольку для этого настал самый подходящий момент, когда на Никсона будет оказываться давление со всех сторон.

Хронологически после этой записки, отправленной в ноябре 1969 г., следует мартовская записка 1970 г. «О некоторых вопросах...», которая

³¹⁶ Арбатов Г.А. «Положение США и некоторые вопросы нашей политики» 9 октября 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп 62. Д. 695. Л. 38-44.

³¹⁷ Там же. Л. 44.

подробно рассматривалась в предыдущем параграфе. Как было продемонстрировано, дискурс отхода от «президентоцентризма» и расширения повестки внешней политики стал в ней основным, поскольку эксперты рекомендовали развивать долгосрочные отношения с разными социальными группами американского общества, что позволяло воздействовать на президента: «Налаживание взаимодействия с оппозицией и влияние на общественность было бы полезным дополнением нашего общего механизма политики в отношении США, помогая либо навязать Вашингтону решения, отвечающие нашим интересам, либо, как минимум, заставить Никсона раскрыться, подрывая тем самым его позиции (в конце концов, до следующих президентских выборов в США осталось меньше трех лет)»³¹⁸.

Уже через полгода, в записке от 21 октября 1970 г., эксперты-американисты опять рекомендовали развивать «меры воздействия» на американское общество и «оппозицию» на сей раз в связи с новым туром переговоров об ограничении стратегических вооружений, проведение которого было назначено на 2 ноября. Оценивая позиции и интересы администрации Никсона, эксперты подвергали анализу внешне- и внутривнутриполитический американские контексты. Они рекомендовали заключить пусть временное, но быстрое соглашение в ходе текущих переговоров и начать подготовку конкретной программы к переговорам в Хельсинки зимой-весной 1971 г. Помимо этих традиционных для советской дипломатии рекомендаций давались советы сопровождать переговоры публичными акциями, причем начать делать это «немедленно» и «соблюдая необходимый такт». Предлагалось разъяснять миролюбивую позицию СССР в выступлениях руководителей, в специальных интервью и статьях для печати, а также в ходе

³¹⁸ Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 128.

«доверительных контактов с представителями оппозиции в США»³¹⁹. Эти рекомендации в значительной степени совпадали с теми, которые предлагались в записке «О некоторых вопросах...» и которые уже были проанализированы в предыдущем параграфе. В очередной раз подчеркивалось, что такая политика принесет плоды вне зависимости от исхода переговоров: «В случае успеха переговоров, это поможет еще раз убедительно продемонстрировать миролюбивый характер советской внешней политики. В случае же неудачи это будет способствовать разоблачению американского империализма, поможет еще раз выявить подлинных виновников гонки вооружений»³²⁰.

Используя для убеждения чиновников идеологические клише из авторитетного дискурса, искановцы пытались представить преимущества публичной дипломатии. Ее развитие было одной из трех рекомендаций, представленных в записке (две другие касались переговоров: выработки конкретной позиции и быстрого заключения временного соглашения). Таким образом, американисты отводили советской публичной дипломатии значительное место в подготовке к переговорам.

Еще через полгода весной 1971 г. в записке «О некоторых возможных аспектах политики США»³²¹, Институт вновь поднял тему взаимодействия с американской «оппозицией» и общественностью. Поводом стали очередные президентские выборы: эксперты фокусировались на раскладе сил в политической жизни США перед стартом президентской гонки. Никсон, избранный президентом в 1968 г., шел на второй срок, и они пытались оценить, как будет проходить избирательная компания, и как она повлияет на политику

³¹⁹ Арбатов Г.А. «Политическая обстановка в США и советско-американские переговоры об ограничении гонки стратегических вооружений». 21 октября 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5, Оп. 62. Д.695. Л. 135.

³²⁰ Там же. Л. 135.

³²¹ Журкин В.В. «О некоторых возможных аспектах политики США». 22 апреля 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 606. Л. 70-82.

администрации в 1971-1972 гг. Вновь (как и записке «О некоторых вопросах...» 1970 г.) подробно описывались те социальные группы, которые преимущественно стояли в оппозиции к Никсону: рабочий класс, негритянское население, молодежь, деловые круги, Конгресс. Нетрудно заметить, что список во многом повторял «программную» записку Института США.

Таблица 1. Социальные группы, находящиеся в оппозиции к Никсону по мнению советских американистов

«О некоторых проблемах...» 6 марта 1970 г.	«О некоторых возможных аспектах...» 22 апреля 1971 г.
Конгресс	Конгресс
Деловые круги	Деловые круги
Молодежь	Молодежь
Цветное население	Цветное население
Профсоюзы	Рабочий класс
Широкая общественность	Широкая общественность
Академические круги	
	Часть консервативных кругов ³²²
Либеральная интеллигенция	

Эксперты повторяли выводы, которые они уже высказывали в предыдущих записках: с одной стороны, Никсон может взять курс на конфронтацию с Советским Союзом, ведь это позволит ему отвлечь избирателей от внутренних проблем; а с другой – он нуждается во

³²² Там же. Л. 78. Американисты утверждали, что «южная стратегия» Никсона, которая была направлена на завоевание голосов белого населения южных штатов Америки, которое было недовольно активной борьбой за гражданские права со стороны афроамериканцев, «не дала больших успехов»: на выборах 1970 г. демократы получили много голосов на Юге США. Кроме того, по мнению американистов, позиция администрации Никсона по вопросу тарифной политики отпугивала представителей деловых кругов из южных штатов.

внешнеполитических успехах, особенно в урегулировании отношений с СССР, поскольку уже обещал добиться прогресса на данном направлении. Хотя переговоры в целом отвечали интересам СССР, эксперты подчеркивали, что в публичной сфере необходимо расставить акценты иначе: «При такой стратегии Никсона перед нами открываются дополнительные внешнеполитические возможности. При их реализации в рамках общей гибкой политики, видимо, было бы целесообразно ясно подчеркнуть (в пропаганде и иными путями), что *речь идет о развитии долгосрочных отношений с США в целом, а не с администрацией Никсона как таковой*»³²³ (курсив мой – И.Т.).

Конечно, в этом предложении много прагматизма: не стоит слишком вкладываться в отношения с администрацией, которая может проиграть выборы и покинуть политическую сцену. И все же фокус на долгосрочные отношения, выстроенные не только с администрацией президента, являлся той идеей, которую Институт США активно продвигал с 1968 г., поднимая ее в записках ЦК КПСС каждые полгода. Тем не менее, долгосрочные контакты с США оставались лишь механизмом достижения внешнеполитических целей. Какую же цель преследовали американисты?

Нетрудно заметить, что вторым дискурсом, пронизывающим все рассмотренные записки, был дискурс ограничения гонки вооружений. Это не случайно, поскольку вопрос об ограничении вооружений являлся главной темой советско-американских отношений в конце 1960-х–1970-х гг. Руководители СССР и США вели активные переговоры, и обе стороны в целом были заинтересованы в достижении соглашений. Однако в ходе этих переговоров постоянно возникали препятствия. Для американского руководства основная проблема переговоров заключалась в неравенстве сил: проект договора ОСВ-1 подразумевал, что у Советского Союза останется

³²³ Там же. Л. 81.

больше межконтинентальных ракет, а у Соединенных Штатов немного больше ракет, размещенных на подводных лодках. Тем не менее, эта асимметрия долгое время не позволяла прийти к соглашению, а переговоры растянулись на два с половиной года³²⁴. В советском руководстве далеко не все разделяли идеи разрядки: Брежнев мог опираться фактически только на Громыко и Андропова, поддерживавших политику Генерального секретаря по нормализации отношений с США³²⁵.

В данном контексте записки Института США становятся особенно важными. В первой главе подробно рассматривались взгляды консультантов из группы Андропова. Шестидесятники, «марксисты с ревизионистским душком», «дети XX съезда» — вот та среда, к которой принадлежал директор Института США Арбатов. Эта среда всегда поддерживала взятый на XX съезде курс на «мирное сосуществование» систем, но не отходила при этом от социалистических взглядов. Создавая собственный «оазис мысли», Арбатов активно привлекал единомышленников из «сети своих», разделяющих определенные ценности: так, например, одним из первых в Институт попал знаменитый журналист В.С. Зорин, возглавлявший впоследствии отдел внутренней политики, и главный редактор институтского журнала В.М. Бережков. Обоих Арбатов знал с 1950-х гг. Неудивительно, что возглавляемая им группа «своих» старалась активно продвигать те идеи и ценности, в которые верила сама: необходимость снижения напряженности в международных отношениях, завершение Холодной войны и гонки вооружений, т.е., все те идеи, которые и были ядром политики разрядки.

³²⁴ Gaddis J.L. The Cold War. A New History. N.Y., 2005. P. 200-201

³²⁵ О взглядах Брежнева и его политического окружения см.: Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. С. 292-300. О политическом «союзе» Брежнева с Андроповым см.: Шаттенберг С. Леонид Брежнев: величие и трагедия человека и страны. С.462-463; Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева. С. 306-307.

Брежнев, в союзе с Андроповым и Громыко, противостоявший кремлевским консерваторам вроде Косыгина, Шелепина и Суслова, «подтянул» в ЦК КПСС и «клиенту Андропова»³²⁶, в которую входил Арбатов как член сети «своих». Брежнев мог противопоставить взгляды и мнения группы «своих» консультантов, которые реально совпадали с миролюбивыми взглядами самого генерального секретаря, мнению политических противников из ЦК КПСС. Исследователи брежневской эпохи и Холодной войны в основном включают Арбатова именно в круг консультантов Брежнева, т.е. считают членом неформального «мозгового треста»³²⁷ или «ближайшим собеседником и советником»³²⁸. Несмотря на то, что эти неофициальные контакты были несомненно очень важными (о чем говорилось в последнем параграфе первой главы диссертации), необходимо помнить, что записки Института США могли играть в этой внутриполитической борьбе даже большую роль. Если сторонникам разрядки нужны были убедительные аргументы, чтобы противостоять консерваторам, то апелляция к научно обоснованному мнению сотрудников института из системы Академии наук, во главе которого стоял проверенный и известный в политических кругах человек, как раз и могла стать таким аргументом. В отличие от консультаций «мозгового треста» записки рассылались широкому кругу читателей из ЦК КПСС, их можно было использовать во время заседаний Политбюро и Секретариата ЦК КПСС.

Много лет спустя, оценивая предложения Института по «выдвижению широкой конструктивной программы борьбы против угроз войны, за укрепления мира», Арбатов писал в своих мемуарах: «Тогда, в начале 1968 года, такие выводы и рекомендации были не совсем обычными. Представляя

³²⁶ Шаттенберг С. Леонид Брежнев: величие и трагедия человека и страны. С.463.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева. С. 299.

их в ЦК КПСС и МИД СССР, мы хорошо понимали, что они могут вызвать недовольство и раздражение, *ибо тенденция к прекращению “холодной войны”* пробивала себе дорогу с трудом. Инерция сталинистского мышления, тем более после попыток его новой реставрации вслед за смещением Хрущева, была еще очень сильной. В оценках американской политики, перспектив наших отношений с Америкой преобладали формулы непримиримого противоборства — “либо мы, либо они”, хотя они и сопровождались, как правило, риторическими призывами к мирному сосуществованию»³²⁹ (*курсив мой – И.Т.*).

Эта цитата хорошо иллюстрирует, что даже если «свои» не были в курсе деталей внутривнутрипартийной борьбы³³⁰, они не просто знали о том, что такая борьба ведется, но и принимали в ней активное участие. В данном контексте идеи «марксистов с ревизионистским душком» совпадали с мнением Генерального секретаря и его сторонников. Со своей стороны эксперты-американисты не ослабляли давления, раз в полгода поднимая эту тему в записках и продвигая ее на уровень власти, что способствовало развитию переговорного процесса по проблемам сокращения ядерных вооружений.

Для обоснования этих рекомендаций они использовали два основных аргумента, которые можно условно назвать политическим и экономическим. Первый, который мы рассмотрели уже достаточно подробно, заключался в оказании давления на Никсона с помощью мирных переговоров. Второй основывался на том, что именно Советский Союз сможет получить наибольшие выгоды от заключения подобного соглашения. И это стало

³²⁹ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 124.

³³⁰ Хотя есть основание предполагать, что информация достаточно хорошо передавалась по сети «своих», в которую входили очень близкие к руководству страны люди, к примеру, помощник Брежнева Г.Э. Цуканов. Иногда события разворачивались прямо на глазах у «своих». См., например, как А.Н. Косыгин предлагал отложить визит Никсона в Москву в 1972 г. из-за бомбежек Вьетнама, что было заблокировано Л.И. Брежневым и А.А. Громыко: Черняев А.С. Дневники. 9 марта 1972. // «Прожито» URL: <https://corpus.prozhito.org/note/61166> (дата обращения: 16.05.2024).

мощным обоснованием необходимости ограничения гонки вооружений. Например, эксперты писали, что бесконтрольное наращивание вооружений позволило бы американцам обогнать Советский Союз по объемам вооружений, при том, что оно уже превосходило советское оружие по качеству. Ограничение, напротив, даст Советскому Союзу возможность сосредоточиться на модернизации вооружений, «сохранив нынешнее соотношение стратегических сил в будущем»³³¹.

Еще более важным представлялось то, что гонка вооружений наносила СССР гораздо более сильный экономический ущерб по сравнению с США. Соглашения, как подчеркивали американисты, позволили бы высвободить ресурсы, необходимые для внутреннего развития и проведения экономических реформ, сохранив при этом боеспособность страны. Данный аргумент приводился сразу в нескольких экспертных записках³³² и в наиболее развернутом виде был представлен в записке «О некоторых вопросах...»: «... в силу значительного разрыва в общих экономических возможностях это (*новые витки гонки вооружений – И.Т.*) ставило бы нас в худшее положение, чем американцев»³³³. Таким образом, записки подтверждали воспоминания Арбатова: «Мы с первых шагов пытались также избегать идеологических стереотипов, мешавших правильно оценить собственные национальные интересы, в частности, постоянно напоминали, что сдерживание гонки вооружений несет больше выгод Советскому Союзу, чем США, ибо бремя военных расходов для нас более чувствительно»³³⁴.

³³¹ Арбатов Г.А. «Политическая обстановка в США и советско-американские переговоры об ограничении гонки стратегических вооружений». 21 октября 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.695. Л. 133.

³³² Арбатов Г.А. «Политическая обстановка в США и советско-американские переговоры об ограничении гонки стратегических вооружений». 21 октября 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.695. Л. 133; Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 124.

³³³ Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 124.

³³⁴ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 124.

Тот факт, что руководство Института обладало четко выраженными ценностями, которые опередили его взгляды на цели и задачи советской внешней политики, хорошо объясняет, почему эксперты настолько интенсивно «бомбардировали» ЦК КПСС записками, содержащими одни и те же идеи. Это, в свою очередь, говорит в пользу того, что Институт США обладал значительной субъектностью и пытался продвигать свои ценности на самом высоком уровне.

В мае 1971 г. соглашение по ограничению ПРО было подписано. В сентябре того же года стороны подписали соглашение «о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США», которое подразумевало немедленный обмен информацией в случае ошибок и чрезвычайных ситуаций, связанных с ядерным оружием. Наконец, в мае 1972 г. были подписаны договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1) и договор об ограничении систем противоракетной обороны³³⁵. Нельзя сказать наверняка, насколько большую роль сыграли записки Института США в продвижении переговоров. Несомненно, существовали объективные причины для заключения соглашений, а на переговорный процесс оказывали влияние разнообразные факторы как в СССР, так и в США, о чем написано немало работ. Тем не менее, рассматривая роль советских внешнеполитических экспертов в данном процессе, следует прежде всего отметить настойчивость и последовательность, с которой американцы продвигали идею об ограничении вооружений. Вероятно, записки в итоге имели некий кумулятивный эффект, появляющийся как раз за счет постоянного повторения рекомендаций. Оказавшись в правильном политическом контексте (т.е. совпадая со стремлением Брежнева, Андропова

³³⁵ Подробнее о переговорном процессе и позициях сторон см. Батюк В.И. Указ. соч. С. 144-157.

и Громыко проводить политику разрядки), они способствовали успеху переговоров.

1972 год стал пиком разрядки, а успешное подписание ОСВ-1 и визит президента Никсона в Москву – дипломатическим триумфом Брежнева. После этого международный контекст постепенно стал меняться. Однако эксперты из Института США, которые оставались носителями ценностей XX съезда, продолжали продвигать свои взгляды и пытались воздействовать на советское руководство. Например, Арбатов направил записку, озаглавленную «О некоторых проблемах второй фазы переговоров об ограничении стратегических вооружений»³³⁶. Записка попала в фонд Брежнева и была подшита к делу о подготовке визита президента Никсона в СССР. К сожалению, записка не имеет точной даты, но, судя по всему, она написана в конце 1973 г.: в тексте упоминается разгоревшийся «уотергейтский скандал», про договор ОСВ-1 говорится, что он был «подписан в 1972», но новое соглашение «лучше всего заключить в 1974 г.». В записке Арбатов указывает на то, что, несмотря на острую критику президента Никсона и всей его политики, существует возможность для заключения новых соглашений об ограничении вооружений. Этому, по мнению директора ИСКАН, способствует внутриамериканский контекст: в политических кругах и обществе США сложился консенсус насчет того, что победить СССР в войне без тяжелых последствий для себя невозможно, поэтому и наращивать вооружения сверх необходимости нет никакого смысла³³⁷.

В 1974 г. внутривнутриполитический кризис в США усилился, и президент Никсон ушел в отставку. Следующие выборы, до которых президентом США был Дж. Форд, прошли 2 ноября 1976 г. На них победил демократ Дж. Картер.

³³⁶ Арбатов Г.А. «О некоторых проблемах второй фазы переговоров об ограничении стратегических вооружений» // РГАНИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 800. Л. 98-108.

³³⁷ Там же. Л. 108.

Уже 16 декабря 1976 г. Институт США и Канады направил в ЦК КПСС запись беседы с Г. Сквиллом³³⁸. Значительное место в ней отводилось обсуждению взглядов избранного президента Картера по вопросам ограничения вооружений³³⁹. Кроме того, Институт направил в ЦК запись беседы с профессором Массачусетского технологического института К. Циписом, в которой также обсуждались перспективы дальнейшего ограничения вооружений³⁴⁰. Таким образом, и после подписания ОСВ-1 внешнеполитические эксперты продолжили продвигать свои взгляды на уровень политического руководства СССР, что следует рассматривать как свидетельство их активной субъектности.

Теперь необходимо рассмотреть ту деятельность экспертов, которую они проводили в области расширения контактов с американским обществом. Когда они рекомендовали налаживать неформальные связи с американцами, они во многом опирались на собственный опыт. Сотрудники института встречались с ними как во время длительных (зачастую продолжавшихся 6-9 месяцев) командировок в США, так и в Москве. Записи бесед с американцами и отчеты о встречах с иностранцами, хранящиеся в архиве РАН, насчитывают без преувеличения тысячи страниц³⁴¹. К сожалению, в рамках данной работы невозможно провести качественный и количественный анализ всех контактов: для этого требуется отдельная исследовательская работа. Поэтому в

³³⁸ Герберт Сквилл был известным активистом и ученым, который занимался вопросами ограничения вооружений. Он работал в Агентстве по контролю над вооружениями и разоружению (ACDA) с 1963 по 1969 гг., а позже основал Ассоциацию по контролю над вооружениями и Проект по контролю над вооружениями Фонда Карнеги за международный мир (Минюст РФ признал фонд иностранным агентом). Сейчас существует стипендиальная программа имени Г. Сквилла, которая поддерживает исследователей, занимающихся проблемой разрешения глобальных конфликтов и вопросами ограничения вооружений.

³³⁹ Арбатов Г.А. «О взглядах Д. Картера по вопросам ограничения вооружений». 16 декабря 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 882. Л. 1-7.

³⁴⁰ Там же. Л. 11-12.

³⁴¹ АРАН. Ф. 2021. Оп. 1.

диссертационном исследовании будут проанализированы только те записи, которые были преобразованы в экспертные записки и направлены в ЦК КПСС.

Американисты контактировали со многими представителями тех групп американского общества, которые они выделяли в экспертных записках. За год до написания записки «О некоторых вопросах...», в которой рекомендовалось расширять неформальные связи, они сами уже активно налаживали контакты с представителями американских «деловых кругов». Летом 1969 г. в СССР прибыл председатель правления крупной американской компании «Литтон Индастриз» Ч. Торнтон³⁴², а в ноябре того же года председатель правления научно-консультативной фирмы «Артур Д. Литтл» генерал Дж.М. Гэвин³⁴³.

В сопроводительных записках американисты утверждали, что инициатива визитов оба раза исходила от американцев, а Институт США лишь согласовал поездку с «компетентными ведомствами» и выделил сопровождающих лиц. Мы не можем проверить, так ли это на самом деле, или это лишь особый прием, с помощью которого американисты «нормализовывали» поездку, эффективно пробивали разрешения или защищали себя. Однако современники вспоминают, что инициатива нередко исходила от самого Института: к примеру, по свидетельствам С.М. Рогова, именно Арбатов «добился выдачи визы находившемуся в “черном списке” Джорджу Кеннану», а в 1982 г. по приглашению директора Института Советский Союз посетил известный протестантский проповедник Билли Грэм³⁴⁴. Американский политолог Г. Эллисон подчеркивал, что он впервые

³⁴² Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 119-143.

³⁴³ Арбатов Г.А. «О визите Дж. М. Гэвина». 8 декабря 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 181-192. Дж.М. Гэвин генерал-лейтенант армии США, один из главных теоретиков и практиков воздушно-десантных войск. Во время войны лично участвовал в высадке на Сицилию, а также в операциях «Оверлорд» и «Маркет-Гарден». Уволился со службы в 1958 и перешел в компанию «Arthur D. Little», в которой работа сперва на должности вице-президента, а потом президента и председателя совета директоров до 1977 г. «Arthur D. Little» - международная консалтинговая компания, основанная химиком Артуром Д. Литтлом в 1886 г. в Бостоне, Массачусетс.

³⁴⁴ Рогов С.М. Указ. соч. С. 127.

побывал в Советском Союзе в 1974 г. благодаря приглашению из ИСКАНа³⁴⁵. Таким образом вскоре после своего создания Институт США стал известен по другую сторону Атлантики как особый канал неформальных связей с СССР, через который можно было достаточно быстро и эффективно организовать поездку и наладить новые контакты.

В январе 1970 г. за несколько месяцев до «программной» записки «О некоторых вопросах...» эксперты приняли в Институте США сенатора от демократической партии Ю. Маккрати³⁴⁶. В следующем 1971 г. у них в гостях побывал другой сенатор-демократ Э. Маски в сопровождении бывшего посла США в СССР А. Гарримана³⁴⁷. Заметим, что искановцы встречались преимущественно с оппозицией президенту Никсону, как они рекомендовали делать в своих записках.

В 1970 г. эксперты передали в ЦК запись беседы с политическим обозревателем газеты «New York Times» Дж. Рестоном, рассказавшим о политической обстановке в США, Никсоне и перспективах советско-американских отношений, а также о том, почему он бы хотел встретиться с Брежневым. Рестон не просил у Института США помощи в организации поездки по Советскому Союзу, однако в записке значилось, что Арбатов «по просьбе Дж. Рестона принял его в Институте США»³⁴⁸. Это свидетельствует в пользу высокой степени субъектности Института США и демонстрирует, что к началу 1970-х гг. он стал важным центром неофициальных связей американцев с СССР, где можно было высказать те соображения, которые не получилось обсудить с Брежневым. Так, например, в 1974 г. профессор

³⁴⁵ Эллисон Г. Нам нужна его мудрость // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 191-192.

³⁴⁶ Арбатов Г.А. «Из записи беседы с сенатором Юджином Маккарти в Институте Соединённых Штатов Америки Академии наук СССР» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 695. Л. 22-24.

³⁴⁷ Арбатов Г.А. «Запись беседы с Э. Маски, состоявшейся 16 января с.г. в Институте США». 19 января 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 606. Л. 1-10.

³⁴⁸ Арбатов Г.А. «Запись беседы с Дж. Рестоном». 15 декабря 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 695. Л. 177-181.

колледжа Клермонт-Маккена Р. Рок напрямую сослался на своего коллегу профессора Ф. Нила, одного из организаторов Комитета по советско-американским отношениям, посоветовавшим ему посетить Институт США и изложить сотрудникам свои соображения по вопросам восприятия американцами разрядки и отношения к СССР³⁴⁹.

Список гостей Института можно продолжать. Выше упоминалось, что в декабре 1976 г. Институт посетили специалист по контролю над вооружениями Г. Сквилл и профессор Массачусетского технологического института К. Ципис³⁵⁰. Также в 1976 г. в Институте проходила беседа с советником Посольства США в СССР по сельскому хозяйству А. Триком³⁵¹. В 1977 г. Институт принимал у себя сенатора-демократа Дж. Макговерна³⁵², а в 1978 гг. – журналистов крупнейших американских газет, освещавших визит Государственного секретаря США С. Вэнса в СССР, а также «директора нового американского ведомства внешнеполитической пропаганды – Управления по международным связям США Д. Рейнхардта»³⁵³.

Таким образом, в 1970-х гг. Институт США стал важным центром неформальных связей, куда приглашались многие американцы, приехавшие в Советский Союз, о чем вспоминает и С.М. Рогов: «вплоть до развала СССР почти все связи с США шли через наш Институт. Помимо официального уровня – все, что называется *second track*: разнообразные визиты экспертов,

³⁴⁹ Арбатов Г.А. «Запись беседы с профессора Клермонского колледжа (США) Р. Рока с сотрудниками Института США т.т. Ю.И. Бобраковым и В.Н. Крестьяновым» 2 августа 1974 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 811. Л. 131-134.

³⁵⁰ Арбатов Г.А. «О взглядах Д. Картера по вопросам ограничения вооружений». 16 декабря 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 882. Л. 1-7а; Арбатов Г.А. «Пребывание К.Циписа в Институте США и Канады». 16 декабря 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 882. Л. 8-66.

³⁵¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1136. Л. 20-24.

³⁵² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 1662. Л. 46-49.

³⁵³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 1395. Л. 1-8. Д. Рейнхардт занимал должность помощника Государственного секретаря по связям с общественностью (Assistant Secretary of State for Public Affairs), т.е. пресс-секретаря Госдепартамента США. Не ясно, по какой причине американисты так странно перевели его должность, а также почему называли это ведомство новым: должность была учреждена в 1944 г., больше чем за 30 лет до визита Рейнхардта в Институт США и Канады.

сенаторов. Все шло через наш Институт, мы были как “бутылочное горлышко”»³⁵⁴.

Таблица 2. Визиты американских гостей в Институт США, информация о которых была направлена в виде записок в ЦК КПСС.

Год визита в Институт	Имя гостя	Информация о госте
1969	Ч. Торнтон	Бизнесмен, компания «Litton Industries»
	Дж.М. Гэвин	Бизнесмен, компания «Arthur D. Little»
1970	Ю. Маккарти	Сенатор от Демократической партии
	Дж. Рестон	Журналист, газета «The New York Times» и журнал «Time»
1971	Э. Маски	Сенатор от Демократической партии
	А. Гарриман	Бывший посол США в СССР
1974	Р. Рок	Профессор колледжа Клермонт-Маккена
1976	Г. Сковилл	Специалист по контролю над вооружениями, основатель «Ассоциации по контролю над вооружениями»
	К. Ципис	Профессор Массачусетского технологического института
	А. Трик	Советник посольства США в СССР по сельскому хозяйству
1977	Дж. Макговерн	Сенатор от Демократической партии
1978	Д. Рейнхардта	Пресс-секретарь Государственного департамента США
	М. Мардер (2 раза), К. Клоуз	Журналисты «The Washington Post»
	С. Салливан, Ф. Коулман	Журналисты «Newsweek»
	В. Гверцман, Д. Шиплер, К. Уитни	Журналисты «The New York Times»
	Дж. Уоллак	Журналист, обозреватель «Hearst Corporation» (какого конкретно издания не уточняется)
	Д. Фишер	Журналист «Los Angeles Times»
	Ф. Нил	Профессор, организатор Комитета по советско-американским отношениям

Подводя итог, можно сделать вывод, что Институт США обладал значительной степенью субъектности. Дирекция Института, разделявшая

³⁵⁴ Рогов С.М. Уроки Георгия Арбатова // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 126.

ценности шестидесятников и стремившаяся к разрядке в советско-американских отношениях и ограничению гонки вооружений, продвигала свои взгляды на уровень власти путем проговаривания одних и тех же рекомендаций в экспертных записках, некоторые из которых она отправляла в ЦК КПСС по собственной инициативе. В то же время эксперты развивали неформальные связи с американцами, превратив Институт США в важный центр неформальной коммуникации.

Высказывая в записке рекомендации по развитию неформальных связей, Арбатов, с одной стороны, опирался на собственный опыт, а с другой – «лоббировал» практики, уже существовавшие в Институте. Таким образом, Арбатов продвигал интересы своего «мозгового центра». В очередной раз обращая внимание советских чиновников на перспективность развития контактов с представителями деловых кругов, он писал: «Представляется, что в этом плане могут быть полезны так же возможности Института США АН СССР, т.к. его контакты с нужными нам представителями американских деловых кругов могут носить сугубо неофициальный, не обязывающий нас характер: осуществлять такие контакты и впредь можно под предлогом научных интересов – изучения экономики США, методов и форм организации промышленности и применяемых американскими компаниями систем управления»³⁵⁵.

Субъектность советских американистов, активное «лоббирование» идей и взглядов, ставит вопрос о необходимости анализа записок как риторических нарративов, сконструированных особым образом и направленных на убеждение читателя. Этому посвящен следующий параграф.

³⁵⁵ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 126.

2.4 Механизмы убеждения и аргументации в экспертных записках

Еще в 1970-х гг. французский социолог и антрополог Б. Латур предложил рассматривать науку с точки зрения социологии. Начало этим исследованиям положила его совместная с С. Вулгаром книга, в которой они описывали научный факт как социальный конструкт, т.е. как результат социальной работы ученого, интерпретирующего наблюдения, убеждающего своих коллег и в итоге формирующего научный консенсус³⁵⁶. Развивая далее свои идеи, Латур анализировал научные статьи как риторические нарративы, основная задача которых заключается в убеждении других ученых. Таким образом, читатели должны превращаться в сторонников автора³⁵⁷. В рамках такого подхода ссылки на удачно подобранные исследования, демонстрация аккуратно отобранных и интерпретированных фактов являются не столько абстрактными научными доказательствами, сколько элементами авторского нарратива, нацеленного на подтверждение правоты ученого.

Эта концепция может быть успешно применена к экспертным записками Института США. Ведь в конечном счете их авторы стремились убедить советских чиновников в правильности своей аналитической работы и своих выводов, что объяснялось двумя причинами.

Во-первых, как было продемонстрировано в предыдущем параграфе, американисты представляли собой особую группу «своих», которые разделяли определенные ценности, свидетельствующие об их стремлении к нормализации советско-американских отношений и ограничению гонки вооружений, а также к модернизации и развитию Советского Союза. Поэтому они старались убедить советское руководство в необходимости расширения долгосрочных контактов с американским обществом, донесения советской

³⁵⁶ Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, 1987.

³⁵⁷ Латур Б. *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*. СПб., 2013.

точки зрения до широкой общественности, ограничения вооружений, т.е. перестройки американского вектора советской внешней политики в целом.

Во-вторых, американисты понимали, что экспертные записки Института США сталкиваются с серьезной конкуренцией внутри ЦК КПСС. В параграфе 1.4., который был посвящен положению Института США в системе внешнеполитической экспертизы, мы уже затрагивали вопрос о других экспертных центрах СССР. Эти центры, многие из которых были ведомственными и представляли собой отделы МИД, КГБ, ЦК КПСС и т.д., также писали записки и «продвигали» свои идеи советскому руководству. Многие из этих ведомств имели значительно больший вес в системе неформальных каналов связи³⁵⁸, чем Институт США. К примеру, с 1973 г. членами Политбюро были глава МИД СССР А.А. Громыко и председатель КГБ Ю.В. Андропов, которые могли «лоббировать» интересы своих ведомств. Институт США, несмотря на дружеские связи Арбатова с Андроповым, представительства в Политбюро не имел. Помимо конкурентов, американистам мешали «идеологические противники» «детей XX съезда», такие как А.Н. Косыгин, М.А. Суслов, Г.В. Романов и др.

Бесспорно, директор Института США Арбатов имел собственные выходы на советское руководство (мы уже упоминали регулярную работу в резиденции Завидово, где Георгий Аркадьевич мог отстаивать свои идеи непосредственно перед Брежневым). Последний, в свою очередь, также был заинтересован в рекомендациях прогрессивного «мозгового треста», мнение которых он мог противопоставить противникам политики разрядки. И все же внутрипартийная конкуренция и стремление к продвижению идей подталкивали сотрудников Института США к использованию различных

³⁵⁸ Проблема неофициальных каналов связи и устных договоренностей была рассмотрена в параграфе 2.1.

приемов, способствовавших тому, чтобы сделать записки более убедительными для советского руководства.

Одним из простейших риторических приемов становилась демонстрация лояльности советской власти и идеологической надежности экспертов перед лицом американцев. К примеру, когда американский бизнесмен Ч. Торнтон, восхищаясь экономическим развитием СССР и строительством крупных промышленных предприятий, все же высказывал сомнения в эффективности централизованного управления экономикой, американисты рассказывали ему «о существовании экономических реформы, о мерах, направленных на сочетание централизованного планового начала с инициативой на местах»³⁵⁹. Если бы эксперты из Института США действительно опасались или не желали включать слова Торнтона в записку, они могли бы этого не делать. Однако они хотели донести критику, основанную на американском опыте управления, до советского руководства (подробнее этот случай мы разберем в следующей главе). В итоге риторические стратегии, демонстрируя лояльность, одновременно легитимировали критику и позволяли донести ее до ЦК КПСС.

В других случаях они позволяли легитимизировать идеологически противоречивые предложения экспертов. Как уже разбиралось выше, транслируя более сложный и комплексный образ США, советские американисты настойчиво рекомендовали развивать отношения с американскими деловыми кругами, поскольку это могло нести одновременно «и политический, и значительный экономический эффект»³⁶⁰. Однако на пути продвижения данной идеи возникала очевидная идеологическая проблема: как оправдать то, что социалистическое государство будет сотрудничать с

³⁵⁹ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л.130-131.

³⁶⁰ Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 130.

«акулами капиталистического мира»? За это могли ухватиться противники «ревизионизма», чтобы бюрократически заблокировать записку в ЦК КПСС. Для разрешения данного противоречия американисты прибегали к идеологическим клише, т.е., к авторитетному дискурсу, который обычно не использовался в экспертных записках, имеющих гриф «совершенно секретно»: «Усиливать заинтересованность капиталистов в развитии отношений с СССР – это ленинский метод воздействия на политику буржуазных стран и его важно активно использовать и сегодня»³⁶¹.

Самым главным и наиболее распространенным риторическим приемом, представляются сами записки бесед с американцами. Многие включенные в них тезисы совпадали с позицией самих экспертов. Таким образом, высказывания американцев играли двойную роль: с одной стороны, они являлись источником для аналитики Института США, с другой – аргументом, подтверждающим выводы его сотрудников.

Наиболее ярко использование данного риторического приема можно рассмотреть на примере записки беседы с Дж. Рестоном, проходившей в стенах Института США 14 декабря 1970 г. Рестон, один из самых влиятельных журналистов своего времени, главный политический обозреватель газеты «The New York Times» и вице-президент журнала «Time», был также известен как жесткий оппонент президента Никсона. Интересно, что в своих заметках из Москвы Дж. Рестон никак не упоминал визит в Институт США и общение с советскими экспертами. Вероятно, это встреча была не для публикации. Журналист стремился не только лучше понять логику и мотивы действий советской стороны в контексте переговоров по ОСВ-1³⁶², но и рассказать

³⁶¹ Там же.

³⁶² Об этом Рестон написал статью: Reston J. Nexon and Brezhnev // New-York Times. December 20, 1970. URL: <https://www.nytimes.com/1970/12/20/archives/nixon-and-brezhnev-moscow.html?smid=url-share> (дата обращения: 19.05.2024)

советским политикам и экспертам о тех особенностях политической обстановки в Соединенных Штатах, которые могли оказывать влияние на переговорный процесс и советско-американские отношения в целом. Это обстоятельство лишь подчеркивало роль Института США как центра неформальной коммуникации.

В беседе с искановцами Рестон высказал ряд наблюдений, напоминавших их собственные выводы. Прежде всего, он указывал на тот факт, что США переживали «весьма своеобразный, критический момент» в своей политической жизни. У американского журналиста сложилось впечатление, что в Москве все еще воспринимали Никсона как яркого антисоветчика, который устроил ссору во время «кухонных дебатов» в 1959 г. Однако, как подчеркивал Рестон, в действительности Никсон был намного сложнее, подобно актеру, «который может сыграть совершенно различные роли». Рестон резюмировал свою идею: «Перед Никсоном два пути. Он вроде бы начал склоняться к идее общего урегулирования с СССР и попыток достичь нормализации международной обстановки. Но если это не получится, он легко соскользнет на путь обострения отношений, бряцанья оружием, “холодной войны”» (подчеркивания принадлежат читателям записки – *И.Т.*)³⁶³.

Политика президента-республиканца Никсона в конце 1970 – начале 1971 гг. во многом определялась именно в зависимости от исхода борьбы вокруг бюджета на следующий финансовый год в Конгрессе, где в обеих палатах преобладали демократы, а также в условиях подготовки к грядущим президентским выборам. Рестон подчеркивал, что он приехал в Москву, чтобы донести особенность этого политического момента до Брежнева, который мог бы повлиять на Никсона, «выступив и высказав свои соображения и чувства по этим внешнеполитическим вопросам»³⁶⁴.

³⁶³ Арбатов Г.А. «Запись беседы с Дж. Рестоном». 15 декабря 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 695. Л. 179.

³⁶⁴ Там же. Л. 180.

Эти тезисы очень напоминают наблюдения и рекомендации самих экспертов-американистов: критический момент в политической жизни США, два пути развития американской политики, возможность воздействия на Никсона посредством обращения к широкой американской публике и т.д. Арбатов подчеркивал это сходство в примечании к записке: «Оценка Рестоном нынешнего момента, как весьма критического в политике США (в связи с обсуждением бюджета на следующий финансовый год) представляется вполне обоснованной. Соображения Института США по этом вопросу, а также предложения о возможных шагах с нашей стороны были представлены в ЦК КПСС 30 ноября с.г. (№ 0155)»³⁶⁵.

Действительно, 30 ноября 1970 г. Институт США отправил в ЦК КПСС записку «о возможных акциях в связи с той борьбой, которая развернулась сейчас в США вокруг военного бюджета на следующий финансовый год». Проанализировав эту борьбу, американисты советовали провести ряд публичных акций, направленных на критику сторонников гонки вооружений в США, разоблачение мифа о «советской угрозе» и даже сокращение военного бюджета в одностороннем порядке («реальные расходы на оборону... можно было бы распределить по другим статьям бюджетных расходов»). Так же эксперты рекомендовали проявить инициативу на переговорах в Хельсинки, чтобы заключить соглашение о временном моратории на строительство систем стратегического вооружения – это бы осложнило «спекуляции сторонников гонки вооружения в США»³⁶⁶.

Обе записки были замечены в ЦК КПСС. На титульном листе записки «О военном бюджете...» написано: «тов. Брежнев Л.И. – ознакомился»³⁶⁷. Запись беседы с Рестоном вообще вызвала достаточно бурную реакцию. К ней

³⁶⁵ Там же. Л. 181.

³⁶⁶ «О борьбе вокруг военного бюджета США на 1971/1972 год». 30 ноября 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 695. Л. 171-176.

³⁶⁷ Там же. Л. 171.

было приложено распоряжение: «Тов. Суслов М.А. просит доложить эти материалы товарищу Брежневу Л.И. / 16 XII 70», а на титульном листе значилось: «Доложено Л.И.»³⁶⁸. В тексте записки есть многочисленные пометки различного типа, принадлежащие, судя по всему, разным читателям: простые и волнистые подчеркивания, квадратные и полукруглые отчеркивания абзацев на левом поле. Таким образом, записки риторически дополняли и усиливали друг друга, предлагая разную аргументацию одной и той же точки зрения.

Безусловно, это уникальный случай «экспертного везения» советских американистов: влиятельный американский журналист приехал в СССР и высказал те же оценки внутривосточной ситуации в США, которые эксперты отправили в ЦК за месяц до этого. Можно предположить, что именно это совпадение побудило Арбатова сделать в записи беседы примечание с прямой ссылкой на записку Института. Другие записи бесед с американцами также содержали совпадения с рекомендациями Института, хотя они, зачастую, и не были так явно артикулированы.

В записке о визите в СССР Ч. Торнтон американский бизнесмен заявлял, что он хотел посмотреть на Советский Союз своими глазами, так как «он сам и многие его коллеги из деловых кругов Америки имеют серьезные сомнения» в адекватности представлений о Советском Союзе, транслируемых американской прессой и разведкой³⁶⁹. Это сомнение было настолько сильным, что по возвращении в Соединенные Штаты Торнтон, по его собственному заявлению, не собирался давать интервью о поездке американской прессе, так как «они все равно все переврут». Вместо этого он планировал выступить в правительстве, на нескольких совещаниях бизнесменов и на заседании

³⁶⁸ Арбатов Г.А. «Запись беседы с Дж. Рестоном». 15 декабря 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 695. Л. 177-178.

³⁶⁹ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 122.

Делового совета³⁷⁰, а информацию об этих выступлениях отправить в Институт США³⁷¹. Рассуждая о перспективах советско-американских отношений, Торнтон полагал, что в число основных задач входили: окончание войны во Вьетнаме (и тут СССР может и должен помочь США), успешные переговоры об ограничении вооружений, а также начало сотрудничества в неполитических областях, например, освоение космоса, развитие экономических и научно-технических связей³⁷². Не делая ссылок на какие-либо другие записки Института США, Арбатов лишний раз подчеркивал необходимость сотрудничества с представителями американских деловых кругов: «Что касается политической стороны дела, то сам факт приезда в СССР предпринимателя такого калибра, как Торнтон, подтверждает, что в деловых кругах США укрепляется интерес в Советскому Союзу. Нам, со своей стороны, выгодно использовать это для усиления воздействия на эти круги, что соответствовало бы общей линии на активизацию нашей политики в отношении США»³⁷³.

Чаще всего в записях бесед нет даже таких комментариев экспертов, а содержатся лишь высказывания самих американцев. Но и в таких случаях, бросается в глаза большое количество совпадений с «внешнеполитической программой» Института США. Например, генерал Гэвин подтвердил, что «Америку ждут непростые времена», и хоть Никсон сумел сплотить вокруг

³⁷⁰ Деловой совет (оригинальное название *The Business Council*) – влиятельная организация, созданная для совещаний и консультирования американского правительства по деловым вопросам. Членами совета являются крупнейшие американские бизнесмены, а его заседания посещают высокопоставленные чиновники, включая президента США.

³⁷¹ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 125. Автору диссертационного исследования не удалось найти эту информацию в фонде Института США и Канады АРАН. Тем не менее, нельзя полностью исключать возможность того, что Торнтон выполнил свое обещание: фонд Института крайне неполный и достаточно запутанный (так что следует продолжать поиски), а фонд Арбатова до сих пор полностью не описан и по этой причине все еще закрыт для исследователей.

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же. Л. 126.

себя консерваторов, многое будет зависеть от действий оппозиции³⁷⁴. Сенатор от демократической партии Маккарти, оценивая позицию Никсона, подчеркивал, что под давлением президент «способен на проведение позитивной линии»: «Ему легче говорить “нет”, чем “да”. Но вместе с тем, когда полезная инициатива предпринимается другими, когда на него оказывается давление, то, как показал опыт, Никсон, пусть после сопротивления, их поддерживает, и на практике делает даже больше, чем любой из его более либеральных предшественников»³⁷⁵. Сенатор подчеркивал стремление оппозиции оказать воздействие на Никсона, и призывал Советский Союз так же «выдвинуть новые позитивные инициативы», поскольку именно «сейчас они могут иметь хорошие результаты»³⁷⁶.

Другой сенатор-демократ Маски в беседе с искановцами рассказывал, что борьба вокруг военного бюджета показала серьезный раскол внутри американского общества. По мнению Маски, многие американцы полагали, что необходимо направить ресурсы на решение внутренних проблем, но у части общества были все еще сильны антисоветские предубеждения. Маски расценивал достижение прогресса в таких важных направлениях советско-американских отношений как ограничение гонки вооружений, берлинская проблема или разрешение ситуации на Ближнем Востоке как возможность «перевесить чашу весов отнюдь не в пользу сторонников жесткого курса». Поэтому Маски выступал за решение берлинской проблемы и скорейшее заключение соглашений об ограничении вооружений. Он лишь опасался того, что соглашение будет «слишком узким», а потому незначительным, или того, что благоприятный момент может быть упущен³⁷⁷.

³⁷⁴ Арбатов Г.А. «О визите Дж. М. Гэвина». 8 декабря 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5 Оп. 61. Д. 558. Л. 181-192.

³⁷⁵ Арбатов Г.А. «Из записи беседы с сенатором Юджином Маккарти в Институте Соединённых Штатов Америки Академии наук СССР» // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 695. Л. 23.

³⁷⁶ Там же. Л. 24.

³⁷⁷ Арбатов Г.А. «Запись беседы с Э. Маски, состоявшейся 16 января с.г. в Институте США». 19 января 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 606. Л. 4-10.

В этих записках нет никаких комментариев американистов, лишь тезисный пересказ или прямая речь американских гостей. Однако параллели с внешнеполитической программой, изложенной в записке «О некоторых вопросах...», и рекомендациями из других экспертных записок Института США очевидны. Конечно, в этом нет ничего удивительного, ведь эксперты сами отбирали записи бесед, которые следовало превратить в записки. Можно предположить, что Институт США отсылал высказывания американцев, наилучшим образом подтверждавшие их собственные выводы и способствовавшие продвижению их взглядов. Однако, для обоснованного подтверждения или опровержения этой гипотезы требуется проведение более специального компаративного анализа документов из архива Арбатова, пока недоступного исследователям, архива РАН и записей из архивов ЦК КПСС.

Для данного исследования важно другое: аналитические и информационные записки Института США зачастую содержали одни и те же дискурсы. Рассмотрение записок в качестве единого корпуса документов позволяет проследить, как американисты последовательно продвигали свою программу на протяжении многих лет, используя разные способы аргументации.

В этом смысле аналитические и информационные записки представляют собой два разных способа убеждения, которые в сочетании друг с другом образовывали третий. Разберем, как они работали в рамках особого экспертного дискурса.

Экспертные записки представляют собой уникальный жанр текста, который можно было бы называть «квазинаучным». Опираясь на такие научные методы, как наблюдение, анализ, синтез, сами по себе записки не являются научными текстами. Отсутствие признаков научного текста (описания методов, ссылок на источники и литературу и т.д.) легко объяснимо: высокопоставленные партийные чиновники не нуждались в научном аппарате,

который усложнил бы процесс восприятия текста. Но в таком случае каким образом американисты обосновывали свои выводы и рекомендации?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать экспертные записки Института США как сложные семиотические единицы, опираясь на труды французского семиотика и философа Р. Барта о семиотических мифах, в которых он продемонстрировал, как любое сообщение может усложняться при помощи вторичной семиотической системы, превращающей сообщение в метаязык³⁷⁸. Подобная смысловая трансформация происходит и с экспертной запиской в ЦК КПСС. Сама по себе записка представляла собой означающее, кодирующее означаемое, т.е. результаты научных наблюдений и выводов, к которым пришли сотрудники Института США. Однако с учетом невозможности и нежелания верификации этих данных (о чем говорит отсутствие научного аппарата в текстах записок), записка превращалась в элемент вторичной семиотической системы или, используя терминологию Р. Барта, в *форму* мифа. Основным аргументом (или ее *понятием*, в терминах теории мифа) записки становился ее отправитель (научный институт системы Академии наук СССР) и авторитет Г.А. Арбатова как известного эксперта и консультанта генерального секретаря. Таким образом, основным *значением* этой вторичной семиотической системы, облеченной в форму записок и опирающейся на авторитет академической науки, становились «научность», «объективность» и «взвешенность» рекомендаций. Рекомендации Института США были не просто советами или мнением какого-либо консультанта, они отсылали к научной деятельности, которая в рамках господствующей в СССР позитивистской научной традиции

³⁷⁸ Барт Р. Мифологии. М., 2014. С. 271-274.

и характерного для той эпохи «сциентизма»³⁷⁹, воспринималась как процесс познания объективных истин.

Эта новая система смыслов (в терминах Барта, «экспертно-академический миф»), апеллирующий к «научности» и «объективности») и есть первый способ убеждения. Но «экспертно-академическая» семиотическая система может надстраиваться только над теми аналитическими записками, которые являются продуктом деятельности научного института. Используя терминологию социолога науки Латура, можно было бы называть это «литературным» убеждением³⁸⁰, поскольку эта система опирается на научный дискурс и авторитет.

Записки, содержащие записи бесед с американцами, формируют другой миф – «очевидца», «источника», «доказательства», «взгляда изнутри». Американисты «самоустраиваются» из текста, позволяя американцам говорить самим за себя, а читателям из ЦК КПСС самостоятельно делать выводы из данных, не интерпретированных учеными. Продолжая использовать теорию Латура, можно было бы сказать, что читателю теперь предлагается не поверить ученому на слово, опираясь на его авторитет и ловко сконструированный нарратив, а самому пройти в лабораторию, запустить установку и увидеть источник знаний воочию³⁸¹.

Именно за счет этого записи бесед с американцами усиливают аналитические записки Института США. Как было продемонстрировано выше, в этих беседах американцы постоянно повторяли те идеи, которые были

³⁷⁹ Высокий пиетет перед научными разработками не только в сфере естественных и технических наук, но и в экономической и социогуманитарной сфере был характерен для хрущевских реформ. Есть множество оснований считать, что после отставки Н.С. Хрущева этот пиетет продолжил существовать и был особенно силен в период косыгинских реформ, которые генетически были связаны с хрущевскими. Это объясняет и то, почему именно в 1960-х – начале 1970-х гг. было основано так много различных научных институтов экономического и социо-гуманитарного профиля. Подробнее об этом см., например: Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформа Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы Холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 26-30.

³⁸⁰ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013. С. 46-110.

³⁸¹ Там же. С. 112-168.

высказаны экспертами: сенаторы Маккарти и Маски; бизнесмен Дж. М. Гэвин и журналист Дж. Рестон – все свидетельствовали в пользу того, что Америка находилась в критическом моменте своей истории, а президент Никсон колебался между проведением жесткого курса и политикой разрядки. Как и советские эксперты, американцы говорили, что на Никсона может повлиять СССР, если он активно выступит с инициативой переговоров; что многое зависит от действий оппозиции, с которой советской стороне также следует выстраивать отношения.

Особенно характерными примерами приема «самоустранения» экспертов являются записи бесед с бизнесменами Дж.М. Гэвином и Ч. Торнтоном, которые велись в основном на тему организации и управления производством, внедрения достижений НТР в промышленность. Тем не менее, параллельно беседы касались политических тем, как и в случае с сенаторами и журналистами. Эксперты группировали записи этих разговоров в отдельный тематический блок внутри записки, помещая его в начале и предваряя разговор об управлении производством³⁸².

В результате процесс конструирования записки виден особенно ярко. Американисты пересказывали идеи американцев, подбирали нужную цитату, подтверждающую пересказ, группировали это вместе с другими суждениями и помещали в тематический раздел. Во время пересказа и перевода прямой речи в уста американцев вкладывались определенные термины, постоянно встречающиеся в экспертных записках («деловые круги», «ограничение гонки вооружений»), и даже идеологические клише. В результате Гэвин подтверждает тезисы экспертов о том, что «большинству американцев, в том числе и в среде крупного бизнеса, становится очевидной бессмысленность

³⁸² Арбатов Г.А. «О визите Дж. М. Гэвина». 8 декабря 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 184-185; Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 131-135.

дорогостоящей гонки вооружений»³⁸³, а Торнтон свидетельствует, что «в США, в частности в деловых кругах растет понимание того, какое огромное значение для судеб страны имеет нормализация отношений с Советским Союзом» и что «к числу первоочередных задач в этой области, по его мнению, принадлежит задача ограничения гонки вооружений»³⁸⁴. И хотя американцы говорят словами советских экспертов, сами эксперты «самоустраиваются» из текста записок: нет даже упоминаний задаваемых ими вопросов, направляющих беседу. Все это смещает внимание читателя с процесса конструирования нарратива записки на источник дискурса – американского гостя.

Разумеется, «самоустранение» экспертов является иллюзией. Как уже было сказано, сотрудники Института приложили немало сил по превращению беседы в записку для ЦК КПСС: они отбирали именно эту беседу из множества других, не просто задавали вопросы, но и направляли ее ход, делали перевод, формировали текст записки, выбирая те или иные высказывания гостей, группируя тезисы по темам, сокращая или пересказывая их и т.д. Как и в случае с лабораторными наблюдениями Латура, высказывания американцев являются не «сырыми данными», а результатом социального конструирования и множественной интерпретации. Тем не менее, миф «информации, полученной из первых рук, от очевидца» становится мощным способом убеждения. Полагаясь на достоверность «свидетельств очевидца», советское руководство запрашивало мнение не только у ученых или дипломатов, но и, например, у советских журналистов, которые работали в иностранных редакциях «Правды» или «Известий», а потому много бывали в Америке³⁸⁵.

³⁸³ Арбатов Г.А. «О визите Дж. М. Гэвина». 8 декабря 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 184.

³⁸⁴ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 132.

³⁸⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 811.

Судя по отметкам на полях записок Института США, читателей из ЦК КПСС в аналитических записках больше всего интересовали рекомендации, а в записях бесед – прямые высказывания американцев. Комментарии Арбатова, которыми иногда сопровождалась записи бесед, не привлекали советских чиновников³⁸⁶. Жанр записки смещал внимание чиновников с авторов текста на сконструированный ими дискурс. Таким образом, аналитические записки и записи бесед задействовали разные стратегии убеждения советских чиновников: во-первых, через апелляцию к авторитету «научной объективности», во-вторых, через привлечение «свидетельства очевидца», через «взгляд изнутри».

Комбинация этих риторических стратегий порождала еще один эффект. В предыдущем параграфе говорилось о том, что Институт США «бомбардировал» ЦК КПСС записками, содержащими одни и те же идеи, например, о продуктивности отхода от «президентоцентризма» и заключения соглашений об ограничении гонки вооружений. Однако тогда речь шла исключительно об аналитических записках. Если к ним добавить записи бесед, то можно получить еще большую «плотность продвижения» этих идей. К сожалению, любые точные подсчеты пока невозможны из-за отсутствия полного списка записок, отправлявшихся Институтом США в ЦК КПСС. Материалы, уже обнаруженные в архиве ЦК КПСС, не являются

³⁸⁶ Этот вывод противоречит идеям, которые автор высказывал ранее. В статье, которая была посвящена исследованию трансфера идей в советско-американских отношениях, была выдвинута гипотеза о том, почему советские чиновники не обращали внимание на предложения Арбатова: «Вероятно, это не входило в планы советского руководства: чиновникам нужен был информационный канал, а не новый инструмент внешней политики. Можно так же предположить, что чиновники не захотели расширить круг полномочий, которыми обладали гражданские эксперты: в них видели, прежде всего советников, а не разведчиков или дипломатов» (Тарбеев И. М. Трансфер идей в советско-американских отношениях на рубеже 1960—1970-х гг. (на примере экспертной деятельности Института США АН СССР) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Выпуск 6 (104). URL: <https://history.jes.su/s207987840016257-1-1/>). Однако, исследование более широкого корпуса документов позволяет сделать другое наблюдение: в аналитических записках чиновники преимущественно отмечали выводы экспертов, а в записях бесед – высказывания американцев. Таким образом, мы не можем сказать, что чиновники не были заинтересованы в предложениях Арбатова; скорее сам жанр записки «фокусировал» внимание читателей определенным образом.

исчерпывающими: в результате сложной «жизни» записки внутри ЦК КПСС (несколько подобных примеров будет подробно рассмотрено в следующей главе) можно упустить часть важных документов.

И все же, если взять в расчет хотя бы те записки, которые предшествовали заключению договора ОСВ-1 в мае 1972 г. и которые уже удалось найти в архиве, то в наличии окажется десять экспертных и информационных материалов, содержащих аргументы в пользу давления на Никсона через расширение контактов с разными слоями американского общества и ограничения гонки вооружений, отправленные в ЦК КПСС с 1969 г. по 1971 г.. То есть, в среднем Институт США посылал 3,3 записки в год или чуть чаще чем одну записку каждые четыре месяца. К этому давлению через записки следовало бы добавить минимум одну записку за 1968 г. (Арбатов ее упоминает в мемуарах, но ее пока не удалось найти) и неизвестное количество неформальных контактов³⁸⁷, описанных в параграфе 1.5. (их Арбатов также мог использовать для доведения до сведения руководства СССР позиции Института. Напомним, что Арбатов, например, просил у Брежнева аудиенции вслед за отчетом о поездке на сессию международного Института стратегических исследований³⁸⁸).

Такая плотность продвижения дискурса в сочетании с разнообразными риторическими приёмами создает дополнительную степень убедительности. Эксперты пытались «окружить» советское руководство своими дискурсами, отсылающими к авторитету «научной объективности» и «свидетельствам очевидцев». Постоянный поток записок делал сам дискурс более привычным, в некотором смысле его «натурализуя»³⁸⁹, т.е. делая более естественным.

³⁸⁷ Если бы мы могли проанализировать этот дискурс с точки зрения мифа, скорее всего мы бы пришли к заключению о том, что дискурс подкрепляется авторитетом самого Арбатова как «известного эксперта», «бывшего консультанта ЦК КПСС», «своего проверенного человека».

³⁸⁸ Арбатов Г.А. «Положение США и некоторые вопросы нашей политики» 9 октября 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп 62. Д. 695. Л. 40. Л. 37.

³⁸⁹ Барт Р. Мифологии. М., 2014. С. 289-290.

2.5 Способы воздействия на аудиторию США

Как уже говорилось выше, в своей «программной» записке «О некоторых вопросах...» сотрудники Института США рекомендовали усиливать советское влияние на американскую аудиторию³⁹⁰. Однако, несмотря на появление Арбатова на американском телевидении и в прессе, эксперты не имели возможности активно взаимодействовать с американским обществом. Тем не менее, они интересовались восприятием Советского Союза в США. И эта информация также попадала в записки, которые отсылались в ЦК КПСС.

Дискурс о восприятии СССР в США был еще одним способом убеждения, при помощи которого эксперты пытались продвинуть свою идею о расширении американского вектора советской внешней политики в сторону «публичной дипломатии». Чтобы проверить эту гипотезу, необходимо вычленил этот дискурс о восприятии СССР в экспертных записках и проанализировать его.

К примеру, в отчете о поездке в Голландию на сессию Международного института стратегических исследований Арбатов приводил оценку восприятия политики Советского Союза на Западе. Как внешнеполитический эксперт и директор Института США он уделил этому сюжету всего одну страницу, акцентируя внимание на внутренней ситуации в США и советско-американских отношениях. Однако, иностранные докладчики, разумеется, говорили не только о США или советско-американских отношениях в целом. Они также анализировали внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза. Поэтому записка содержала целый раздел, озаглавленный «Оценка СССР и перспектив советской политики». Он начинался с привычного риторического захода, легитимирующего последующую критику:

³⁹⁰ Арбатов Г.А. «О некоторых вопросах нашей политики в отношении США» 6 марта 1970 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д.684. Л. 130.

«Естественно, что по этому вопросу большинство выступающих высказывались с весьма враждебных позиций (советским участникам пришлось давать этим выступлениям должный отпор). Однако, представляется целесообразным изложить суть их высказываний (речь, видимо, идет о позиции, принимаемой на Западе всерьез, в какой-то мере учитываемой при планировании политики)»³⁹¹.

Далее Арбатов, не вдаваясь в подробности, пересказывал основные тезисы докладчиков. «Выступающие признавали», что внешнеполитический курс СССР после 1964 г. «был продуманным и осторожным», однако основные успехи этого курса относятся к 1965-1966 гг., а в 1967 г. начались трудности, поскольку возросли международные обязательства СССР, что привело к перенапряжению ресурсов, а также усилилось воздействие военно-промышленного комплекса на внешнюю политику СССР. Все это привело к усиливающемуся разрыву между внешней политикой, оттягивающей на себя значительные ресурсы, и проблемами внутри страны. Докладчики предсказывали перемены в СССР, «либо эволюционные, либо в виде потрясений»³⁹². Проблемы нехватки ресурсов касается и Торнтон, пересказав американский анекдот: «У нас в США сейчас в ходу такая шутка: лучший способ погубить Советский Союз, — это отдать ему Индию, Африку и другие подобные страны; пусть он надорвется в своих заботах об их содержании. В этой шутке заложен серьезный смысл – наше соперничество, борьба за страны 3-го мира сейчас бессмысленны»³⁹³. Эта критика была замечена советскими партийными чиновниками: она отмечена пятью разными способами (прямой и волнистой линией, вертикальной линией слева и двумя «галочками» на левом поле).

³⁹¹ Арбатов Г.А. «Положение США и некоторые вопросы нашей политики» 9 октября 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп 62. Д. 695. Л. 40.

³⁹² Там же. Л. 40-41.

³⁹³ Там же. Л. 133.

Однако, в этих записках содержатся лишь высказывания отдельных людей. Весной 1971 г. Институт США отправил в ЦК КПСС записку «о некоторых тенденциях в отношении общественного мнения США к СССР»³⁹⁴. В этой длинной записке искановцы предприняли попытку детально проанализировать общие тенденции в восприятии американцами СССР, а затем предложили развернутую характеристику взглядов представителей трех групп населения, «в настроениях которых произошли наиболее значительные сдвиги»: деловые круги, молодёжь и темнокожие американцы.

При анализе общих тенденций сотрудники Института опирались в основном на данные опросов общественного мнения, проведенных Институтом Гэллапа в 1963-1964 гг., и сравнивали их с опросами 1970 г., проведенными Службой Харриса. Эти данные демонстрировали, что за шесть лет увеличилось число американцев, выступавших за расширение контактов с СССР и нормализацию американо-советских отношений.

Ссылаясь на эти данные и на рост экономической и военной мощи СССР и его авторитета в международных делах, эксперты акцентировали внимание на проблемах внутривнутриполитического развития Соединенных Штатов, которые подталкивали американцев к переосмыслению отношений с СССР в условиях роста недоверия к собственному правительству на фоне экономического и социально-политического кризиса, инфляции, безработицы и бедности. Этот поворот к анализу позиции американской общественности через ее собственную повестку развития был важен для разворота советской внешней политики в сторону «публичной дипломатии» и расширения контактов с США. Американисты последовательно разбирали наиболее актуальные для различных групп американского общества проблемы. Выделим основные тезисы этого анализа.

³⁹⁴ Журкин В.В. «Эволюция отношения общественности США к СССР. Некоторые тенденции». 31 мая 1971 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 63. Д. 606. Л. 90-101.

Деловые круги из-за экономического кризиса искали новые направления развития и были обеспокоены крайне низким объемом торговых отношений между СССР и США. В результате три ведущие организации американского бизнеса – Торговая палата США, Национальная ассоциация промышленников и Национальный совет по внешней торговле – высказывались за расширение торговых контактов. В свою очередь, представители и главы крупных компаний начали приезжать в Советский Союз, с целью увидеть его собственными глазами и наладить новые деловые связи.

Для американской молодежи главными темами стали антивоенная борьба и противодействие «американскому империализму» (т.е. вмешательству США в дела других стран в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке) в целом. В связи с этим, по мнению экспертов, американская молодежь начинала выступать и против антикоммунистической политики США. Наибольшую степень неприятия СССР демонстрировала леворадикальная молодежь, которая выступала с позиций троцкизма и маоизма. Тем не менее, в середине 1960-х гг. и это течение стало более умеренным, демонстрируя рост интереса к СССР. В итоге молодежь из числа «новых левых» резко критиковала «антикоммунизм правящих кругов» и даже боролась за организацию выступлений коммунистических спикеров в американских университетах. В записке подчеркивалось: «...хотя общая картина отношения молодежного движения к СССР остается пестрой и неоднозначной, налицо постепенное развитие в нем следующих тенденций: преодоления у части молодежи антисоветских и антикоммунистических предрассудков, роста внимания и интереса к СССР и его опыту»³⁹⁵.

Третьей важной группой, отношение которой к СССР подвергали анализу искановцы, было движение темнокожих американцев за свои

³⁹⁵ Там же. Л. 96.

гражданские права. В записке говорилось, что негритянские организации выступают против расизма, за гражданские и политические права и социальное равенство. В данном контексте социальная повестка СССР, выступление советских представителей против расизма и колониализма, осуждение убийства Мартина Лютера Кинга, поддержка Анжелы Дэвис и Бобби Сила – все это, по мнению экспертов, «способствует формированию благоприятного общественного мнения» в среде афроамериканцев. Они использовали советских представителей в ООН для того, чтобы заявлять о дискриминационной политике в США.

Представленный анализ не сопровождался никакими конкретными рекомендациями. Американисты сами признавали сложность изучения общественного мнения в США: «Данная справка представляет собой лишь первую и весьма несовершенную попытку найти подходы к изучению проблемы отношения общественного мнения США к Советскому Союзу. Систематическое изучение проблемы представляется крайне трудным в связи с хроническим недостатком надежных данных, что во многом заставляет опираться на косвенные и побочные свидетельства»³⁹⁶.

Институт США действительно продолжил заниматься изучением данной проблематики, но перешел к размышлениям над способами решения более прикладной задачи: как оказать влияние на общественное мнение в США?

Советский Союз испытывал определенные трудности с выстраиванием собственного имиджа. К примеру, в 1974 г. «разделяющий марксистскую идеологию» профессор Клермонского колледжа университета Цинциннати Р. Рок делился с сотрудниками Института США своими соображениями о том, что для улучшения советско-американских отношений «особое значение

³⁹⁶ Там же. Л. 100-101.

приобретает преодоление в сознании широких слоев американцев тех предрассудков о советском обществе, которые были порождены холодной войной и которые в настоящее время по-прежнему культивируются правыми силами»³⁹⁷. В частности, Рок выделял стереотип о «закрытости» коммунистической страны для американских туристов. Сравнивая политику КНР и СССР, он приходил к неутешительным выводам: в то время, как китайцы добились успехов в выстраивании туристических программ, превращая американцев в «пропагандистов Китая», советское руководство не могло похвастаться ничем подобным. Напротив, поездки в СССР разочаровывали американских туристов, которые считали их «заорганизованными», перегруженными культурными мероприятиями в ущерб общения с рядовыми людьми. По мнению профессора, «у многих американцев, посещавших СССР, сохраняется определенная база для предрассудков в отношении советского общества, что является негативным фактором восприятия американской общественностью процессов разрядки и развития отношений с СССР»³⁹⁸. Кстати, Арбатов тоже поднимал проблему туризма в СССР в записке А.Н. Косыгину, фокусируясь, правда, не на пропагандистском эффекте туризма, а на его экономических перспективах³⁹⁹.

Проблема воздействия на американскую аудиторию актуализировалась в связи с обменом визитами между президентом США Никсоном летом 1972 г. и генеральным секретарем ЦК КПСС Брежневым летом 1973 г. В июле 1973 г. Арбатов передал Брежневу записку, озаглавленную «Некоторые соображения к визиту в США». По мнению Арбатова, посещение советским лидером Америки открывало возможности для реализации

³⁹⁷ Арбатов Г.А. «Запись беседы с профессора Клермонского колледжа (США) Р. Рока с сотрудниками Института США т.т. Ю.И. Бобраковым и В.Н. Крестьяновым» 2 августа 1974 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 811. Л. 131.

³⁹⁸ Там же. С. 132-133.

³⁹⁹ Арбатов Г.А. «О развитии экспортных отраслей» // РГАНИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 792. Л. 108.

«внешнеполитической программы» Института. Прежде всего они касались налаживания связей с политической и деловой элитой Соединенных Штатов и воздействия на широкую американскую общественность: «Задача визита наряду с решением вопросов непосредственно в официальных переговорах с Никсоном заключается, видимо, в том, чтобы содействовать благоприятным для нас сдвигам в настроениях деловых кругов, конгресса и широкой общественности США»⁴⁰⁰.

Арбатов делал особый акцент на том, что встречи с представителями бизнеса и конгресса, выступления на телевидении требуют необходимой подготовки, так как «сейчас это уже не “довесок” к официальным переговорам, а почти равнозначная с ними часть визита». Он призывал Брежнева говорить по существу, «отвечать на вопросы, действительно волнующие аудиторию, а не быть формальностью, протокольной “гладкописью”»⁴⁰¹. То есть речь шла о необходимости брать в расчет повестку развития самих американцев, чтобы разговаривать с ними на их языке. Например, Арбатов объяснял, как следует парировать замечание противников сближения с СССР о том, что он стремится к разрядке, поскольку зашел в экономический тупик и ищет из него выход с помощью кредитов, товаров и технологий из-за границы. Арбатов предлагал Брежневу акцентировать внимание на общих для обеих стран политических и экономических выгодах от сотрудничества. Во-первых, расширение экономических связей будет способствовать закреплению разрядки, что позволит «укрепить мир и отвести угрозу войны (об этой угрозе, м.б., тоже не постесняться сказать ярче и подробнее)»⁴⁰². Во-вторых, это даст возможность сосредоточиться на решении внутренних проблем: «Подействует на американцев при сегодняшних

⁴⁰⁰ Арбатов Г.А. «Некоторые соображения к визиту в США» // РГАНИ Ф. 50. Оп. 1. Д. 802. Л. 84.

⁴⁰¹ Там же. Л. 85.

⁴⁰² Там же. Л. 86-87.

настроениях и тот тезис, что нормализация советско-американских отношений поможет обеим странам сосредоточить больше сил, средств и ресурсов на решении внутренних дел...»⁴⁰³.

Для усиления эффекта Арбатов предлагал Брежневу во время выступлений перед представителями бизнеса или широкой общественностью наглядно обрисовать советские и, что еще важнее, американские проблемы. Сделать это можно было, например, таким образом: «Есть у нас проблемы, как и у каждой страны, включая США. Не знаю, у кого труднее – во всяком случае, пожалуй, не поменялся бы с теми, кто руководит американской экономикой, сталкиваясь с проблемами инфляции, безработицы, платежного баланса, трудностей на мировых рынках и т.д. (Это наверняка встретила бы любая аудитория хорошо, с оживлением и пониманием)»⁴⁰⁴.

По мнению Арбатова, существовало немало других вопросов, но отталкиваться всегда следовало от собственных представлений американцев, даже от таких их «общих заблуждений» как «наивная уверенность в праве вмешиваться во внутренние дела других стран»⁴⁰⁵.

Таким образом, для качественно нового взаимодействия с американским обществом следовало учитывать внутривнутриполитическую ситуацию в самих США, представления американцев о мире и о себе, а также особенности американской аудитории: «Она высоко ценит юмор, ценит прямой разговор, сладкая дипломатическая вежливость, общие места, сюсюканье для нее не подходят; <...> Важно для них человеческое, эмоциональное начало. Лидер (свой или иностранный), у которого они не увидят человеческих черт, не узнают о его любимых занятиях, доме и т.д. – никогда популярности там не завоеует, какими бы не были его дела»⁴⁰⁶.

⁴⁰³ Там же. Л. 87.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 88.

⁴⁰⁶ Там же.

Кроме того, Арбатов предлагал «найти общий язык с прессой и телевидением»: уделять им внимание, находить возможность поговорить, «не держать на “голодном пайке”». Лучше всего было бы спланировать целую кампанию: дать несколько интервью до поездки, несколько пресс-конференций во время визита и пару интервью уже в Москве – «важно исходить из одного – эффективности ради успеха визита Генсека, отбросив все остальные соображения второстепенного характера»⁴⁰⁷.

Данная записка заслуживает особого внимания, поскольку визит – это не только важное политическое и дипломатическое событие, но и важное событие для конструирования образов Себя и Другого. Во время визитов соприкасающиеся общества пристально всматриваются друг в друга, будто находясь на выставке или ярмарке⁴⁰⁸. Визит Брежнева в США стал вторым визитом генерального секретаря ЦК КПСС за океан после визита Н.С. Хрущева в сентябре 1959 г.⁴⁰⁹ Арбатов в данном случае выступал как «имиджмейкер» Брежнева, стремясь обучить его навыкам публичной дипломатии и национального брендинга. В данном контексте экспертный дискурс записок становился имагологическим не только потому, что посредством него формировался особый академический образ США, но и в смысле «прикладной имагологии»: эксперты продвигали на уровень власти идею о необходимости конструирования собственного внешнеполитического образа.

Можно предположить, что визит Хрущева стал прецедентным для подготовки этой записки. Сам Никита Сергеевич, отстраненный от власти, был

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Классическое концептуальное осмысление визита с точки зрения конструирования идентичности предложил Тимоти Митчелл: Mitchell T. *Colonizing Egypt*. Berkley, 1991. P. 1-34.

⁴⁰⁹ Восприятию визита Н.С. Хрущева в США автор посвятил магистерскую диссертацию: Tarbeev I.M. *American Society through One Event: Khrushchev's Visit to the United States in September 1959*. Saint-Peterburg, 2017 // URL: https://www.academia.edu/115176278/American_Society_through_One_Event_Khrushchevs_Visit_to_the_United_States_in_September_1959 (дата обращения 20.02.2024)

упомянут в записке лишь раз и то в негативном ключе: рассуждая о риторике американских антисоветчиков, Арбатов писал, что «неудачные слова Хрущева» о планах «похоронить США» в Америке помнят «достаточно хорошо»⁴¹⁰. Тем не менее, Арбатов предлагал Брежневу вести себя практически так же, как вел себя Хрущев: говорить прямо и открыто, не использовать выхолощенные дипломатические формулировки, «не лезть за словом в карман», и, по примеру Никиты Сергеевича, активно общаться с разными слоями американского общества, превратив это общение в важнейшую часть визита. Визит должен был стать значимым для конструирования идентичности советского общества и образа американского Другого: по итогам визита Хрущева в США была написана книга «Лицом к лицу с Америкой». В ней советские журналисты и пропагандисты во главе с зятем Хрущева А.И. Аджубеем делали особый акцент на встречах с простыми американцами и на том, как пресса США освящала визит Хрущева (разумеется, были подобраны положительные отзывы и комментарии). Большое место отводилось вклейкам с фотографиями, которые были посвящены в первую очередь самим американцам. На них толпы людей встречают Хрущева на улицах, машут руками, фотографируются, позируют с плакатами. В конце книги содержался целый раздел с адресованными ему письмами простых американцев⁴¹¹. В другой публицистической книге подчеркивался миротворческий и глобальный характер визита Хрущева: в ней были опубликованы тексты выступлений Хрущева, речи американских политиков и общественных деятелей, материалы пресс-конференций,

⁴¹⁰ Арбатов Г.А. «Некоторые соображения к визиту в США» // РГАНИ Ф. 50. Оп. 1. Д. 802. Л. 86.

⁴¹¹ Лицом к лицу с Америкой: рассказ о поездке Н.С. Хрущев в США 15-27 сентября 1959 г. М., 1960. С. 526-672.

радиограммы лидерам стран, над которыми Хрущев пролетал по пути в США, и ответы на них и т.д.⁴¹²

Однако, Брежнев был совершенно не похож на Хрущева. В день получения записки Леонид Ильич принял Арбатова в Кремле и в оставшееся до визита время они интенсивно работали вместе⁴¹³. Георгий Аркадьевич был в итоге включен в состав делегации в США⁴¹⁴. Однако, решение оказалось по-брежневски половинчатым: в программу визита включили большое выступление на телевидении и встречу с представителями деловых кругов США. Но большая часть времени была посвящена официальным переговорам с Никсоном. Публичная дипломатия так и не стала важной частью визита. Акцент делался на развитии личных отношений с президентом США: важными эпизодами была поездка на подаренном Никсоном «Линкольне-Континенталь», подписание ряда соглашений (в том числе в области торговли, о чем сотрудники Института США так же писали Брежневу и Косыгину⁴¹⁵). По итогам поездки предприняли попытку снять документальный фильм «Во имя мира на земле», очевидно воспроизводя ту практику, которая сложилась после визита Хрущева. Советские пропагандисты старались зафиксировать важность американского вояжа Брежнева для истории, показывая его выступления перед американской аудиторией, колонны встречающих его американцев и т.д. Однако, по-видимому, фильм так и остался незавершенным и существует лишь в виде хроники, на которой отсутствует какая-либо аудиодорожка⁴¹⁶.

⁴¹² Жить в мире и дружбе: пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в США 15-27 сентября 1959 г. М., 1959.

⁴¹³ Леонид Брежнев: Рабочие и дневниковые записи. В 3-х томах. Том 2: Записи секретарей Приемной Л.И. Брежнева 1965-1985 гг. М. 2016. С. 597-598.

⁴¹⁴ РГАНИ Ф. 50. Оп. 1. Д. 802. Л. 93-94.

⁴¹⁵ РГАНИ Ф. 50. Оп. 1. Д. 792. Л. 97-108.

⁴¹⁶ По крайней мере в таком виде ее выложила в интернет Центральная студия документальных фильмов (ЦСДФ): Во имя мира на земле (Визит Л. И. Брежнева в США), 1973. URL: <https://www.net-film.ru/film-7309> (дата обращения: 20.05.2024). Другие документальные фильмы этой студии, к примеру, фильм о поездке Хрущева в США, выложен с оригинальным аудиорядом: Визит Н. С. Хрущева в США (1959). URL:

Этот визит – полная противоположность визиту Хрущева, в результате которого никакие договоренности достигнуты не были, зато Никита Сергеевич проехал по всей Америке подобно кандидату в президенты, вызвав восторг у многих американцев, выразившийся во множестве репортажей, фотографий и в огромном потоке писем, отправленных на имя советского лидера⁴¹⁷. Никакого подобного эффекта визит Брежнева не вызвал.

Можно предположить, что именно в этом кроется главная проблема всех внешнеполитических рекомендаций Института США и его «внешнеполитической программы». Рассматривая особенности американской аудитории и политической системы, борясь с традиционными принципами построения советской внешней политики в отношении США, искановцы высвечивали как «инаковость» американского Другого, так и характерные черты собственной политической культуры. Предлагая учитывать первое, они претендовали на корректировку второго. Эти новаторские предложения внимательно рассматривались и, по выражению тех лет, аккуратно «заматывались»⁴¹⁸ внутри ЦК КПСС.

Советская политическая культура опиралась на собственный опыт. Длительные «правления» лидеров во всех социалистических странах определяли поведение вождей. Внешняя политика СССР не включала в себя активную публичную дипломатию, с помощью которой политики могли бы взаимодействовать с различными представителями американского общества. Конечно, после подписания соглашения Лейси-Зарубина развивались научные

<https://www.net-film.ru/film-5084/?search=q%D0%A5%D1%80%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B2%20%D0%B2%20%D0%A1%D0%A8%D0%90> (дата обращения: 20.05.2024)

⁴¹⁷ О письмах американцев Хрущеву см., например: Аванская В.А. Карибский кризис в эмоциональных репрезентациях американцев (на примере писем американских граждан Н.С. Хрущеву) // Россия и современный мир. №2 (119). 2023. С. 41-52.

⁴¹⁸ Берков А. А назавтра была война: автобиография на фоне исторических событий. // Обозреватель - Observer. 2007. №10. С. 125.

и культурные обмены, но расширения советской внешней политики, вовлечения новых акторов в двусторонние отношения так и не произошло.

Отношения во многом опирались на личные связи⁴¹⁹. Брежнев сделал личные связи и коллективное управление основой своей системы, постоянно обзванивал своих коллег, встречался с ними в неформальной обстановке, рассылал документы широкому кругу лиц, чтобы учесть мнение каждого⁴²⁰. Однако, как показывают исследования, все это касалось исключительно личных отношений самого Брежнева с лидерами других стран и партийными чиновниками. Не доверяя дипломатам, Брежнев стремился создать новую «Большую четверку» из Брандта, Помпиду и Никсона при помощи личного обаяния, создания «тайных каналов» для откровенного обмена информацией и мнениями, общения тет-а-тет. Все это привело к большим внешнеполитическим успехам, но стало приходить в упадок в 1974 г., когда Брандт ушел в отставку, Помпиду умер, а Никсону пришлось досрочно покинуть президентский пост из-за Уотергейтского скандала⁴²¹. У самого Брежнева в конце 1974 г. случился удар, от которого он так окончательно и не оправился, а потому больше не мог настолько эффективно выстраивать новые личные контакты.

Идеи специалистов из Института США требовали пересмотра устоявшихся принципов и практик: отход от «президентоцентризма», поскольку было не так уж и важно, кто станет президентом после выборов; мысль о том, что на президента можно оказывать давление через советское влияние на оппозицию, бизнес, интеллектуалов, широкую общественность;

⁴¹⁹ Шаттенберг С. «Разговор глухонемых»? Культура хрущевской внешней политики и визит канцлера Аденауэра в Москву в 1955 году // Новое литературное обозрение. № 6. 2009. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/razgovor-gluhonemyh-kultura-hrushhevskoj-vneshnej-politiki-i-vizit-kanczlera-adenauera-v-moskvu-v-1955-godu.html> (дата обращения: 31.01.2024).

⁴²⁰ Шаттенберг С. Леонид Брежнев: Величие и трагедия человека и страны. С. 273-324.

⁴²¹ Об особенностях дипломатии Л.И. Брежнева и распаде новой «Большой четверки» см.: Шаттенберг С. Леонид Брежнев: Величие и трагедия человека и страны. С. 458-509.

апелляция к особенностям американской аудитории при контактах с ней – все эти рекомендации вызывали интерес среди советских чиновников (что очевидно по обилию отметок). Но у них не было опыта для реализации подобной программы. Если Хрущев (как в последующем Горбачев) обладал личными качествами, которые он активно использовал, пытаясь «авторитарно модернизировать» собственную систему⁴²², обращаясь к американцам напрямую и бойко выступая перед любыми аудиториями даже с балкона собственного отеля, то брежневскую элиту формировали уже совершенно другие люди.

В результате советское руководство реализовывало в основном те рекомендации американистов, которые не требовали изменений поведения, а являлись логическими продолжениями известных политических практик. Например, в параграфе 2.3. было продемонстрировано, как эксперты пытались оказать влияние на заключение соглашений по ограничению вооружений. И такие соглашения действительно были заключены. В 1972–1973 гг. эксперты стремились продемонстрировать выгоды от развития экономических и торговых отношений с Америкой. Во время визита Брежнева в США ряд договоренностей действительно был подписан. Но эти шаги не предполагали пересмотра традиционных практик советской внешней политики или расширения ее арсенала за счет выстраивания долговременных связей с разными частями американского общества и публичной дипломатии. Советское руководство в любом случае стремилось договориться с Соединенными Штатами о сокращении ядерных вооружений, переговоры об этом уже шли. Однако аргументы американистов помогали преодолеть существовавшие сомнения и скептицизм. То же самое можно сказать и о рекомендациях по расширению экспорта, коррелировавшими с общими

⁴²² Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформы Госпалана СССР, нефтехимический проект и вызовы Холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). С 12–30.

установками правительства. В обоих случаях соглашения предполагали именно личные договоренности Брежнева и Никсона, переговоры советских и американских чиновников на высшем уровне.

В противоположность этому, основные положения «программы публичной дипломатии» Института США так и не были реализованы: ни заметных контактов с американскими бизнесменами, ни долгосрочных связей с Конгрессом и американской оппозицией, ни постоянных интервью советских чиновников и выступлений перед американской публикой. Перефразируя слова из записки Арбатова, сделать советскую политику политикой «в отношении Америки, а не к Никсону, чтобы все результаты гляделись не как соглашения с Никсоном, а как крупные, долговременные дела с Америкой»⁴²³ так и не удалось.

Подводя итоги второй главы, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, реализуя государственное задание «по выработке практических выводов и рекомендаций к осуществлению внешнеполитических акций СССР в области советско-американских отношений»⁴²⁴,iskanovцы направляли в ЦК КПСС большое количество экспертных записок. Изучение этих материалов позволяет говорить о существовании «внешнеполитической программы» Института США и Канады.

Эксперты предлагали скорректировать американский вектор советской внешней политики, используя внутривнутриполитический контекст США для давления на президента и выстраивая долгосрочные и прагматичные отношения с разными слоями американской элиты и общества. Это должно

⁴²³ Арбатов Г.А. «Некоторые соображения к визиту в США» // РГАНИ Ф. 50. Оп. 1. Д. 802. Л. 84.

⁴²⁴ Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записки и протоколы заседаний. 1968 г. / Под ред. А.Н Артизова, И.А. Пермякова, А.В. Юрасова; сост. М.Ю Прозуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М., 2021. С.556-557.

было способствовать реализации внешнеполитических целей СССР, например, ускорению переговорного процесса в области ограничения вооружений и налаживанию более тесных отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом в контексте «треугольника» СССР-КНР-США.

Во-вторых, в рамках реализации этой программы предлагалось расширять контакты с Конгрессом, представителями бизнеса и академической среды, профсоюзами, а также усиливать воздействие на молодежь, общественные движения и разные этнические группы американского общества. Подобные рекомендации актуализировали вопрос о развитии не только официальных контактов между советскими и американскими ведомствами, но и публичной дипломатии. Эксперты-американисты предлагали советским лидерам чаще выступать на публике; разъяснять свою позицию в интервью американским журналистам; говорить проще и принимать во внимание американский внутривнутриполитический контекст. Все это, по их мнению, позволило бы изменить общественное мнение в США в пользу СССР. Сотрудники Института сами активно выстраивали контакты с американскими чиновниками, журналистами, бизнесменами и общественными деятелями как во время поездок в США, так и во время визитов последних в Москву.

В-третьих, для убеждения партийных чиновников в перспективности своих рекомендаций, инкановцы использовали различные приемы. Важнейшим из них была апелляция к мнению самих американцев, с которыми эксперты вели продолжительные беседы в Институте США и Канады. Американисты превращали записи этих разговоров в записки для ЦК КПСС, которые, в сочетании с экспертными материалами, создавали дополнительную степень убедительности, поскольку американцы подтверждали наблюдения и выводы сотрудников Института. Продвигая свою «внешнеполитическую программу», эксперты отправляли в ЦК КПСС большое количество

экспертных записок, посвященных одной проблематике, но содержащих разные аргументы, таким образом создавая «кумулятивный эффект».

В-четвертых, записки экспертов и записи бесед с американцами вызывали большой интерес у партийных чиновников, однако многие рекомендации так и остались нереализованными. Проведенное исследование демонстрирует, что во внимание принимались прежде всего те рекомендации, которые соответствовали собственным представлениям и стремлениям советских лидеров и не требовали серьезного изменения устоявшихся подходов к выстраиванию внешней политики СССР.

Глава 3. Трансфер американских идей в СССР

3.1. Образ США в контексте советской модернизации

Советское руководство рассматривало «мозговые центры», такие как Институт США, не только как экспертные организации, но и как важные каналы для получения информации об американском Другом⁴²⁵. Ученые-американисты постоянно контактировали с американцами. Сотрудники Института ездили в многомесячные командировки в Америку, где общались с учеными, политиками, бизнесменами и общественными деятелями; а известные американцы, которые приезжали в Советский Союз, часто посещали Институт США. С одной стороны, эти разговоры способствовали лучшему пониманию внутривнутриполитической обстановки в США и в СССР, а также советско-американских отношений в целом (эти аспекты записок были рассмотрены в предыдущей главе). С другой стороны, они были важнейшим источником информации о новейших американских практиках управления, экономических проектах и внедрении достижений научно-технического прогресса. Изучение этого опыта представлялось особенно важной задачей в условиях проходивших в Советском Союзе экономических реформ и поисков новых путей управления социалистической экономикой. Начатая в 1965 г. председателем Совета министров А.Н. Косыгиным реформа, которая в свою очередь наследовала реформаторский импульс второй половины 1950-х – начала 1960-х гг., в начале дала многообещающие результаты и сделала восьмью пятилетку успешной настолько, что она получила неофициальное название «золотой». В основе реформы лежала идея децентрализации: переход

⁴²⁵ Об этом подробнее см.: Тарбеев И.М. Экспертно-академическая американистика в системе советской внешнеполитической экспертизы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2020. №2. С. 10–21.

на самостоятельное «хозрасчетное» планирование, попытка стимулирования производительности труда за счет поощряемой инициативы снизу – т.е. внедрение новых подходов к управлению производством. К началу 1970-х гг. реформа была фактически свернута по политическим и экономическим причинам.

К политическим причинам в первую очередь относятся тяжелые личные взаимоотношения (и даже неприязнь) между Брежневым и Косыгиным. Косыгин не был частью брежневской команды и стал заместителем председателя Совета министров в 1957 г., еще когда должность председателя занимал Н.А. Булганин. Как и в случае с внешней политикой, Брежнев стремился понемногу оттеснить Косыгина от возможного главенства над страной. Эта внутрипартийная борьба закончилась только в 1977 г., когда была принята новая Конституция. В ней, во-первых, закреплялась «руководящая и направляющая роль партии», а во-вторых, усиливался принцип коллегиальности в Совете Министров СССР, что также подрывало позиции Косыгина⁴²⁶. К экономическим проблемам реформы относят прежде всего невозможность реальной самостоятельности предприятий в условиях государственного распределения, подтасовку показателей эффективности и саму структуру экономики как «единой фабрики»⁴²⁷.

Однако реформаторский импульс сохранялся в течение всех 1970-х гг. Советская экономика сталкивалась как с новыми вызовами, порожденными научно-технической революцией, так и со старыми проблемами, связанными, например, со спадом производительности труда. Это не позволяло советскому руководству полностью остановить поиск новых подходов к стимулированию экономики. Арбатов позже писал об этом так: «Наряду с политикой и

⁴²⁶ О борьбе Брежнева и Косыгина см.: Шубин А.В. Указ. соч. С. 139-141; Шаттенберг С. Леонид Брежнев: Величие и трагедия человека и страны. С. 362-378.

⁴²⁷ См. подробнее: Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / Под науч. ред. Р.М. Нуреев. М., 2017. С. 119-170; Шубин А.В. Указ. соч. С. 96-97.

идеологией у института были и другие важные направления работы. В начале семидесятых годов становились все более очевидными симптомы застойных тенденций в нашем хозяйственном развитии. Импульс, который дала экономике реформа 1965 года, быстро исчерпал себя из-за непоследовательности её инициаторов, глухого сопротивления бюрократии. Все возвращалось на круги своя, притом в новой обстановке, когда в мире развертывалась научно-техническая революция. Становилось ясно, что страна не просто сдает позиции в каких-то областях — реальной стала угроза общего отставания»⁴²⁸.

Несмотря на то, что взгляды Арбатова и других «марксистов с ревизионистским душком»⁴²⁹ плохо изучены, можно уверенно утверждать, что директор Института США был сторонником экономических реформ, активного внедрения новых практик и достижений научно-технической революции в управлении — т.е. сторонником модернизации советской экономики. В историографии также можно встретить подтверждения этому, хотя и не слишком надежные. К примеру, историк-публицист Е.Ю. Спицын утверждает, что Арбатов был активным сторонником системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ), которая являлась альтернативой либермановской экономической реформы⁴³⁰. Несмотря на то, что этот тезис разошелся по популярным сайтам, Спицын не предоставил никаких реальных доказательств данного утверждения. Единственный источник, который удалось найти, это воспоминания В.С. Глаголева, бывшего главного редактора журнала «Плановое хозяйство». Однако он, в свою очередь, опирался на частный разговор с заместителем главного редактора «Правды» В.Г.

⁴²⁸ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 105-106.

⁴²⁹ Бовин А.Е. Указ. соч. С. 103.

⁴³⁰ Е. Спицын высказывал это в передаче «Тайны СССР. Кто стоял за Косыгинской реформой. Евгений Спицын». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kTrQGPAOmtw> (дата обращения: 25.04.2021). Публикаций, посвященных этой теме, у Е. Спицына пока нет.

Афанасьевым⁴³¹. К сожалению, эту информацию никак нельзя верифицировать. Другие историки высказывают мнение, что СОФЭ вообще являлась скорее дополнением, а не альтернативой экономической реформе⁴³². Этот взгляд кажется значительно более обоснованным: СОФЭ предполагал активное внедрение ЭВМ в процесс централизованного управления экономикой. Эта идея была частично реализована: в рамках создания Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС) была создана Автоматизированная система плановых расчетов Госплана, которая успешно функционировала до самого конца советской власти⁴³³.

Тем не менее, эксперты из Института США и Канады придавали большое значение американскому опыту в области модернизации и считали возможным использовать его для решения экономических проблем Советского Союза. Л.И. Евенко, пришедший в институт из экономической кибернетики и в 1976 г. ставший заведующим отделом систем управления ИСКАНа, вспоминает, что директор любил повторять: «Мы не Институт США, мы Институт СССР»⁴³⁴. Сам Арбатов, отмечая заслуги своего заместителя по экономическим исследованиям Е.С. Шершнева, подчеркивал значимость изучения американского опыта модернизации: «Первым среди вопросов, имевших тогда, да пожалуй, имеющих и сейчас большое практическое значение я бы назвал вопрос о происходящей научно-технической революции, в которой США вырвались далеко вперед, даже в сравнении с Западной Европой, и таком ее ключевом звене, как радикальное

⁴³¹ Глаголев В.С. Афера с СОФЭ: История одной экономической дискуссии. URL:

http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/62005/sofe.htm (дата обращения: 25.04.2021).

⁴³² Упущенный шанс или Последний клапан? / Под науч. ред. Р.М. Нуреева. М., 2017. С. 112-115.

⁴³³ О компьютеризации советской экономики и ее препятствиях см.: Сафронов А.В. Бюрократические и технологические ограничения компьютеризации планирования в СССР // Экономическая политика. 2022. Т. 17. № 2. С. 120-145.

⁴³⁴ Евенко Л.И. Георгий Арбатов – человек эпохи // Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. С. 173.

совершенствование управления на основе системного анализа, новейших достижений информационной техники и теории и других. Уже в самые первые годы существования Института, мы ощутили потребность в том, что необходимо что-то делать практически, помогать создавать новые системы управления в нашем народном хозяйстве»⁴³⁵.

Как будет продемонстрировано в третьей главе, американисты последовательно продвигали идеи модернизации советской экономической системы и, в частности, идеи внедрения компьютеров в процесс управления производством и коммуникации между экономическими акторами. Одним из источников идей модернизации, как и в прошлом⁴³⁶, становились Соединенные Штаты Америки.

В данном исследовании идея о том, что американский опыт воспринимался в СССР как референтный, обозначается с помощью термина «американский учитель». В отечественной и зарубежной историографии существует немало работ, посвященных образам США как учителя и России как ученика. Эти образы существовали по обе стороны Атлантики в разные исторические периоды и продолжают существовать до сих пор. Однако, какого-то единого термина для описания этих образов так и не появилось. Исследователи модернизации и экономического развития СССР порой используют не слишком удачный термин «американизм»⁴³⁷, однако, он не встречается в работах социальных конструктивистов и историков культуры.

Образ «американского учителя» всегда актуализировался в условиях экономической модернизации в России (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия). Еще в начале XX в. техническое и торговое

⁴³⁵ Памяти ученого и организатора науки // Российское предпринимательство. 2004. Том 5. № 2. С. 89.

⁴³⁶ Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев. М., 2021. С. 53-78.

⁴³⁷ См. например: Roger H. Americanism and the Economic Development of Russia // Comparative Studies in Sociology and History. 1981. Vol. 23. Issue. 3. p. 382–420; Шаттенберг С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М., 2011 г. С. 260–294.

сотрудничество воспринималось как инструмент сближения двух стран. В этих отношениях Россия неизбежно играла роль ученика. Ярким выразителем этой позиции стал И.Х. Озеров, один из председателей созданной в 1913 г. Русско-американской торговой палаты. Озеров написал книгу «Чему нас учит Америка?», в которой подчеркивал значение новаторства и инициативности американцев для экономического развития США. По мнению Озерова, именно этому следует учиться у них русским. Экономист, ученый-ихтиолог и общественный деятель Н.А. Бородин высказывал похожие мысли, обращая внимание на то, что России необходимо учиться у Америки эффективной экономической политике⁴³⁸.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. происходила реактуализация образа «американского учителя» в контексте проходящей в СССР индустриализации. Для советских инженеров американский опыт стал референтным: центр автомобилестроения в Нижнем Новгороде называли «советским Детройтом», металлургические комбинаты в Магнитогорске и Кузнецке стремились обогнать «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», а высокие темпы производства называли «сверхамериканскими». Советские инженеры подражали даже внешнему виду американских специалистов, а слово «американец» стало синонимом слова «инженер»⁴³⁹. Анастас Микоян в 1936 году посетил США, чтобы изучить американский опыт в сфере пищевой промышленности. В результате этого в Советском Союзе изменились и пищевая промышленность и социальные практики в сфере питания, появились советские консервы и книга «О вкусной и здоровой пище»⁴⁴⁰.

⁴³⁸ Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881-1914 г. С. 944-949.

⁴³⁹ Шаттенберг С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. С. 260–294.

⁴⁴⁰ Попова О.Д. «Книга о вкусной и здоровой пище» в системе формирования новых социальных практик питания в 1920-30-е гг. // История: факты и символы. 2020. №4 (25). С. 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-o-vkusnoy-i-zdorovoy-pische-v-sisteme-formirovaniya-novyh-sotsialnyh-praktik-pitaniya-v-1920-30-e-gody> (дата обращения: 09.07.2021).

Образ «американского учителя» вновь актуализировался в середине 1950-х гг. во время хрущевской оттепели. Выдвинутый Хрущевым лозунг «догнать и перегнать Америку» предполагал и заимствование американского опыта и технологий. Наиболее ярко это выразилось в заимствовании американского опыта выращивания кукурузы и в личных отношениях Хрущева со знаменитым фермером-миллионером из Айовы Р. Гарстом. Советский Союз пытался выращивать американскую сельскохозяйственную культуру советскими методами. Во время поездки по США лидер СССР посетил ферму Гарста. Фермер провел для него подробную экскурсию и рассказал об особенностях технологических процессов. В книге «Лицом к лицу с Америкой», написанной группой журналистов после поездки Хрущева в США, Гарст характеризовался как новатор, внедряющий «новую технику и новейшие методы работы»⁴⁴¹.

Таким образом, к 1969 г. образ «американского учителя» существовал в России уже больше полувека. В контексте разрядки международных отношений и советской экономической реформы он актуализировался с новой силой, а экономический опыт США вновь стал референтным. Именно это позволяло советским американистам изучать управленческий опыт другой сверхдержавы и принимать активное участие в трансфере идей из США в СССР.

В третьей главе совмещаются подходы теоретиков культурного трансфера⁴⁴² и исследователей культурных контактов эпоху Холодной войны⁴⁴³. Теория культурного трансфера позволяет выбрать несколько

⁴⁴¹ Аджубей А. и др. Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. 15-27 сентября 1959 года. М., 1960. С. 338. О визите Хрущева в Айову см. так же: Журавлева В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2013. №21 (122). С. 132-143.

⁴⁴² Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М., 2018.

⁴⁴³ См., например: Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe / Ed. by S. Mikkonen, P. Koivunen. N.Y., 2015; Kochetkova E. The Soviet Forestry Industry in the 1950s and 1960s: A Project of Modernization and

записок в качестве кейсов, с помощью которых можно проследить процесс трансфера американских идей внутрь советского общества. На основе дискурс-анализа будет исследован репертуар этих идей с учетом внутренней и внешней повестки советского общества и концепции проницаемости «железного занавеса». На основе изучения избранных кейсов можно выявить неофициальные каналы трансфера идей сквозь «занавес» на различных уровнях. Исследование «жизни»⁴⁴⁴ текста внутри советского партийного аппарата позволит лучше понять механизм функционирования этих каналов трансфера и проследить, что «происходит с идеями в советском контексте»⁴⁴⁵: как идеи воспринимаются, с кем они обсуждаются, как они используются в практической деятельности. В рамках *case-study* можно изучить трансфер нескольких идей от начала до конца, рассмотрев содержание, «повестку дня» и механизм трансфера от попадания идеи в советский контекст до момента ее полной «абсорбции».

В качестве кейсов для исследования были выбраны две записки, которые Институт США отправил в ЦК КПСС. Обе интересны реакцией, которую они вызвали у читателей. Партийные работники направляли этот документ в разные отделы ЦК, оставляли комментарии и отметки, что позволяет подробнее изучить процесс трансфера идей: какие идеи передавались, какое влияние на эти идеи оказывал сам процесс трансфера; как эти идеи воспринимались внутри советского партийного аппарата.

Technology Transfer from Finland. Helsinki, 2017; Music, Art and Diplomacy: East-West Cultural Interactions and the Cold War / Ed. by S. Mikkonen & P. Suutari. L., 2016.

⁴⁴⁴ Verdery K. My Life as a Spy: Investigations in a Secret Police File. Durham, 2018. 344 p.

⁴⁴⁵ Эспань М. Указ. соч. С. 47.

3.2. «Неудавшийся трансфер»: американский бизнесмен в СССР

В качестве первого кейса будет выступать уже упоминавшаяся здесь записка о поездке Чарльза Торнтон в СССР летом 1969 г.

Торнтон был известным американским управленцем и предпринимателем. Во время Второй мировой войны он служил в статистическом отделе ВВС США и стал известен как специалист в области управления и организации производства. В 1945 г. Торнтон ушел в «Форд Мотор Компани», забрав с собой группу своих подчиненных, которую впоследствии называли “Whiz Kids” (можно перевести как «Вундеркинды» – *И.Т.*). Из этой группы вышли многие известные управленцы: например, будущий финансовый директор компании «Форд» Э. Ланди, будущий президент «Форда» и декан Стэнфордской высшей школы бизнеса А. Миллер, будущий министр обороны США и президент Всемирного банка Р. Макнамара. В начале 1950-х гг. Торнтон основал свою компанию «Электро-Дайнемикс», которая потом купила фирму «Литтон». К концу 1960-х гг. Торнтон превратил «Литтон» в огромный промышленный конгломерат, работающий, среди прочего, с военными и космическими заказами.

В начале 1969 г. Торнтон обратился в Институт США с просьбой пригласить его в СССР⁴⁴⁶. Связи Торнтон с новой администрацией (т.е. с администрацией Р. Никона, вступившего в должность в январе 1969 г.), его управленческий опыт и известность в деловых кругах позволили решить вопрос с приглашением быстро. В итоге Торнтон приехал в СССР 30 июля и, проведя в стране 11 дней, покинул ее 9 августа. Он побывал в Академии наук, встретился с советскими министрами, посетил заводы «Светлана» и «Электросила» в Ленинграде, а также посмотрел на строительство автомобильного завода в Тольятти. Судя по всему, сотрудники Института

⁴⁴⁶ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 122.

США сопровождали Торнтон в его поездке по стране: в записке приводится высказывание американца, сделанное им «в связи с осмотром Волжского автозавода»⁴⁴⁷.

Информационная записка о пребывании Торнтон в СССР состоит из трех частей:

1) Доклад о поездке, в котором Арбатов пересказал впечатления Торнтон, его взгляд на советско-американские отношения, предложения сотрудничества. Кроме того, Арбатов дал собственную оценку визиту Торнтон. Доклад занимает 6 страниц и представляет собой основную часть записки. Остальные части оформлены как приложения.

2) Приложение 1. Справка о Ч. Торнтоне, содержащая его краткую биографию, политические взгляды, связи в политических и деловых кругах, историю фирмы «Литтон Индастриз» (2 страницы).

3) Приложение 2. Выдержки из беседы с Ч. Торнтоном. В этом приложении высказывания Торнтон даются в виде прямой речи. Они разбиты по темам: «Впечатления о поездке в СССР»; «О советско-американских отношениях» и «О принципах управления в компании Литтон Индастриз». Это самая длинная часть записки, состоящая из 14 страниц.

Записка содержит большое количество отметок читателей: разные вертикальные линии, отмечающие абзацы; подчеркивания строк прямыми и волнистыми линиями; галочки на полях. Таким образом было отмечено более 70 фрагментов текста. О читателях можно судить по приложенному в ЦК КПСС распоряжению ознакомить секретарей с запиской Института США. Среди читателей указаны: секретарь ЦК Д.Ф. Устинов, заведующий Международным отделом Б.Н. Пономарев, заведующий отделом оборонной промышленности И.Д. Сербин и его заместитель В.И. Козлов, помощник

⁴⁴⁷ Там же. Л. 131.

Брежнева В.А. Голиков; сотрудники ЦК Макаров, Шилин и Зверев, чьи должности установить не удалось. Имеются так же неразборчивые подписи. К сожалению, нет никакой возможности точно соотнести отметки с читателями, поскольку на страницах записки отсутствуют подписи, которые позволили бы установить, кому конкретно принадлежит тот или иной карандаш. Однако очевидно, что записку прочитали по меньшей мере десять высших партийных чиновников, среди которых секретари ЦК и заведующие разных отделов.

В самом начале записки Арбатов, пересказывая слова Торнтон, обозначил две главные цели поездки американского предпринимателя в СССР: 1) знакомство со страной, формирование собственного образа СССР; 2) «выяснение возможных областей сотрудничества с СССР, в которых могла бы принять участие его компания»⁴⁴⁸. Эти цели формируют два важных дискурса, которые проходят сквозь всю записку и в разной степени интересуют советских чиновников: дискурс о восприятии Советского Союза и дискурс о сотрудничестве. Первый из них уже был детально разобран в предыдущей главе, поэтому не будем останавливаться на нем подробно. Однако заметим, что внутри записки эти два дискурса плотно переплетаются. Говоря о развитии Советского Союза, о его политике, Торнтон рассуждал и о перспективах советско-американского сотрудничества в самых разных областях: в науке и технике, в космосе, в отношениях с третьими странами. По словам американского бизнесмена, научно-технический прогресс требует «разделения труда», а мировые проблемы и угроза перенаселения – совместных действий⁴⁴⁹. Сотрудничество и открытость позволят снять взаимную подозрительность, а также решить те мировые проблемы, которые нельзя решить в одиночку⁴⁵⁰.

⁴⁴⁸ Там же. Л. 123.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 132–134.

⁴⁵⁰ Там же. Л. 134.

Торнтон не ограничивался абстрактными рассуждениями о перспективах сотрудничества – он делал и конкретные предложения: например, организовать в СССР выставку управленческого оборудования (ЭВМ, копировальных аппаратов и т. д.), на производстве которого специализируется фирма «Литтон», или построить в СССР завод электрических печатных машинок. Кроме того, он выразил желание принять участие в планируемом в Советском Союзе строительстве завода тяжелых грузовиков. Директор Института США также предложил советским чиновникам принять приглашение Торнтона и отправить специалистов в «Литтон Индастриз», которая являлась «образцовой фирмой в области применения новых систем управления». Это предложение представляет собой еще один, самый главный дискурс записки – об американском опыте и о США как «американском учителе» СССР.

Путешествие произвело большое впечатление на Торнтон: он отмечал высокий уровень квалификации советских специалистов, научно-технические достижения и темпы экономического роста; утверждал, что увиденные им заводы находились «на уровне мировых стандартов»⁴⁵¹. Однако, после этих фраз, риторически легитимизирующих критику, Торнтон поставил неудобный вопрос, которые американисты передали руководству страны: «У вас богатейшие ресурсы. Из своих встреч я делаю вывод, что очень высок и интеллектуальный уровень ваших людей <...>. Так почему же вы так сильно отстаете по производительности труда?»⁴⁵².

В прошлой главе уже были рассмотрены механизмы конструирования записок как особых риторических текстов для «нормализации» критики и убеждения советских чиновников. Однако в этой главе данный процесс

⁴⁵¹ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 139.

⁴⁵² Там же. Л. 130.

рассматривается сквозь призму теории культурного трансфера. Он интерпретируется в духе концепции Эспаня как «перемещение» текста в культурных пространствах и его изменение в другом культурном контексте⁴⁵³. Вопрос Торнтонна четко формулирует основную задачу советской модернизации: как при общих экономических успехах развиваться интенсивно, а не экстенсивно; как увеличить не объемы, а производительность труда?

Американисты намекали, что посредством обращения к американскому опыту может помочь ответить на эти вопросы и решить стоящие перед Советским Союзом задачи. Арбатов несколько раз подчеркивал авторитет Торнтонна в области управления: «По типу промышленного объединения «Литтон Индастриз» представляет собой т.н. конгломерат, т.е. децентрализованную корпорацию, специализирующуюся в различных отраслях промышленности и организационно возможную лишь в силу чрезвычайно высокого уровня руководства и управления. Высокая – даже среди американских конгломератов – репутация «Литтон Индастриз» в этой области побудила президента Никсона назначить президента «Литтон» Роя Эша – ближайшего сотрудника и компаньона Торнтонна – своим советником и председателем Президентского совета по вопросам организации исполнительных органов власти»⁴⁵⁴. В этой цитате особенно интересен тезис о том, что «Литтон» известен своим уровнем управления «даже среди американских конгломератов». «Литтон», таким образом, становится лучшим среди лучших, именно поэтому его опыт следует перенимать. Советские эксперты напрямую апеллируют к опыту США как референтному и к образу «американского учителя».

⁴⁵³ Эспань М. Указ соч. С. 46-47.

⁴⁵⁴ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтонна – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 129.

Это впечатляет и читателей записки. Раздел «О принципах управления в компании Литтон Индастриз» вызвал наибольший интерес у советских партийных чиновников. Практически каждая строчка восьмистраничного текста кем-нибудь отмечена: встречаются вертикальные линии на полях в несколько слоев, галочки, подчеркивания прямыми и волнистыми линиями, зачеркнутые отметки и даже одна неразборчивая подпись⁴⁵⁵. В этом разделе приведены высказывания Торнтон о внутренней организации «Литтон Индастриз». Прежде всего, говорит он, необходимо учитывать научно-технический прогресс, постоянно внедрять новые технологии⁴⁵⁶. Однако, такая задача требует совершенно других принципов управления. Первый из них – гибкость. Необходимо поощрять творческую инициативу на местах⁴⁵⁷. В «Литтоне» нет комитетов, которые надзирают за производством и глушат новаторские идеи. Вместо этого совещания проводятся только в кругу тех, кто имеет непосредственное отношение к решаемому вопросу. Это позволяет экономить время. Гибкость должна применяться и в планировании, чтобы при необходимости планы можно было перестроить.

При этом в «Литтоне» существует жесткая связь между властью и ответственностью. Несмотря на большое количество совещаний и коллективных обсуждений, конечное решение принимает один человек. Торнтон не приемлет коллективной ответственности. Каждый руководитель наделен большими полномочиями, но при этом несет персональную ответственность за принятые решения. Именно поэтому Торнтон не использует комитеты, которые он называет «костылями», поскольку если все согласования проходят через них, то ответственность размывается. Этот принцип, тем не менее, не означает жесткого наказания за ошибки: «для

⁴⁵⁵ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 140.

⁴⁵⁶ Там же. Л. 136, 142.

⁴⁵⁷ Там же. Л. 137.

руководства дешевле сделать разумный допуск на ошибки, чем опекать во всем своих подчиненных, пытаясь избежать какой бы то ни было ошибки, и тем самым лишиться времени и возможности для принятия тех решений, которые за тебя никто принять не может»⁴⁵⁸.

Второй важнейший принцип управления – децентрализация. Большой конгломерат не может вникать в детали каждой задачи. Руководство корпорации принимает лишь глобальные решения, а отделения корпорации остаются самостоятельными единицами. Это позволяет компании работать эффективнее, но требует постоянной коммуникации и гибкого планирования. Коммуникация осуществляется при помощи телефона, личных встреч (при необходимости руководителям приходится летать в разные части страны) и активного внедрения компьютеров. При этом Торнтон стремится уменьшить количество докладов, письменных предписаний и т.д. Обилие бумаг заставляет руководителя держать целый штат секретарей и тратить время на бумажные отчеты.

Эти идеи и принципы управления Торнтона совпадали с идеями той экономической реформы, которая шла в Советском Союзе с 1965 г. Идеи децентрализации, модернизации, гибкого управления и планирования хорошо укладывались в советскую повестку партийной элиты.

Американисты сами чувствовали это совпадение. Они рассказывали Торнтону об экономической реформе, когда американский бизнесмен, рассуждая о причинах советского отставания в производительности труда, раскритиковал централизацию управления: «Я допускаю, что государственное руководство хозяйством в вашей стране осуществляется более эффективно, чем это было бы возможно в США. Наш опыт времен войны <...> говорит о том, что, передав руководство экономикой государству,

⁴⁵⁸ Там же. Л. 139.

мы бы зашли в тупик (по нашим оценкам эффективность экономики снизилась бы по меньшей мере в два раза). У вас, видимо, это получается лучше. Но я все же подозреваю, что огромная централизация, передача права решать многие вопросы хозяйства на самый верх – в министерства и правительства, сказывается и на вашей экономике. И по мере ее роста и усложнения это будет оказывать все большее влияние” (в этой связи Торнтону было рассказано о существовании экономической реформы, о мерах, направленных на сочетание централизованного планового начала с инициативой на местах)»⁴⁵⁹.

Приведенная цитата наиболее ярко демонстрирует связь воспринимаемых идей с повесткой советского общества. Кроме того, речь идет о том видении перспектив экономического развития, который разделяли Торнтон, беседующие с ним американисты и отмечающие этот фрагмент текста читатели из ЦК. Экономическое развитие представляется единым путем, по которому США прошли раньше и дальше. Трансфер американских идей, по их мнению, должен был позволить Советскому Союзу избежать тех ошибок, которые допустили США, стартовав ранее: Америка уже пережила централизацию, ускоренный рост и усложнение экономики, поэтому лучше видит проблемы, подстерегающие СССР впереди. Опыт США, таким образом, вновь становился референтным, а образ «американского учителя» актуальным.

Еще более рельефно эти представления прослеживаются в другом фрагменте записки. После осмотра строящегося в Тольятти Волжского автозавода, Торнтон отметил, что СССР стоит «на пороге большого подъема»: «Я не знаю, отдаете ли вы себе в этом отчет, но, если судить по опыту США, такое расширение автомобильной промышленности, какое намечаете вы, вызовет своего рода цепную реакцию во всей экономике» – необходимо будет

⁴⁵⁹ Там же. Л.130-131.

наращивать производство стали, резины, текстиля; начнут развиваться дороги, туризм и сфера обслуживания; все это в конечном счете повлечет за собой новый виток урбанизации. Торнтон полагал, что задачей номер один для СССР является полная реконструкция и модернизация сельского хозяйства, поскольку иначе могут возникнуть сложнейшие проблемы⁴⁶⁰. Таким образом, американский опыт позволял Торнтону увидеть то, в чем СССР, вероятно, «даже не отдает себе отчет». Этот фрагмент отмечен двумя вертикальными линиями на полях.

Торнтон вспомнил Волжский автозавод еще раз, когда рассуждал о принципе децентрализации. Американский бизнесмен отметил, что такое большое предприятие считается в нынешнее время «нерациональным для американских условий». Функции такого производства стоило бы отдать более мелким компаниям, чтобы неполадка какого-либо процесса не привела к остановке всего производства. При этом Торнтон указывал, что «некоторое время тому назад, при ином уровне организации, мы тоже предпочитали крупные заводы»⁴⁶¹. Таким образом американец все время подчеркивал, что Советский Союз шел тем же путем, что и США, но отставал на несколько десятков лет. Данный фрагмент был отмечен четырьмя вертикальными линиями, подчеркиванием и одной галочкой на полях.

В каждом из этих трех случаев мы наблюдаем совпадение мнений американского бизнесмена, ученого-эксперта и советского чиновника. Образа «американского учителя», представляется важным каждому участнику трансфера. Торнтон несколько раз говорит о нем; американисты, конструируя нарратив записки, включают эти высказывания в текст; а советские чиновники особенно внимательно отмечают эти фрагменты. Как и во времена Озерова, сталинской индустриализации и хрущевской «кукурузной дипломатии»

⁴⁶⁰ Там же. Л. 131.

⁴⁶¹ Там же. Л.142.

Советский Союз должен был научиться у Америки модернизации, эффективному управлению и инициативе снизу. Образ «американского учителя», актуализировавшийся в конце 1960-х гг., обеспечил ту среду, которая создала запрос и возможность для трансфера идей.

Судя по дате, стоящей на титульном листе⁴⁶², записка была отправлена в ЦК КПСС 15 августа 1969 г. Арбатов, согласно устоявшейся в те годы практике⁴⁶³, рассылал несколько экземпляров записки в те ведомства и отделы, которые он сам считал нужными (это еще один элемент активного участия Института США в трансфере идей).

В архив Международного отдела ЦК КПСС записка попала с двумя титульными листами от экземпляров №1 и №4 (экземпляры №2 и №3 найти не удалось). Экземпляр №1 был направлен в ЦК КПСС и, согласно штамелю, попал в Общий отдел. Экземпляр №4 адресован персонально секретарю ЦК КПСС Д.Ф. Устинову, и по каким-то причинам, титульный лист этого экземпляра был просто положен поверх титула записки, направленной в Общий отдел. Таким образом, все отметки, которые есть в тексте, были поставлены именно на экземпляре №1.

22 августа Устинов с припиской «Прошу ознакомиться и доложить» отправил свой экземпляр И.Д. Сербину, кандидату в члены ЦК, заведующему отделом оборонной промышленности⁴⁶⁴. Судя по штамелю, записка покинула Общий отдел, через который ее отправил Устинов, 25 августа. Сербин изучил записку и написал на титульном листе: «Архив / материал информационный / Тов. Устинову доложено. / Козлову». После этого записка попала к В. Козлову⁴⁶⁵, заместителю Сербина. Козлов поставил дату «30/IX.

⁴⁶² Там же. Л. 119, 121.

⁴⁶³ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 105-106.

⁴⁶⁴ Отдел Оборонной промышленности курировал деятельность множества промышленных предприятий в Советском Союзе.

⁴⁶⁵ Отчество В. Козлова установить пока не удалось. Подчеркнем, что это не хорошо известный Фрол Романович Козлов, который к моменту написания записки уже умер.

69.», инвентарный номер, свою подпись и отправил записку в архив. На обороте титульного листа стояла отметка: «Снят к контроля / 2.Х.69». В итоге записку подшили в папку Международного отдела ЦК⁴⁶⁶.

«Жизнь» экземпляра №1, присланного в ЦК КПСС, оказалась более насыщенной. Уже 18 августа записка покинула Общий отдел и попала в Международный. Там на титульный лист поставили печать «Материал информационный / В Международном отделе / ЦК КПСС ознакомились / Зав. Сектором⁴⁶⁷ Б. Понамарев / 21.8.69». Потом к документу приложили записку-направление, на которой отпечатана стандартная формула «Ознакомить секретарей ЦК КПСС», а дальше от руки приписано «а точнее тт. Фролова, Сербина, Макарова, Шилина, Голикова»⁴⁶⁸. Ниже 12 подписей. Одна из них принадлежит Макарову, который, скорее всего, поставил подпись, ознакомившись с документом. Остальные подписи разобрать не удалось. К сожалению, совершенно непонятно, кто написал эту записку-направление. Судя по всему, она была приложена после того, как документ побывал в Международном отделе: на обратной стороне записки есть пометка «т. Голиков – отсутствует. / 9.Х.69.». Помощник Брежнева Голиков вероятнее всего отсутствовал на заседании Секретариата ЦК КПСС, которое проходило 9 октября 1969 г. Тем не менее, в протоколе этого заседания записка Института США никак не упоминается. Нет ее и в материалах к этому заседанию. Можно предположить, что именно на заседании Секретариата 9 октября было решено направить записку Института США Фролову, Сербину, Макарову, Шилину и Голикову. Приложив направление (которое выполняет роль резолюции),

⁴⁶⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 119.

⁴⁶⁷ Это текст стандартной печати. Б. Понамарев, который был не зав. сектором, а зав. отделом, использовал эту печать и поставил поверх свою подпись.

⁴⁶⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 120, 120 об.

записку отправили дальше, что объясняет ее отсутствие как в решениях Секретариата, так и в материалах к заседанию⁴⁶⁹.

Как уже говорилось выше, подпись Макарова стоит на записке-направлении без указания даты. В конце октября-начале ноября записка попала в отдел машиностроения, которым заведовал Фролов. Об этом свидетельствует печать на титульном листе «Работники отдела ознакомлены / Зав. секретариатом Отдела машиностроения ЦК КПСС / 3 ноября 1969 г.». Через неделю экземпляр №1 снова оказался у Сербина, который ознакомился с «устиновским» экземпляром № 4 еще в сентябре. Тем не менее, по какой-то причине, на заседании Секретариата (на котором сам Сербин присутствовал) было принято решение еще раз направить Сербину эту записку. Это произошло в середине ноября, о чем гласит запись некоего Зверева: «т. Сербин И.Д. ознакомлен / 12. XI. 69». На обороте титульного листа еще одна надпись «т.т. Сербин, Шилин / ознакомлены».

Теперь объединим пути этих двух экземпляров в единую схему (см. приложение 3)⁴⁷⁰. Записка путешествовала внутри Центрального Комитета по меньшей мере четыре месяца. За это время ее просмотрел десяток высших партийных чиновников, среди которых секретари ЦК, заведующие и работники разных отделов. Однако после 12 ноября 1969 г. следы записки теряются. Не удалось обнаружить заседание секретариата ЦК или Политбюро, на котором эта записка бы обсуждалась еще раз. Несмотря на обилие отметок, кажется, что никаких решений так и не было принято. Как и когда в итоге записка попала в архив Международного отдела, также неизвестно.

⁴⁶⁹ Интересно, что Сербин ознакомился с «устиновским» экземпляром в сентябре. 9 октября он был на заседании Секретариата. Вряд ли он мог не узнать записку Института США, но по какой-то причине записку еще раз направили ему на ознакомление. Экземпляр №1 пришел к нему в ноябре, о чем говорит резолюция на титульном листе.

⁴⁷⁰ К этой схеме можно было бы добавить американскую сторону трансфера: «деловые круги», «Литтон Идастриз» и Р. Никсона, но это требует дополнительного исследования, которое уже не касается деятельности внешнеполитических экспертов.

Можно предположить, что никто из чиновников не хотел принимать конкретных решений, прячась за коллективную ответственность (о которой как раз и говорил Торнтон), что и привело к «заматыванию» записки внутри бюрократической системы. В таком случае логика работы ЦК КПСС напоминает логику работы бюрократического аппарата Социалистической Республики Румыния, которая была описана антропологом К. Вердери⁴⁷¹. В пользу этой гипотезы говорит штамп «материал информационный», т.е. не требующий принятия никаких решений. Штамп, таким образом, «приговаривает» записку к отправке в архив после того, как все с ней «ознакомились». Однако, штамп может быть и итогом «заматывания», а не его причиной.

Отметки чиновников сами по себе являются интересным феноменом: иногда даже невозможно понять, что автор отметки нашел интересным. К примеру, в справке о Торнтоне есть несколько отметок, касающихся его биографии: «С 1953 по 1963 гг. Торнтон занимал посты президента и председателя правления «Литтон Индастриз», а с 1961 г. является председателем правления компании. Он входит также в правления ряда крупных банков и компаний США и является членом различных клубов бизнесменов»⁴⁷². Почему советский чиновник отметил этот чисто фактологический фрагмент? Если он хотел подчеркнуть влияние Торнтона, то об этом было достаточно сказано и в первой части записки. Другой вопрос: кому были адресованы эти отметки без комментариев? Отметки – это не выписки, которые могли делаться чиновником для себя; они оставались на экземпляре, который потом отправлялся дальше. Вероятно, чиновники отмечали заинтересовавшие их моменты, чтобы потом обратить на них внимание коллег во время коллективного обсуждения записки, так и не

⁴⁷¹ Verdery K. *My Life as a Spy: Investigations in a Secret Police File*. Durham, 2018.

⁴⁷² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 169.

состоявшееся до конца 1969 г. Без обсуждения и письменных комментариев понять смысл отметок невозможно.

Скорее всего, отметки представляют собой следы практики коллективного чтения, существовавшей внутри ЦК КПСС в конце 1960-х – начале 1970-х гг.⁴⁷³ Основной смысл отметки, таким образом, заключался в том, чтобы уведомить других о самом факте прочтения, после которого можно направить записку дальше. Штамп с надписью «материал информационный» может говорить в поддержку этой гипотезы: раз не требуется никаких конкретных решений, то важнее всего обозначить сам факт ознакомления с ним. Если же заседание все-таки состоялось бы, отметки пригодились бы для коллективного обсуждения.

Так или иначе, этот трансфер американских идей оказался неудачным. Судя по всему, советская сторона не направила специалистов на стажировку в «Литтон», выставка американской техники не была проведена, а американский промышленный конгломерат не принял участие в строительстве завода на территории СССР.

Визит Торнтонна – не единственный пример неудачного трансфера. Другой американский бизнесмен, представитель консалтинговой компании «Артур Д. Литтл» генерал Дж.М. Гэвин также рассказывал советским экспертам об американских принципах управления. Его высказывания во многом схожи с высказываниями Торнтонна.

Гэвин рассуждал о том, что с появлением и внедрением в управленческие практики ЭВМ происходит отказ от иерархической структуры управления. Модернизация оборудования, по мнению генерала, очень важна для производительности труда: именно из-за устаревания оборудования Великобритания начала отставать. Новой практикой в США, принесшей

⁴⁷³ Шаттенберг С. Леонид Брежнев: Величие и трагедия человека и страны. С. 278-282.

большие плоды, стала замена устаревшего оборудования, «не дожидаясь его износа»: «имеет смысл пойти на временные убытки, покупая новую технику, чтобы обеспечить большие прибыли в будущем»⁴⁷⁴. Этот отрывок ярко демонстрирует конституирующую роль образа «американского учителя»: США не просто обгоняют ранее промышленно развитую Англию, но и изучают причины ее упадка, закрепляя таким образом свой статус сильнейшей экономической державы.

Внедрение новой техники изменяет и роль руководителей, позволяя сократить количество отделов: «Это уже отживает свой век в Америке. Генеральный управляющий сам следит за всеми аспектами производства с помощью ЭВМ, которая предоставляет ему не только доступ к информации по любому интересующему его вопросу <...>, но и возможности быстрой оценки сравнительной стоимости и эффективности того или иного варианта, которые для него просчитывает ЭВМ, когда ему необходимо принять решение»⁴⁷⁵. Однако это лишь повышает роль управляющих, которые должны быть прежде всего честными и инициативными: «“Поддакивающий”, трусливый, не имеющий собственного мнения человек – плохой и опасный управляющий»⁴⁷⁶.

Нетрудно заметить, что все эти рекомендации прекрасно соотносятся с программой косыгинской реформы, нацеленной на децентрализацию, повышение производительности труда и инициативы на местах, проекты компьютеризации экономики и модернизации производства. Сторонниками этих идей являлись и советские эксперты из сети «своих». В результате были предприняты даже некоторые шаги для налаживания более долгосрочных связей: после возвращения в США Гэвин телеграфировал о том, что «получил разрешение на оказание консультативных услуг советским организациям, и

⁴⁷⁴ Арбатов Г.А. «О визите Дж. М. Гэвина». 8 декабря 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 188.

⁴⁷⁵ Там же. Л. 187.

⁴⁷⁶ Там же. Л. 186.

предлагались конкретные меры для установления деловых контактов (этими вопросам сейчас занимаются компетентные ведомства)»⁴⁷⁷. Однако никакой информации о дальнейшем сотрудничестве с компанией «Артур Д. Литтл» обнаружить не удалось. Сама записка также не привлекла особого внимания: в отличие от записки о визите Торнтона в тексте встречаются отметки лишь одного читателя, а к самой записке не приложено никаких распоряжений, справок или направлений.

Несмотря на то, что трансфер американских управленческих практик вписывался в советскую повестку экономического развития, он оказался неуспешным. С одной стороны, эти практики были сложны для быстрой реализации, требуя не только больших финансовых вложений, быстрой модернизации промышленного и управленческого оборудования, но и изменения подхода к управлению. С другой стороны, нельзя не отметить интерес советского руководства к этим идеям и практикам. Подробнее ответить на вопрос о причинах «заматывания» этих записок поможет сравнительный анализ «успешного» кейса трансфера.

Тем не менее, можно выдвинуть гипотезу о возможном кумулятивном эффекте подобных записок: как и в случае с внешнеполитическими рекомендациями повторение одних и тех же идей, подробное изучение и освещение экспертами американских управленческих практик могли постепенно приводить к изменению в подходах советских руководителей, открывая путь для внедрения новых практик. Однако, в отличие от «внешнеполитической программы» Института США, в архивах ЦК КПСС пока не удалось найти большого количества записок, посвященных американским методам управления. Несмотря на это, существуют свидетельства того, что рекомендации экспертов иногда реализовывались на

⁴⁷⁷ Там же. Л. 182.

практике. Так, в некрологе заместителя директора Е.С. Шишкова, который курировал экономические исследования в Институте, Арбатов вспоминал, что внедрение новых систем управления было реализовано в целом ряде проектов: «Начали с небольшого – Ивановского завода машиностроения для текстильной промышленности. Потом масштабы выросли, и последней такой работой (получившей, кстати, высокие оценки практиков), была система управления для тогда еще строившегося автомобильного гиганта – КАМАЗа. Кроме того, Институт стал и консультационным центром для предприятий, пытавшихся усовершенствовать систему управления»⁴⁷⁸. Об участии сотрудников Института в реализации проекта строительства КАМАЗа вспоминает и Рогов⁴⁷⁹. Можно предположить, что экспертные записки такого рода направлялись обычно не в ЦК КПСС, а в соответствующие ведомства (или пересылались потом из ЦК КПСС): министерства, Госплан, на конкретные предприятия. И по этой причине они в настоящий момент хранятся в других архивах.

Так или иначе, у сотрудников Института был еще один, более публичный канал для трансфера идей: научно-публицистический журнал «США: экономика, политика, идеология», о чем пойдет речь в параграфе 3.4.

⁴⁷⁸ Памяти ученого и организатора науки // Российское предпринимательство. 2004. Том 5. № 2. С. 88-90.

⁴⁷⁹ Рогов С.М. Указ. соч. С. 125.

3.3. «Успешный трансфер»: советский «соевый проект»

Окончательное сворачивание косыгинских реформ, которое, как уже отмечалось, во многом было связано с внутривластной борьбой, не означало полного завершения поисков путей советской модернизации и полного затухания реформаторского импульса. Реформы продолжались и во второй половине 1970-х гг. Некоторые исследователи даже называют этот период «косыгинской реформой в широком смысле слова» или «вторым этапом косыгинских реформ»⁴⁸⁰. На данном этапе советское руководство сконцентрировалось на методах управления и организации производства: основным звеном советской экономики стало объединение, а на предприятиях создавались специальные подразделения, направленные на выпуск продукции широкого потребления⁴⁸¹.

Активно шли эксперименты, нацеленные на оптимизацию и модернизацию производства в отдельных областях экономики, например, в сельском хозяйстве. Так в 1977 г. в Ставропольском крае, первым секретарем которого был М.С. Горбачев, внедрялся новый способ уборки хлеба – «ипатовский метод», заключающийся в четкой организации труда в две смены без простоев техники. Эксперимент курировал лично секретарь ЦК по сельскому хозяйству Ф.Д. Кулаков⁴⁸².

Американский опыт в данной сфере также был референтным. Еще в конце XIX в. американцы отправляли пшеничную и кукурузную муку голодающим русским крестьянам. В начале XX в. они учили земледельцев из Бессарабии тому, как увеличить урожайность кукурузы, а в 1959 г. Хрущев запустил в СССР кукурузную кампанию после посещения фермы миллионера

⁴⁸⁰ Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / Под науч. ред. Р.М. Нуреева. М., 2017. С. 72-76.

⁴⁸¹ Там же. С. 73.

⁴⁸² Шубин А.В. Указ. соч. С. 163.

Гарста⁴⁸³. Когда в 1963 г. Советский Союз столкнулся с аграрным кризисом и вынужден был закупать зерно за границей, быстро выяснилось, что необходимым экспортным потенциалом обладают лишь две страны в мире – США и Канада. Восточноевропейские социалистические страны – Венгрия, Чехословакия, Польша – первыми начали переговоры с американцами о закупке зерна. Это подтолкнуло и Москву начать трудные переговоры с администрацией Кеннеди, которые в итоге закончились ничем. В итоге Советский Союз стал закупать зерно в Канаде⁴⁸⁴. Все эти обстоятельства только усиливали репутацию Соединенных Штатов как лидера в области сельского хозяйства, актуализируя образ «американского учителя».

Таким образом, Институт США, который в 1974 г. был переименован в Институт США и Канады, вновь оказался в центре советской повестки развития. Арбатов вспоминал: «Большое внимание, естественно, уделялось опыту США в сельском хозяйстве и производстве продовольствия. В 1973 году для изучения этого опыта был создан специальный сектор, преобразованный в 1977 году в отдел. Институт буквально бомбил вышестоящие инстанции записками о проблеме белка, развитии бройлерной промышленности, создании новых отраслей пищевой промышленности, улучшении хранения и перевозок зерна и овощей, новых тенденциях в развитии технической базы сельского хозяйства и др.»⁴⁸⁵. Эти строки из мемуаров Арбатова мы легко можем подтвердить документами. К примеру, 27 апреля 1976 г. Институт США и Канады «в соответствии с договоренностью»

⁴⁸³ Журавлева В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения». 2013. №21 (122). С. 132-143. О гуманитарных миссиях США в России см.: Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев. С. 31-52.

⁴⁸⁴ О сложных переговорах вокруг закупок зерна см.: Пивоваров Н.Ю. Зерновой кризис 1963 г. в СССР и внешнеторговые коллизии его разрешения. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 1. С. 28-33.

⁴⁸⁵ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 128-129.

направил секретарю ЦК КПСС К.У. Черненко записку, посвященную «Белковой проблеме и новым пищевым продуктам из сои»⁴⁸⁶.

Важной глобальной проблемой второй половины XX века стала проблема белкового голодания. В 1955 г. в ООН была создана специальная комиссия, занимающаяся проблемой нехватки белка⁴⁸⁷. Конечно, в США и СССР этот вопрос стоял менее остро, однако, политики и ученые в обеих странах старались решить проблему недостаточности потребления белковых продуктов среди населения. В конце 1950-х гг. Хрущев выдвинул известный лозунг о необходимости «Догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла». Стремление к экстенсивному увеличению производства мяса приводила даже к трагедиям: в 1959 г. первый секретарь рязанского обкома Алексей Ларионов провернул аферу, известную как «Рязанское чудо». Для того, чтобы резко увеличить показатели заготовки мяса и молока, Ларионов забил большую часть скота Рязанской области и специально закупленного для этой цели скота из соседних областей. Когда афера раскрылась, Ларионов покончил с собой.

К 1970-м гг. белковую проблему начали решать с помощью достижений генетики и развития технологий производства в области сельского хозяйства, прежде всего, за счет выращивания сои. Соя – очень богатый источник растительного белка (до 45%), но климат США и СССР не благоприятствовал ее урожайности. Во второй половине XX века в этой области случилось два прорыва: во-первых, были выведены сорта сои, «позволяющие вести ее массовое производство в более северных широтах и, одновременно, осуществлять комплексную механизацию ее возделывания»; а во-вторых,

⁴⁸⁶ Арбатов Г.А. «Белковая проблема и новые пищевые продукты из сои». 26 апреля 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1030. Л. 3-10. С.М. Рогов вспоминает, что заведующий отделом сельскохозяйственных исследований ИСКАН В.Ф. Лищенко был «ярким лоббистом производства сои в Советском Союзе»: Рогов С.М. Указ. соч. С. 125.

⁴⁸⁷ Semba R. D. The Rise and Fall of Protein Malnutrition in Global Health. // Ann Nutr Metab. 2016. № 69 (2) P. 79–88.

использование сои как пищевого продукта было расширено за счет текстурированного соевого белкового концентрата (ТСБК)⁴⁸⁸.

Американисты предложили опираться на передовой опыт США в области выращивания и использования сои. Эксперты указывали на то, что сою можно применять различным способом. Так, добавление соевой муки в корма существенно повышает продуктивность животноводства, а, значит, получения традиционного животного белка. Кроме того, с помощью ТСБК и соевой муки возможно компенсировать недостаток белковых продуктов или удешевить их стоимость. Отмечалось, что в США ТСБК широко используется в школьных и университетских столовых, что позволяет достичь «оптимального белкового состава рациона питания» и «имеет большое значение для физического и умственного развития детей». Эксперты-американисты подчеркивали, что соя «как самый дешевый и натуральный» способ балансирования белковой части рациона «у детей и молодежи (особенно в армии) как наиболее требовательных к белку категорий населения». ТСБК – лишь первый шаг в производстве продуктов из сои: сою добавляют в говяжий фарш для удешевления его стоимости, но в будущем планируется разработать «принципиально новые пищевые продукты, которые по своим качествам будут даже превосходить существующие традиционные продукты питания»⁴⁸⁹.

Что касается производства этой белковой культуры, то американисты отмечали, что США достигли здесь значительных успехов. За 30 лет, начиная с 1945 г., уборочные площади соевых бобов увеличились почти в пять раз, а объем производства вырос в 7.2 раза! «Ни одна область сельского хозяйства в США за последние тридцать лет не развивалась так быстро, как производство

⁴⁸⁸ Арбатов Г.А. «Белковая проблема и новые пищевые продукты из сои». 26 апреля 1976 г // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1030. Л. 3.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 6-7.

сои», и к 1975 г. Америка производила уже две трети мирового объема. В контексте мировой продовольственной проблемы производство сои стало также мощным фактором внешнеэкономической политики: в 1975 г. Соединенные Штаты экспортировали сою и продукты из сои на 5 млрд. долларов, превысив совокупные доходы от экспорта гражданских самолетов и электронно-вычислительной техники⁴⁹⁰. К записке прилагается две таблицы. Первая иллюстрировала динамику увеличения производства сои в США (размеры уборочных площадей, урожайность, производство сои). Вторая содержала данные по производству сои в США, СССР, Китае, Бразилии и Индонезии⁴⁹¹.

Заканчивая свой анализ, искановцы предлагали активно наращивать производство сои в СССР, прежде всего, на Дальнем Востоке, в Казахстане, республиках Средней Азии и Закавказья, в Молдавии и на юге РСФСР и УССР. Одновременно с этим американисты рекомендовали «на первых порах» закупать сою из США и Бразилии, а также приобрести лицензию на производство пищевого концентрата (ТБСК), чтобы потом наладить собственное производство и обзавестись необходимым оборудованием⁴⁹².

Несмотря на практически полное отсутствие пометок в тексте (это еще раз подтверждает, что мы далеко не всегда можем судить о перцепции записки по отметкам), записка вызвала большой резонанс внутри советской системы. В процесс обсуждения было вовлечено множество чиновников из самых разных советских ведомств, а решения пришлось ждать почти год. Разберем этот процесс шаг за шагом.

27 апреля 1976 г. директор Института США и Канады Арбатов направил записку в ЦК КПСС на имя секретаря ЦК Черненко. Следующий этап «жизни»

⁴⁹⁰ Там же. Л. 5-7.

⁴⁹¹ Там же. Л. 9-10.

⁴⁹² Там же. Л. 7-8.

записки неизвестен: Черненко либо сам показал ее Брежневу, либо она прошла еще какие-то обсуждения и инстанции. Так или иначе, 3 мая 1976 г. помощник генерального секретаря направил текст секретарю ЦК КПСС и заведующему Сельскохозяйственным отделом Кулакову, сопроводив его запиской: «Тов. Брежнев Л.И. просил Вас ознакомиться с этой запиской и, если сочтете целесообразным, внести предложения»⁴⁹³.

Спустя 11 дней, 14 мая, Кулаков сопроводил записку Института следующим распоряжением: «Прошу Вас совместно разработать проект постановления ЦК и СМ (*т.е. Совета министров СССР – И.Т.*), предусматривающий крупные мероприятия по увеличению производства сои в стране (хотя бы до 8-10 млн. тонн в год) и ее наиболее эффективному использованию. Срок: 1,5–2 месяца»⁴⁹⁴. Это распоряжение было отправлено целому ряду высокопоставленных советских чиновников: министру сельского хозяйства В.К. Месяцу, министру пищевой промышленности В.П. Леину, президенту академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) П.П. Лобанову, помощнику председателя Госплана Т.И. Соколову, а также заведующему отделом пищевой промышленности ЦК КПСС и заместителю Кулакова В.А. Карлову. Предложение Института США и Канады было принято в работу.

В мае 1976 г. Кулаков покинул должность заведующего Сельхозотделом, но остался секретарем ЦК, который курировал сельскохозяйственные вопросы, а следовательно, и «соевый проект». Поэтому большинство отчетов и документов отсылались именно ему. Через два с половиной месяца, 3 августа 1976 г., министр сельского хозяйства Месяц направил Кулакову отчет, в котором говорилось о том, что Министерство сельского хозяйства и Министерство пищевой промышленности разработали

⁴⁹³ Там же. Л. 1.

⁴⁹⁴ Там же. Л. 2.

проект постановления. Они утверждали, что увеличить объемы до 8-10 млн. тонн не представляется возможным, так как соя требует орошаемых земель, освобождение которых приведет к сокращению посева других культур. Взамен министерства предложили постепенно довести производство до 5 млн. тонн, а закупку – до 3,6 млн. тонн⁴⁹⁵. Это предложение повторяло рекомендации экспертов – советские чиновники решили развивать производство, параллельно закупая сою из капиталистических стран. По словам Месяца, проект постановления был выслан в республики на заключение. В тот же день, 3 августа, Кулаков переслал отчет Месяца своему бывшему заместителю и новому руководителю Сельхозотдела Карлову, приписав: «Проследите дальше»⁴⁹⁶.

Еще через месяц, 6 сентября, заместитель председателя Совета министров З.Н. Нуриев собрал совещание по вопросам приемки и хранения сои, поступающей по импорту. На совещании присутствовали министр пищевой промышленности В.П. Леин, министр внешней торговли Л.И. Зорин, министр заготовок Г.С. Золотухин со своим заместителем Ю.Н. Ковалевым и заместитель председателя Госплана П.А. Паскарь. Было решено обязать Министерство пищевой промышленности выдать поручение Министерству внешней торговли на закупку сои, а также совместно с Министерством заготовок разработать порядок приемки, временного хранения и отгрузки. Протокол этого заседания был отправлен в качестве отчета Карлову⁴⁹⁷. Спустя месяц, 7 октября, заместитель заведующего Сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС С. Попов отчитался, что порядок приемки, хранения и отгрузки импортной сои был разработан и направлен в республики для исполнения⁴⁹⁸.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 12.

⁴⁹⁶ Там же. Л. 11.

⁴⁹⁷ Там же. Л. 29.

⁴⁹⁸ Там же. Л. 30.

В конце ноября 1976 г. куратору соевого проекта Кулакову пришла записка от Ивана Прымова, секретаря Болгарской Коммунистической партии и бывшего министра сельского хозяйства Болгарии. В ней Прымов рассказывал о болгарском опыте выращивания сои, который был очень успешным: болгарам удалось довести урожайность сои до 20 центнеров с гектара (т.е. выше американских показателей)⁴⁹⁹. Эта записка большая по объему, поэтому не будем останавливаться на ней подробно. Для исследования трансфера идей важен тот факт, что кто-то из советских чиновников (предположительно сам Кулаков) запросил справку у болгарских товарищей. Первого декабря Кулаков направил эту справку Месяцу и Карлову с раздраженной припиской: «Когда уже будет принят документ по увеличению произв. и заготовке сои в СССР»⁵⁰⁰.

Наконец, 21 декабря министр сельского хозяйства Месяц и заместитель председателя Госплана Паскарь направили в ЦК КПСС (не совсем понятно, на чье конкретно имя, вероятно, просто в Сельскохозяйственный отдел) проект постановления «О мерах по увеличению производства сои и ее более эффективному использованию»⁵⁰¹. Помимо ранее упомянутых ведомств в работе над запиской приняли участие Министерство химической промышленности и Министерство сельскохозяйственного машиностроения. Также выслали свои заключения Советы министров республик (Молдавской, Украинской, Казахской, Грузинской ССР и РСФСР). Республики активно сопротивлялись инициативе: по их предложениям план производства сои следовало уменьшить почти в 5 раз⁵⁰². Этот отчет был переслан Кулакову, который отправил его заместителю председателя Совета министров Нуриеву и заведующему Сельскохозяйственным отделом Карлову с припиской: «Надо

⁴⁹⁹ Там же. Л. 16.

⁵⁰⁰ Там же. Л. 13.

⁵⁰¹ Там же. Л. 24-27.

⁵⁰² Там ж. Л. 26-27.

активно поработать с республиками, краями и областями с тем, чтобы решить этот вопрос. 22-ХП-76»⁵⁰³.

По какой-то причине через два дня, 24 декабря, Карлов прислал Кулакову еще один краткий отчет с пересказом проекта постановления и особым акцентом на источниках, озаглавленный «Записка т. Арбатова “Белковая проблема и новые пищевые продукты из сои” и справка т. Прымова И. о развитии производства сои в Болгарии». В конце Карлов повторно подчеркивал: «при разработке этой комплексной программы были использованы материалы, представленные тт. Арбатовым и Прымовым»⁵⁰⁴. Вероятно, таким образом Сельскохозяйственный отдел отчитывался о результатах работы с материалами, спущенными Брежневым и Кулаковым.

25 января 1977 г. (через девять месяцев после получения записки из Института США и Канады) ЦК КПСС наконец-то принял постановление «О мерах по увеличению производства сои и ее более эффективному использованию»⁵⁰⁵. История на этом не закончилась: в середине февраля заместитель заведующего Сельскохозяйственного отдела Руденко передал Кулакову жалобы Минсельхоза и Госплана на то, что «ряд союзных республик и министерств не решают вопросы, связанные с увеличением производства сои». Однако изучение процесса реализации «соевого проекта» выходит за рамки диссертационного исследования.

Для наглядности нанесем на схему все этапы «жизни» соевого проекта (см. приложение 4). Эта запутанная схема хорошо иллюстрирует сложность имплементации предложений советских экспертов-американцев. Процесс согласования занял почти год и требовал работы как минимум семи

⁵⁰³ Там же. Л. 23.

⁵⁰⁴ Там же. Л. 22.

⁵⁰⁵ Там же. Л. 28.

министерств, двух отделов ЦК КПСС, пяти советских республик и консультаций у товарищей из Болгарии.

«Соевый проект» прекрасно иллюстрирует то, как опыт США в области сельского хозяйства становился референтным и реализовывался в СССР, а образ «американского учителя» работал на советскую повестку. Именно записка Института США и Канады запустила «соевый проект» несмотря на то, что ближайший сосед Советского Союза, Социалистическая республика Болгария не просто выращивала сою с конца 1960-х гг., но и добилась в этом определенных успехов. Пока эксперты не указали на передовой опыт США, болгарский опыт был совершенно не востребован. Лишь спустя семь месяцев после получения записки Института советские коллеги запросили справку у братской республики.

В чем же состояло отличие этого «успешного» кейса от кейса с Торнтоном и Гэвином, который рассматривался в предыдущем параграфе? Почему те предложения советских экспертов «замотали» в бюрократических недрах, а «соевый проект» в итоге был реализован?

Многие обстоятельства совпадали: оба кейса опирались на существующий образ США как учителя и апеллировали к референтному американскому опыту, оба прекрасно вписывались в советский реформаторский контекст, в обоих случаях трансфер проходил в условиях разрядки советско-американских отношений (в 1976 г., когда разворачивался «соевый проект», она еще сохраняла свой потенциал: например, летом 1975 г. были подписаны Хельсинкские соглашения).

Одним из значимых факторов был личностный, т.е. большую роль играли отношения разных партийных чиновников друг к другу и с генеральным секретарем, а также «баланс сил» внутри советского аппарата. Арбатов вспоминал, как «заматывали» некоторые предложения: «Дважды — при Брежнев, а затем при Андропове — на Политбюро рассматривались наши

записки о сокращении закупок зерна в США. К сожалению, оба раза под давлением нашего “зернового лобби” они были отклонены»⁵⁰⁶. Похожим образом предложения могли быть «заблокированы» противниками реформ, внутрисистемными консерваторами. Как указывалось ранее, записки Института США и Канады «конкурировали» внутри ЦК КПСС с записками других ведомств. Проблема заключалась в том, что американисты не имели своего «представителя», который мог бы продвигать идеи экспертов внутри аппарата. В случае с записками о визите Торнтона и Гэвина в СССР такого «представителя» так и не нашлось. Внутри ЦК КПСС записку разослал М.А. Суслов – знаменитый секретарь по идеологическим вопросам, известный своей консервативной позицией. Можно также предположить, что внедрение рекомендаций экспертов способствовало бы успеху экономической реформы, а значит и председателя Совета министров Косыгина, чего Брежнев старался не допустить.

В противоположность этому активным «лоббистом» идеи Института о выращивании сои в СССР неожиданно оказался секретарь ЦК КПСС Кулаков. Неизвестно, почему Кулаков покровительствовал этому проекту: может быть, он действительно верил в эту идею, а может продвижение проекта каким-то образом способствовало его продвижению по службе или победе во внутренней борьбе. Так или иначе, Кулаков весь год курировал «соевый проект», иногда раздражаясь из-за возникающих проволочек. Когда проект буксовал из-за возникших проблем, таких как сопротивление союзных республик, Кулаков был готов его защищать, вовлекая в этот процесс разные советские ведомства. Скорее всего, он продолжал это делать и после принятия постановления ЦК КПСС (не зря именно ему пересылали жалобы на

⁵⁰⁶ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 129.

«саботаж» республиканских элит). Таким образом, личностный фактор играл значительную роль в процессе трансфера американских идей в СССР.

Другими важными факторами были инертность советской системы и сами рекомендации экспертов. Советские чиновники неохотно принимали решения, которые подразумевали какое-либо изменение самой системы, а эксперты зачастую продвигали идеи модернизации без конкретных предложений по их имплементации в реальные производственные процессы.

Так, в записке, посвященной визиту Торнтона в СССР, искановцы фактически предлагали реформировать всю систему управления производством, причем без какого-либо конкретного плана, обходясь общими фразами. Идеи об отходе от централизации, создании множества комиссий и подкомиссий вполне укладывались в логику косыгинской реформы. Однако это было проще сказать, чем сделать. Чиновники повели себя понятным и традиционным способом: разослали записку по всем заинтересованным лицам, собрали совещание – но принять какие-либо конкретные решения они не могли.

С одной стороны, в этом можно винить советскую бюрократию, которая решила «замотать» важные рекомендации внутри системы. С другой – сами американисты не стремились решить насущные проблемы, стоявшие на пути реализации этих идей. Внедрение ЭВМ в управление предприятиями и компьютеризация советской экономики в соответствии с рекомендациями генерала Гэвина были, несомненно, хорошими способами модернизации. Однако они требовали огромных затрат, обучения технических специалистов и создания целой системы повышения квалификации руководящих кадров. Все эти вопросы Институт США и Канады решить не мог, как не всегда могли их решить и другие советские ведомства, занимавшиеся массой текущих задач. Не зря компании «Литтон Индастриз» и «Артур Д. Литтл» были ведущими в США: не все предприятия даже в самой Америке, которая была

более технологически и экономически развитой страной, могли соответствовать их высоким стандартам.

То же самое можно сказать про важные замечания Торнтонна о строительстве автомобильного завода в Тольятти. Предположим, что чиновники приняли к сведению американский опыт, показывающий, что строительство больших промышленных конгломератов неэффективно, и что это приведет к изменениям во всей советской экономике⁵⁰⁷. Однако в 1969 г. завод в Тольятти уже строился, процесс нельзя было остановить или перестроить планы на ходу. Все, что могли сделать советские чиновники, это учесть рекомендации при планировании следующего промышленного предприятия или «пяtilетки». Такое решение равносильно «откладыванию в долгий ящик»: при разработке нового плана система с большой вероятностью вновь пойдет по привычному для себя пути, апробированному десятилетиями.

Получается, что в отсутствии возможности принять конкретное решение из-за ограниченных ресурсов, записки и правда были информационным материалом, как гласила поставленная на них печать. Рассчитывать можно было только на кумулятивный эффект: вероятно, чиновники из ЦК КПСС или Госплана вспомнили бы о передовом американском опыте когда-нибудь в следующий раз.

Сами эксперты, конечно, воспринимали это совсем не таким образом. Для них «заматывание» рекомендаций объяснялось, прежде всего, консерватизмом системы и твердолобостью «не-своих». В мемуарах Арбатов вспоминал о первом подобном случае: «Уже в сентябре 1968 года институт направил в ЦК КПСС и Совет Министров СССР первую информационно-аналитическую записку “О влиянии научно-технической революции на внешнеполитическую стратегию США”. По сути, несмотря на намеренно

⁵⁰⁷ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтонна – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 131.

суженный в заголовке аспект проблемы, мы хотели сделать ее “сигналом тревоги”, насторожить руководство в связи с явно обозначившимся отставанием страны. Записка была разослана, обсуждалась, сыграла определенную роль в пробуждении внимания к этому вопросу, хотя, к сожалению, не имела должных практических последствий»⁵⁰⁸.

Вероятно, эксперты понимали, что общие фразы не могут иметь серьезного эффекта, поэтому пытались разрабатывать более подробные планы. Найти их пока не удалось, однако об этих планах вспоминает сам Арбатов в других своих мемуарах. Он пишет, что в ходе подготовки к пленуму эксперты составили «большой (около 150 страниц) документ, намечавший не только меры по ускорению научно-технического прогресса, но и глубокую реформу экономики». Можно предположить, что эксперты все же разрабатывали конкретные шаги по имплементации своих рекомендаций, что, однако, не помогло: «Наконец, работу сдали А.П. Кириенко и я доложил об ее окончании Л.И. Брежневу. Но она исчезла, как в “черную дыру”, несмотря на наши неоднократные напоминания, которые, как я заметил, все больше действовали начальству на нервы»⁵⁰⁹.

Однако, такая комплексная задача как «глубокая реформа экономики» не могла решиться просто. Не отрицая важности субъективных факторов, повлиявших на затягивание реформ, на что справедливо указывал Арбатов,

⁵⁰⁸ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 129.

⁵⁰⁹ Цит. по: Берков А. А назавтра была война: автобиография на фоне исторических событий. // Обозреватель - Observer. 2007. №10. С. 125. Александр Берков, старый друг и одноклассник Георгия Арбатова вспоминал: «С удивлением Арбатов услышал о ней (т.е. об этом 150-страничном документе – *И.Т.*) уже в годы “перестройки” от Горбачева, что вот, мол, был полезный труд и воспользуйся мы им тогда, страна была бы сегодня совсем в другой ситуации. Потом до него дошел слух, что доклад все это время лежал в сейфе Брежнева и, когда специальная комиссия после его смерти сейф открыла, она передала доклад Горбачеву...». Эта история довольно странная и скорее напоминает миф «об утерянных возможностях». Тем не менее, это не единственное свидетельство того, что «замотанные» документы могли внезапно достать из архива и начать рассматривать вновь (см. например: Арбатов Г.А. Человек системы. М., 2015. С. 126-127.).

Если при дальнейших исследованиях историкам все же удастся обнаружить этот документ и подтвердить, что он попал в руки М.С. Горбачеву, это будет еще одним подтверждением нерешительности системы, которая развивалась между стремлением модернизации и нежеланием радикальных перемен.

необходимо подчеркнуть и наличие множества объективных проблем, которые Советскому Союзу преодолеть не удалось. Процесс поиска путей модернизации советской экономики затянулся на три десятилетия, начавшись в конце 1950-х гг. и закончившись лишь с распадом СССР. За это время в рамках «авторитарной модернизации» было проведено множество более узких, секторальных или частных реформ, оказавшихся довольно успешными. Среди них оказались реформы государственного планирования экономики и нефтехимической промышленности⁵¹⁰, компьютеризация планирования⁵¹¹ и введение новых форм хозяйствования⁵¹².

«Соевый проект» представляет собой пример как раз таких локальных инноваций, не затрагивающих систему⁵¹³. Американцы сделали очень понятное и конкретное для системы предложение: увеличить посеvy определенной культуры и нарастить импорт. Советские чиновники начали работать привычными для себя методами: собирали профильные совещания, которые привыкли заниматься вопросами приемки и хранения; запросили справку об опыте братской Болгарии; учли мнения министерств и республик и т.д. В этой ситуации даже препятствия казались привычными и преодолимыми – надо просто «активно поработать с республиками»⁵¹⁴.

⁵¹⁰ Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформа Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы Холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2019. С. 41-169.

⁵¹¹ Сафронов А.В. Бюрократические и технологические ограничения компьютеризации планирования в СССР // Экономическая политика. 2022. Т. 17. № 2. С. 120-145.

⁵¹² Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / Под науч. ред. Р.М. Нуреев. М., 2017. С. 50-76.

⁵¹³ По версии историка А.В. Шубина, в этом кроется успех «ипатовского метода», который был внедрен Кулаковым и Горбачевым и в итоге оказал влияние на решение о назначении последнего на пост заведующего Сельхозотделом ЦК КПСС: «Результат поразил кремлевскую олигархию — целый район удвоил сбор урожая путем рационализации и наведения порядка — метода, не затрагивающего общественное устройство. Ставрополье в целом тоже перевыполнило план — край «прикрывался» самим Кулаковым. В результате Кулаков и Горбачев оказались триумфаторами». Так Горбачев попал в Москву и окунулся во всесоюзную политику. См.: Шубин А.В. Указ. соч. С. 163-165.

⁵¹⁴ Арбатов Г.А. «Белковая проблема и новые пищевые продукты из сои». 26 апреля 1976 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1030. Л. 23.

Таким образом, реакция системы на трансфер идей схожа с реакцией на внешнеполитические предложения американистов, которую мы рассматривали во второй главе. Советские чиновники проявляли большой интерес к новаторским предложениям экспертов, но претворяли в жизнь только те рекомендации, которые позволяли действовать в рамках привычных подходов: личные переговоры с президентом США, заключение конкретных торговых соглашений или увеличение производства и импорта сои.

Используя терминологию теории культурного трансфера, можно сделать вывод, что процесс перевода идей из одного культурного пространства в другое не всегда был успешным. Лишь те идеи и практики, которые могли быть адаптированы в советском культурном и экономическом пространстве, были в итоге восприняты и имплементированы. Остальные хоть и вызывали интерес, но так и оставались невостребованными.

Политические рекомендации советских экспертов и новейшие практики управления оказались востребованными в тот момент, когда это культурное и экономическое пространство изменилось – это произошло во второй половине 1980-х гг. в эпоху Перестройки.

3.4. Расширение аудитории Института США и Канады: «Научный и общественно-политический журнал»

Как было продемонстрировано в предыдущих главах, руководство Института США принадлежало к кругу «своих», разделявших определенные ценности. В результате Институт США обладал ярко выраженной субъектностью и стремился продвигать свои взгляды вопреки мнению «несвоих», т.е. советских консерваторов и реакционеров.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что внешнеполитические эксперты не удовлетворились неудачным опытом продвижения новых практик управления, которые были транслированы в процессе советско-американского трансфера идей. Существовала еще одна аудитория, заинтересованная в трансфере идей и потенциально более расположенная к перцепции новых практик и технологий. Эта аудитория не входила в высокие кабинеты на Старой площади, а находилась в многочисленных обкомах, райкомах и крайкомах, а также на крупных предприятиях и промышленных объединениях. Арбатов так вспоминал о работе на эту аудиторию: «Еще одним важным направлением прикладных экономических исследований были изучение американского и вообще зарубежного опыта управления, попытки приспособить его к нашей практике. На невысоком уровне (предприятие, объединение) это нередко удавалось, работа приносила практическую пользу. На более высоких уровнях (мы, например, подготовили проект управления программой развития Нечерноземной зоны РСФСР, даже успешно доложили его в Совете Министров Федерации, но принят он не был) ничего не получалось»⁵¹⁵.

Разумеется, секретари районных и областных комитетов, директора заводов и колхозов не имели доступа к экспертным запискам с грифом

⁵¹⁵ Арбатов Г.А. Человек системы. С. 129.

«совершенно секретно». Каналом для связи с этой аудиторией стал новый журнал Института США.

Как видно из цитаты, эксперты надеялись, что американские управленческие практики и идеи могли оказаться полезными для советских управленцев. В отличие от анализа внутренней и внешней политики США, трансфер идей казался американистам прикладным занятием. Поэтому в данном параграфе будет проведен анализ тех материалов из институтского журнала, которые становились каналом для трансфера американских идей в СССР. Материалы, посвященные политической, экономической, общественной и культурной жизни Америки, требуют отдельного исследования.

Выпуск журнала «США–экономика, политика, идеология» начался в январе 1970 г. Это периодическое издание предназначалось, прежде всего, для публикации работ сотрудников Института. Подобные журналы были у многих научных центров. Однако в отличие от сугубо академических журналов, «США–экономика, политика, идеология» создавался как общественно-политическое издание, т. е. рассчитанное на широкий круг читателей, а не только на коллег-ученых. Об этом говорит не только подзаголовок «научный и общественно-политический журнал», но и его тираж – 35 тысяч экземпляров ежемесячно. Таким образом, советские американисты существенно расширяли свою аудиторию.

Подобная практика издания академического журнала, рассчитанного на широкую аудиторию, уже существовала в СССР. ИМЭМО, который был создан в 1956 г., быстро потребовалось свое периодическое издание. Уже в 1957 г. начался выпуск журнала «Мировая экономика и международные отношения». Журнал задумывался не только как академический, но и как общественно-политический: ему дали беспрецедентно большой тираж (60 тысяч экземпляров ежемесячно), а главным редактором назначили Якова

Семеновича Хавинсона, известного советского журналиста, имевшего опыт работы в ТАСС, «Правде» и Совинформбюро. При этом у Хавинсона не было ни какого-либо академического бэкграунда, ни научной степени, что нехарактерно для позиции главного редактора научного журнала. Именно на опыт «Мировой экономики и международных отношений», судя по всему, ориентировались советские американисты при создании журнала Института США. Он точно так же издавался ежемесячно огромными для академического периодического издания тиражами, а главным редактором стал Валентин Михайлович Бережков.

Бережков – человек с интересной судьбой. В конце 1930-х гг. он начал карьеру переводчика и быстро дослужился до помощника наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова. Пик его переводческой карьеры пришелся на Тегеранскую конференцию, во время которой Бережков выполнял обязанности переводчика И.В. Сталина. В 1944 г. его карьера резко оборвалась в связи с подозрением, что родители Бережкова уехали из родного Киева вместе с отступающей немецкой армией. К счастью, его не репрессировали, но отстранили от работы в Наркомате иностранных дел. После этого Валентин Михайлович попал в редакцию журнала «Война и рабочий класс», который после окончания войны переименовали в «Новое время». Это был довольно популярный еженедельный журнал, который специализировался на освещении событий международной жизни и внешней политики СССР. Именно в редакции этого журнала в начале 1950-х гг. заведующий главного редактора Бережков встретил журналиста-международника Арбатова. Там же, уже будучи главным редактором, он познакомился с другим известным советским журналистом, будущим сотрудником Института США, В.С. Зориным⁵¹⁶.

⁵¹⁶ Арбатов и Зорин о Бережкове: «Он никогда не хвастался своим знакомством со Сталиным и Гитлером» // Коммерсант, 26.11.1998. <https://www.kommersant.ru/doc/209464>

Когда в конце 1960-х гг. Арбатов начал искать главного редактора для институтского журнала, он вспомнил о Бережкове. Так как журнал «США – экономика, политика, идеология» опирался на опыт ИМЭМО и изначально был задуман как общественно-политический, Арбатову был нужен главный редактор с опытом в журналистике и издательском деле. В это время Валентин Михайлович, подобно главному редактору «Мировой экономики и международных отношений» Хавинсону, не имел ни ученой степени, ни какого-либо другого академического бэкграунда. Зато у него был более чем 25-летний опыт редакторской работы в советских журналах. Так в 1970 г. Бережков стал главным редактором нового журнала Института США. Только в 1973 г. Бережков защитил в Институте научный доклад и получил степень кандидата исторических наук по совокупности трудов. Дело в том, что еще в 1960-х гг. он пробовал себя в мемуаристике и публицистике, выпустив две книги: «С дипломатической миссией в Берлин: 1940—1941 гг.»⁵¹⁷ и «Тегеран, 1943: на конференции Большой тройки и в кулуарах»⁵¹⁸ (обе книги опубликовало Агентство печати «Новости»).

План Арбатова удался. В 1998 году в панегирике, посвященном почившему Валентину Михайловичу, Арбатов так вспоминал о популярности журнала: «Когда журнал только начал выходить, я побаивался, что нам не о чем будет писать, мы будем страдать от нехватки материала. Но при Бережкове журнал страдал от нехватки места для хороших статей. Он был немного посвободней других журналов того времени. Его читали везде, у него был самый большой тираж из всех академических журналов. *Секретари*

⁵¹⁷ Бережков В.М. С дипломатической миссией в Берлин. 1940-1941. М., 1966.

⁵¹⁸ Бережков В. М. Тегеран, 1943. На конференции Большой тройки и в кулуарах. М., 1968.

обкомов КПСС узнавали из нашего журнала о жизни в США и присылали нам в редакцию благодарственные письма. (курсив мой – И.Т.)»⁵¹⁹

Эти скупые воспоминания важны для нашего исследования по нескольким причинам. Во-первых, они в очередной раз показывают ту скрытую работу сети «своих», которая описывалась в первой главе. Именно через сеть «своих» Арбатов нашел Бережкова и пригласил его на пост главного редактора своего журнала. Помимо Бережкова в редколлегию входили и другие члены сети «своих»: член консультантской группы Андропова и «мозгового треста» Брежнева А.Е. Бовин, консультант Международного отдела В.В. Загладин, сотрудники Института В.В. Журкин, В.С. Зорин, Н.Н. Яковлев и др. Собирая в Институте США и редколлегии журнала «США–экономика, политика, идеология» «своих», Арбатов стремился построить собственный «оазис мысли», который был бы «посвободнее других журналов» и институтов. Эту идею удалось в основном реализовать: несмотря на то, что среди авторов журнала и сотрудников Института были люди и достаточно консервативных взглядов, в целом редакционную политику определяли именно «свои». Благодаря этому, как вспоминает С.М. Рогов «журнал, где пропагандистские клише, хоть и присутствовали, но не определяли содержание статей, шел буквально нарасхват» и «подписаться на него было трудно»⁵²⁰.

Во-вторых, важны свидетельства об аудитории институтского журнала. Журнал был рассчитан на широкую аудиторию, прежде всего, на интеллигенцию. Но, как видно из панегирика, он пользовался популярностью в среде советской партийной элиты, причем даже среди партийных чиновников того уровня, который не обладал доступом к секретным запискам.

⁵¹⁹ Арбатов и Зорин о Бережкове: «Он никогда не хвастался своим знакомством со Сталиным и Гитлером» // Коммерсант, 26.11.1998. <https://www.kommersant.ru/doc/209464>

⁵²⁰ Рогов С.М. Указ. соч. С. 126.

Если использовать модель, предложенную Б. Латуром⁵²¹, можно сказать, что при помощи журнала американисты распространяли свой дискурс на все большее число людей (как на советскую общественность, так и на широкие слои партийной элиты), получая, таким образом, все большее число «союзников». Можно предположить, что эта поддержка внутри ЦК КПСС (благодаря запискам и личным приятельским связям сети «своих»), среди партийных чиновников из обкомов и советской интеллигенции, а также в научной среде и в кругу «своих» обеспечивали Институту США сильные позиции для «лоббирования» идей.

Издатели журнала понимали важность привлечения этой аудитории: так, например, в февральском номере от 1971 г. оглавление завершается специальным сообщением в рамке: «Для занимающихся в среде партийной учебы: в этом номере мы помещаем статью, посвященную критике буржуазных теорий, технократии и “революции управляющих”»⁵²². Несмотря на то, что статья была зафиксирована в оглавлении, авторы решили отдельно обратить на нее внимание партийных чиновников разных уровней, для которых новые управленческие практики могли оказаться полезными. Другим примером может служить постоянная рубрика, в которой публиковались списки крупнейших корпораций, ведущих банков, компаний в различных областях (торговле, транспорте, страховании и т.д.). Эти сведения могли быть интересны не только для студентов разных специальностей, но и для работников внешней торговли, дипломатов и различных партийных чиновников⁵²³.

⁵²¹ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. С. 61-72.

⁵²² США: экономика, политика, идеология. 1971. №2.

⁵²³ Например, за первый год в журнале (№ 2-4) были опубликованы списки «Клуба 500», т.е. список S&P500, в который входят крупнейшие по капитализации компании США, а также крупнейших банков США (№10), 50 крупнейших торговых компаний (№11) и 50 крупнейших транспортных компаний (№12).

В-третьих, этот отрывок из воспоминаний Арбатова свидетельствует о невозможности проведения четкой границы между экспертной, академической и публицистической деятельностью американистов. Институт США публиковал академические статьи с расчетом на широкую аудиторию, привлекая для этого профессиональных издателей и журналистов. Многие темы секретных записок и журнальных публикаций совпадали, а значит американисты пытались донести свои идеи не только до чиновников на Старой площади, но и до других партийных деятелей, расширяя аудиторию продуктов своей экспертизы за счет академической и журналистской деятельности.

В результате этого сочетания в журнале появлялись статьи и рубрики, совершенно нехарактерные для традиционных научных изданий, но необходимые для расширения аудитории. К примеру, уже в первом номере журнала появилась регулярная рубрика «Политический словарь», в которой редакция рассказывала читателям об американском политическом лексиконе, например, о таких терминах как «minority president» («президент меньшинства») или «limited war» («ограниченная война»)⁵²⁴. В шестом номере журнала «по просьбам читателей» начала выходить новая постоянная рубрика, которая рассказывала о разных штатах, входящих в состав США. Американисты начали с Айдахо и Айовы и в каждом новом номере продолжали рассказывать о двух штатах в порядке русского алфавита. На форзацах журнала помещали карты тех штатов, о которых шла речь в номере⁵²⁵. Другие разделы журнала также находились под явным влиянием журналистики. Например, нерегулярная рубрика «Интервью» (редкий жанр для академического журнала) была сверстана скорее по канонам популярных изданий: читателя встречала большая фотография интервьюируемого, текст в

⁵²⁴ Политический словарь // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С. 119.

⁵²⁵ США: экономика, политика, идеология. 1970. № 6. С. 117-120.

две колонки и увлекательный стиль разговора⁵²⁶. В рубрике «Переводы и рефераты» в №7-8 за 1970 г. наряду с отрывками из научной и публицистической литературы опубликовали пьесу Арта Бухвальда, в которой известный журналист «The Washington Post» подвергает американскую внешнюю политику острой критике⁵²⁷. Конечно, все это было рассчитано не только на узкое профессиональное сообщество, но и на широкую аудиторию, которая интересовалась США.

Несмотря на то, что многие темы закрытых экспертных записок и аналитических статей в журнале совпадали, академический характер издания накладывал на продуцируемый им дискурс определённый отпечаток. Во-первых, в отличие от экспертных записок, посылаемых в ЦК, статьи могли быть длинными, пространными и иногда печатались в две колонки, тогда как объем экспертных записок как правило не превышал 8–10 машинописных страниц. Во-вторых, академический текст в отличие от текста записки подчинялся другим правилам. Каждая статья основывалась на источниках и литературе, доказательность дискурса была важнейшим его свойством. Благодаря этому читатели знакомились с американскими публикациями, которые цитировали авторы статей. Это было важной функцией журнала, для чего даже существовало две специальных рубрики: «Переводы и рефераты», куда включались отрывки или пересказы книг американских ученых; и «Книжная полка», в которой печатались рецензии на книги и историографические обзоры по определенной теме⁵²⁸. Эти рубрики были

⁵²⁶ См. например интервью с А. Гарриманом: Аверелл Гарриман отвечает на вопросы редакции // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 4. С. 80-84.

⁵²⁷ Бухвальд А. Овцы на взлетной дорожке (пьеса) // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 7. С. 84-91; Бухвальд А. Овцы на взлетной дорожке (пьеса) // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 8. С. 84-105.

⁵²⁸ См. например: Шкунаев В.Г. Новое в американской литературе об ООН // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 7. С. 73-80.

особенно важны в условиях того «карт-бланша», который Институт США получил на закупку иностранной литературы⁵²⁹.

Однако открытость журнала не позволяла исключить его из авторитетного дискурса. Это сказывалось на содержании номеров, куда попадали идеологизированные статьи, заголовки которых говорили сами за себя: «Защита колониализма Соединенными Штатами»⁵³⁰ или «Американская “помощь” в 70-х годах»⁵³¹. Журнал начал выходить в 1970 г., когда в Советском Союзе отмечалось 100-летие со дня рождения Ленина, что определило появление на его страницах целой рубрики и ряда идеологических публикаций⁵³². Сам язык статей также оказался под влиянием авторитетного дискурса: в него постоянно включались цитаты из классиков марксизма-ленинизма и вождей КПСС. Например, статью «О новых тенденциях в управлении» автор Б.З. Мильнер предваряет цитатой из речи Брежнева, в которой подчеркивалось, что империализм сохранил потенциал роста производительности труда благодаря научно-техническому прогрессу. Переходя к основной части статьи Мильнер заканчивал цитату своим комментарием: «Значительная роль при этом принадлежит как раз нововведениям в управлении и организации производства»⁵³³.

Подобные рубрики, статьи и цитаты играли важную роль в публичном дискурсе популярного общественно-политического журнала. Именно через цитату Брежнева Мильнер обосновывал необходимость и идеологическую

⁵²⁹ Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1968 г. / Под ред. А.Н. Артизова, И.А. Пермякова, А.В. Юрасова; сост. М.Ю. Прозуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М., 2021. С.558.

⁵³⁰ Матвеев И.В. Защита колониализма Соединенными Штатами // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 12. С. 49-50.

⁵³¹ Мосин И.Н. Американская “помощь” в 70-х годах // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 12. С. 51-54.

⁵³² См. например: Величие Ленина и ленинизма // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 4. С. 3-10; Труш М.И. Письмо к американским рабочим // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 3. С. 9-14.

⁵³³ Мильнер Б.З. О новых тенденциях в управлении // США – экономика, политика, идеология. 1971 14(2). С. 49.

легитимность изучения американских методов управления (в рассчитанной на высших партийных чиновников экспертной записке, посвященной новым принципам управления, идеологических клише нет, потому что записки находятся вне идеологического дискурса⁵³⁴). Для обозначения такого способа «примирения» текстов с существующим идеологическим контекстом можно использовать термин Юрчака «нормализация»⁵³⁵. При помощи цитат статьи вписывались в советский идеологический контекст, что делало их более похожими на «нормальные» советские статьи. Ту же функцию выполняли и идеологизированные статьи, которые часто включались в номера журнала. Например, в том же февральском номере за 1971 г. в разделе «Комментарии и заметки» была опубликована короткая статья А.П. Леонтьева⁵³⁶ с характерным названием «Индокитайский тупик Вашингтона», в жестких тонах обличающая войну во Вьетнаме и юго-восточный вектор американской политики в целом⁵³⁷. Такие статьи «нормализовывали» весь номер, превращая его в «нормальный» выпуск советского общественно-политического журнала⁵³⁸.

В контексте этих рассуждений важно помнить, что сотрудники Института США не были диссидентами, так же как ими не были консультанты андроповского отдела в 1960-х гг. (см. главу 1). Они не пытались спрятать антисоветскую крамолу за фасадом идеологических статей и цитат. Однако эти цитаты позволяли им построить «оазис мысли», институт и журнал, которые были «немного посвободнее» других институтов и журналов того времени, создавая новую сеть «своих». Это открывало возможность для

⁵³⁴ Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 122-139.

⁵³⁵ Юрчак А.В. Указ. соч. С. 145-149.

⁵³⁶ Сложно восстановить биографию автора этой статьи. Возможно А.П. Леонтьев – это Анатолий Павлович Леонтьев, советский партийный деятель, секретарь Омского обкома КПСС.

⁵³⁷ Леонтьев А.П. Индокитайский тупик Вашингтона // США – экономика, политика, идеология. 1971 14(2). С. 69-72.

⁵³⁸ Это было распространенной практикой в советских академических журналах. См., например, главу о передовицах «Вестника древней истории», старейшего академического журнала СССР – Карпюк С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930-1960-е годы. С. 22-39.

публикации интересных им самим статей и знакомства читателей с книгами зарубежных авторов, т.е. позволяло работать не для «проформы, а со смыслом»⁵³⁹.

Одной из постоянных рубрик журнала, в рамках которой иногда выходили несколько статей за один номер, была рубрика «Наука и техника». Референтный американский опыт и идея наставничества США стали фактически ее ключевой темой. Статьи были посвящены внедрению технических новинок в самых разных сферах: от появления нового поколения ЭВМ⁵⁴⁰ до передового опыта в железнодорожных перевозках⁵⁴¹, от контейнерной революции⁵⁴² до гормональной контрацепции⁵⁴³. В качестве комментаторов для некоторых статей редакция журнала приглашала советских профильных специалистов (что тоже можно считать журналистским подходом): дискуссию о гормональной контрацепции прокомментировал акушер-гинеколог, новейшие способы прогнозирования погоды – ученый-метеоролог⁵⁴⁴, а «аэропорты завтрашнего дня», пригодные для будущего увеличения воздушного трафика – пилот «Аэрофлота»⁵⁴⁵. Материалы часто содержали фотографии или другие иллюстрации: схемы и графики. Конечно, были и критические статьи, посвященные, например, проблемам с чистой водой в некоторых штатах, причиной чему стало развитие

⁵³⁹ Юрчак А.В. Указ. соч. С. 192-201.

⁵⁴⁰ Савинов Ю.А. «Четвёртое поколение» ЭВМ // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 9. С. 102-105.

⁵⁴¹ Сычев Н.Т. Настоящее и будущее железных дорог // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 11. С. 107-116.

⁵⁴² Спичкин В.А. Контейнеризация – четвертая революция на транспорте // США – экономика, политика, идеология. 1971. № 3. С. 111-117.

⁵⁴³ Персиакинов Л.С., Мануилова И.А. О гормональной контрацепции. // США – экономика, политика, идеология. 1971. № 10. С. 107-108.

⁵⁴⁴ Прогнозирование погоды. У. Салливан: мнение американского обозревателя. В.А. Бугаев: мнение советского ученого. // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 2. С. 100-102.

⁵⁴⁵ Михайлов П.М. Аэропорт завтрашнего дня? // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 10. С. 96-101.

промышленности⁵⁴⁶, или обратной стороне применения химии в аграрном секторе⁵⁴⁷.

Некоторые темы особенно удачно вписывались в контекст советской модернизации. К примеру, в статье об использовании контейнеров в перевозке грузов подчеркивалось, что это не только увеличивает пропускную способность портов и железнодорожных терминалов, не только уменьшает стоимость перевозки по сравнению с доставкой товаров «навалом», но и позволяет серьезно снизить потери грузов при перевозке⁵⁴⁸. Потери и повреждения грузов во время транспортировки были важнейшей проблемой советской системы, сконцентрированной на увеличении производства. Перегоняя США по некоторым показателям, советская система не всегда могла обеспечить сохранность перевозимого товара⁵⁴⁹. Соединенные Штаты вновь становились примером того, как нужно вести бизнес и эффективно выстраивать деловые процессы.

Новейшие подходы к организации производства и управлению занимали заметное место на страницах журнала. Стоит прежде всего отметить статьи руководителя отдела систем управления Института США Б.З. Мильнера, темы которых перекликаются с вопросами, поднятыми американцами в экспертных записках: «О новых тенденциях в управлении»⁵⁵⁰, «Проблемы использования ЭВМ в управлении»⁵⁵¹, «Влияние технического прогресса на структуры управления»⁵⁵², о чем шла речь в первом параграфе данной главы.

⁵⁴⁶ Игнатъев Г.М. Водный кризис в США. // США – экономика, политика, идеология. 1971. № 1. С. 101-112.

⁵⁴⁷ Осипенкова Л.В. Обратная сторона «зеленой революции» // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 12. С. 96-106.

⁵⁴⁸ Спичкин В.А. Указ. соч. С. 115-116.

⁵⁴⁹ Например, это стало одним из главных положений критики, направленной в адрес секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству Ф.Д. Кулакова, который курировал «соевый проект»: Шубин А.В. Указ. соч. С. 163-164.

⁵⁵⁰ Мильнер Б.З. О новых тенденциях в управлении // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С. 49-59.

⁵⁵¹ Мильнер Б.З. Проблемы использования ЭВМ в управлении. // США – экономика, политика, идеология. 1971. № 2. С. 49-58.

⁵⁵² Мильнер Б.З. Влияние технического прогресса на структуры управления // США – экономика, политика, идеология. 1971. № 9. С. 51-60.

В 1971 г. Институт США выпустил коллективную монографию «США: современные методы управления». В ней обобщались наработки Мильнера и его коллег⁵⁵³. В последующие годы отдел Мильнера выпустил еще несколько обобщающих монографий, посвященных американским управленческим практикам⁵⁵⁴.

Кроме статей Мильнера в журнале публиковались и другие материалы, посвященные данной проблематике – от научных статей других авторов до переводов, справок и интервью. За первые два года существования журнала в нем вышло 18 публикаций, затрагивавших проблемы управления и организации труда. Среди них были статьи об аналитическом бизнес-мышлении⁵⁵⁵, о проблемах коммуникации внутри компаний⁵⁵⁶, об американском опыте снабжения предприятий и сбыта товаров⁵⁵⁷ и о нехватке технических кадров⁵⁵⁸. Таким образом, Институт США пытался максимально расширить как аудиторию трансфера идей, так и материалы, с которыми эта аудитория могла ознакомиться.

Неизвестно, насколько в Институте США были осведомлены о том, что записи бесед с генералом Гэвином и Торнтоном были «замотаны» внутри ЦК. Скорее всего, Арбатов мог знать об этом хотя бы в общих чертах благодаря информации от членов сети «своих». Тем не менее, уже в 1970 г. в журнале «США: экономика, политика, идеология» вышли публикации, посвященные

⁵⁵³ США: современные методы управления / Под ред. Мильнера Б.З. Авторский коллектив: Г. А. Арбатов, Л. И. Евенко, Ю. В. Катасонов, Е. А. Чижов и др. М., 1971. 336 с.

⁵⁵⁴ См. например: США: организационные проблемы управления / Под ред. Мильнера Б.З. М., 1976. 280 с.; Американский капитализм и управленческие решения: Теория и методы принятия решений / Отв. ред. канд. экон. наук Л. И. Евенко. Авторский коллектив: Б. З. Мильнер, Л. И. Евенко, Ю. А. Ушанов и др. М., 1977. 288 с.

⁵⁵⁵ Евенко Л.И. Аналитические основы делового мышления // США – экономика, политика, идеология. 1971. № 2. С. 81-84.

⁵⁵⁶ Юксвярав Р.К. Коммуникация в управлении деловыми организациями // США – экономика, политика, идеология. 1971. № 5. С. 105-117.

⁵⁵⁷ Котов В.Н. Американский опыт снабжения и сбыта // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 11. С. 65-67.

⁵⁵⁸ Райн Ш., Кример Д. Нехватка технических кадров. Остра ли она? // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 3. С. 81-83

Гэвину и Торнтону. Статья о Гэвине не отражает того, что генерал говорил на встрече в Институте США. Она посвящена его книге «Нынешний кризис»⁵⁵⁹, в которой он критикует социально-политическую обстановку в США, войну во Вьетнаме и политику президента Джонсона (книга вышла еще в 1968 г., т.е. до того, как Никсон стал президентом)⁵⁶⁰.

Материал про «Литтон Индастриз» представляет большой интерес. Статья была опубликована в специально созданной рубрике «Американские корпорации», в рамках которой предполагалась знакомить читателей с «деятельностью крупных монополий, широко использующих результаты научно-технического прогресса, в частности, новые системы управления»⁵⁶¹. Правда, после статьи о компании «Литтон» эта рубрика на страницах журнала больше не появлялась.

Сама статья, озаглавленная «Компания нового типа – “Литтон Индастриз Инкорпорейтед”», представляла собой объемный десятистраничный текст, напечатанный в две колонки. В ней значительно более подробно чем в экспертной записке рассказываясь о компании Торнтон, затрагивались вопросы ее внутренней структуры, коммуникации, организации информационной системы, внедрения ЭВМ, особенности системного подхода к управлению; повторялись тезисы Торнтон об отсутствии комитетов, инициативы и ответственности на местах, рассматривались вопросы стратегии и тактики развития компании и требования к подбору управляющих кадров⁵⁶². На этом подробнейшем обзоре рассказ о «Литтон» не заканчивается. Следующая статья посвящалась уже конкретному «кейсу» деятельности компании: в ней говорилось о том, как

⁵⁵⁹ Gavin J. M. Crisis Now. Random House, 1968.

⁵⁶⁰ Шейдин Л.М. В поисках выхода // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С. 87-91.

⁵⁶¹ США: экономика, политика, идеология. 1970. № 9. С. 107.

⁵⁶² Фельчуков Ю.В., Шейдина И.Л. Компания нового типа – «Литтон индастриз инкорпорейтед» // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 9. С. 107-117.

«Литтон» приобрела старую и убыточную кораблестроительную компанию и с помощью оптимизации производственных процессов и внедрения управленческих практик превратила ее в «верфь будущего», изменив судостроительную индустрию США⁵⁶³.

Эти статьи служат яркой демонстрацией того, как внешнеполитические эксперты из Института США стремились, с одной стороны, расширить свою аудиторию, а с другой – найти новые каналы для трансфера идей. В своем журнале американисты публиковали практически те же идеи, которым посвящали секретные записки. Конечно, в статье о компании «Литтон» нет осторожной критики Торнтона в адрес завода в Тольятти, зато все остальные идеи описаны даже более детально. А другие статьи давали читателям возможность ознакомиться и с иными методами управления.

Все это позволяло экспертам не только расширить собственную аудиторию, но и усилить кумулятивный эффект. Привлекая на свою сторону заинтересованных партийных чиновников среднего звена, которые читали об американском опыте на страницах институтского журнала, искановцы пытались сформировать культурное пространство, более восприимчивое к трансферу новых идей, что, в свою очередь, могло сделать более успешным продвижение экспертного дискурса как на уровень власти, так и на уровень общества.

⁵⁶³ Вознесенский А.И. О «верфи будущего» // США – экономика, политика, идеология. 1970. № 9. С. 117-121.

3.5. Два пути модернизации в дискурсе советской идентичности

Образ «американского учителя» способствовал трансферу идей из США в СССР. Как уже было показано выше, восприятие американской модели в качестве референтной, а Соединенных Штатов как экспортера техники, технологических ноу-хау и эффективных управленческих практик неизменно актуализировалось в России (царской и советской) в условиях экономической модернизации. При этом использование образа конституирующего Другого, каковым США оставались для России и в XIX в., и в XX в., неизменно вписывалось в дискурс национальной идентичности.

Когда образ США репрезентировался в контексте внешнеполитических рекомендаций советских экспертов, а американское общество представлялось как сложная система, внутри которого действуют разные силы со своими интересами (см. гл. 2), советская идентичность могла выстраиваться на основе дихотомий: оппозиция в конгрессе vs. единство партийной системы; молодежные и университетские движения vs. комсомол; расовая сегрегация vs. советское равенство и интернационализм и т.д. Другое восприятие США строилось на проецировании собственной политической системы на американскую, что порождало «президентоцентризм»: генеральный секретарь – президент; политбюро – администрация президента и т.д.

Ни тот, ни другой способ не работали в контексте модернизации. Советский Союз не мог спроецировать на Соединенные Штаты представление о собственном экономическом развитии в условиях, когда он пытался заимствовать технологии и управленческие практики. Но и выстраивать собственный образ в оппозиции к образу США как экономически и технологически развитой державы СССР тоже не мог.

В ответ на уроки модернизации Советский Союз учил Соединенные Штаты равенству и социальной справедливости⁵⁶⁴. Советским экспериментом увлекались не только американские радикалы, «попутчики» и троцкисты 1920-х–1930-х гг. В 1960-х–1970-х гг. этот образ вновь актуализировался в США на фоне движения левых и антивоенного протеста, борьбы за гражданские права и второй волны феминизма⁵⁶⁵. После крушения СССР советское послание равенства активно изучается и вызывает дискуссии⁵⁶⁶. Этот образ был не просто частью американского восприятия советского Другого. СССР активно транслировал свое послание о равенстве: «советским ответом капитализму было гражданское равенство и изобилие для всех советских людей, а не для избранных»; а ответом на расовое неравенство в США был советский интернационализм⁵⁶⁷.

Эксперты-американисты также принимали активное участие в процессе конструирования данного послания, противопоставляя СССР богатой и технологичной, но отсталой в смысле социального и расового равенства Америке. Этот дискурс в основном транслировался не на уровень власти через экспертные записки и не на аудиторию институтского журнала, состоящую из чиновников среднего звена, руководителей предприятий, торговых работников и студентов. Он транслировался на широкую публику советских телезрителей, которые смотрели документальные фильмы и аналитические

⁵⁶⁴ Об этом см. метаисследование: Журавлева В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. Том 15. № 2. С. 20-45; См. также: Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев. М., 2021. С. 249-260.

⁵⁶⁵ См. к примеру исследование о том, как полет В.В. Терешковой вызвал в США дискуссии о роли женщин в обществе: Griswold L.R. "Russian Blonde in Space": Soviet Women in the American Imagination, 1950-1965 // Journal of Social History. 2012. Vol. 45. No. 4. P. 881-907.

⁵⁶⁶ См., например, нашумевшую работу 2018 г.: Годси К. Почему у женщин при социализме секс лучше: Аргументы в пользу экономической независимости. М., 2020..

⁵⁶⁷ Журавлева В. И. «Холодная война образов» в политической карикатуре: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/> (дата обращения: 01.05.2024); Журавлева В. И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуре в начале холодной войны (1947—1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 9 (119). URL: <https://history.jes.su/s207987840022753-7-1/>.

передачи с участием экспертов-американистов, работавших в Институте США и Канады.

Среди разных передач, посвященных международной проблематике, стоит выделить, прежде всего, цикл документальных фильмов «Америка 70-х», автором и ведущим которого был сотрудник Института В.С. Зорин. Он как раз и будет проанализирован в данном параграфе. Образование и опыт работы в журналистике вновь позволили советским экспертам-американистам расширить свою аудиторию.

«Америка 70-х» была цветной телепередачей, которая снималась не в студии, а в самих США. Это выгодно отличало ее от других передач с участием американистов. К примеру, передача «9 студия», где ведущим также был Зорин, а в качестве приглашенного эксперта часто выступал Арбатов, представляла собой серьезное и неспешное аналитическое ток-шоу, снятое в темной студии. В свое очередь, «Америка 70-х» давала советскому зрителю возможность взглянуть на США изнутри, посмотреть на американцев и американскую жизнь, увидеть их города. Это ставило «Америку 70-х» в один ряд с такими передачами как «Камера смотрит в мир», «Клуб кинопутешествий» и «Международная панорама». Последние три передачи не стали объектом анализа в диссертации, поскольку в «Камере смотрит в мир» не появлялись сотрудники Института США и Канады (эта была чисто публицистическая передача), «Клуб кинопутешествий» ориентировался на рассказ о природе, истории и культуре зарубежных стран, а «Международная панорама» начала выходить уже на излете разрядки в 1978 г.

Каждая серия «Америки 70-х», первая из которых вышла в 1976 г., была посвящена одному американскому городу и рассматривала его как пример американского образа жизни и социальных проблем. Именно социальная несправедливость и неравенство стали главной темой документального сериала.

Так, серия «Загадка Далласа» рассказывала про ковбоев, которые «каждый день пасут не свои стада» и калечатся в боях с быками на родео; про нефтяную лихорадку, превратившую захолустный город в богатейший центр; про лидирующую позицию Далласа во всем: «самый большой аэропорт, самый богатый магазин, самый большой торговый центр и самые большие быки, самое большое число обладателей миллионных состояний и самое большое число банкротств, самый быстрый рост населения и самая большая преступность, самые крупные бриллианты и самое большое число самоубийств»⁵⁶⁸. Зорин рассказывал об истории и архитектуре, но главной темой выпуска осталось постоянно артикулируемое советское послание социального равенства. После характеристики архитектуры Зорин переходил к рассказу о далласких миллионерах, которых называли «нуворишами», и, показывая владения одного из них, замечал: «миллиардерская чета тешит себя рыбной ловлей. Идиллическая картина. И рыбка клюет исправно. Да и чего бы ей не клевать? На многие сотни гектаров вокруг нет и не бывает посторонних. Заповедные эти места – частная собственность техасского миллиардера, *формально имеющего ничуть не больше прав, чем любой из его сограждан (курсив мой – И.Т.)*»⁵⁶⁹.

Противопоставление этого юридического «формального», и «истинного», т.е. социального равенства так или иначе встречается во всех сериях «Америки 70-х». Серия «Америка 70-х. На берегах Миссисипи» фокусировалась преимущественно на расовом неравенстве, которое существовало в США со времен рабства. «Много воды утекло в Миссисипи со времен невольничьих рынков. Много изменилось. <...> Одно остается

⁵⁶⁸ «Америка 70-х. Загадки Далласа. Валентин Зорин» // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL:<https://www.youtube.com/watch?v=A1jUxyuj5Pk&list=PLVXHqiKd5gz1CGbCSv7-70Dww7casPNBx&index=1> (20:00) (дата обращения: 01.05.2024).

⁵⁶⁹ Там же.

неизменным: внуки и правнуки живут так же, как жили их прадеды – бьются в тисках нужды, болеют без медицинской помощи, не смеют и мечтать об образовании для своих детей»⁵⁷⁰. Здесь возникает еще один важный дискурс о США – отсутствие социальных перемен видится как остановка самого времени, самой истории.

Популярный дискурс об Америке напоминал тот западный дискурс о Востоке, который проанализировал Э. Саид в своем знаменитом труде «Ориентализм»⁵⁷¹. Американистика как особая экспертно-академическая дисциплина в целом напоминала ориентализм: она формировалась под воздействием политического и идеологического контекста и была нацелена на изучение Другого для последующего идеологического доминирования над ним⁵⁷². Перефразируя Саида, можно сделать вывод о том, что к 1970-м гг., когда процесс институционализации завершился, американистика превратилась «в особый корпоративный институт, направленный на общение с США – общение при помощи высказываемых о них суждений», на интерпретацию их прошлого и настоящего при помощи единственно правильной точки зрения⁵⁷³. Для ориентализма такой точкой зрения была западная и европейская, для американистики – советская, основанная на марксизме-ленинизме.

Марксизм, как и ориентализм, был наследником эпохи Просвещения, восприняв идею о постоянном и всеобщем прогрессе человечества. История

⁵⁷⁰ «Америка 70-х. На берегах Миссисипи. Валентин Зорин» // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RpTQuj1sOeA&list=PLVXHqKd5gz1CGbCSv7-70Dww7casPNBx&index=6> (12:20) (дата обращения: 01.05.2024).

⁵⁷¹ Said E. W. *Orientalism: Western conceptions of the Orient*. NY., 1995.

⁵⁷² Схожесть и различия американистики и ориентализма были подробно проанализированы автором в следующих статьях: Тарбеев И.М. Становление советской американистики как экспертно-академической дисциплины в 1950–1960-е гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 77–92; Tarbeev I.M. *Orientalization of America: The Soviet Imagination of the American ‘Other’ and Modernization in Brezhnev’s Era* // *Journal of Russian American Studies*. 2022. Vol. 6. №2. P. 146-158. URL: <https://journals.ku.edu/jras/article/view/18631/16709> (дата обращения: 01.05.2024)

⁵⁷³ Said E. W. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient*. NY., 1995. P. 3.

представлялась историей прогресса. Ориентализм воображал Восток как застывшее, пассивное и неразвитое общество, конструируя при этом западную идентичность как динамичную, активную и цивилизованную. Советский Союз, вооруженный марксистской идеологией, также конструировал Себя как современное, динамичное и прогрессивное общество, противостоящее капиталистическим странам, которые воображались отсталыми и застывшими в своем развитии, а потому «загнивающими и умирающими».

Как и ориентализм, марксизм утверждал, что есть только один правильный путь социального прогресса и единственный способ достижения светлого будущего. В рамках этого подхода социальные и гуманитарные науки становились важнейшей частью идеологической борьбы и инструментом идеологического доминирования. Ведь тот, кто исследует прошлое и интерпретирует настоящее Другого, может предсказать его будущее. Именно в этом идеологическом контексте американисты постоянно пытались постигать и конструировать современные им Соединенные Штаты через исторические метафоры и сравнения.

Это можно увидеть, например, в серии «Два Нью-Йорка». Название отражало содержание: с одной стороны, это был очень богатый город Уолл-стрит и Пятой авеню, а с другой – очень бедный город с Гарлемом и трущобами. Для создания такого эпизода не было лучшего времени чем 1976 г.: за год до этого в 1975 г. Нью-Йорк оказался на грани банкротства. Город столкнулся с множеством проблем: финансовый и жилищный кризисы, высокий уровень преступности, отток населения и т.д. Кризис Нью-Йорка достиг символического апогея через год после съемок «Америки 70-х»: в июле 1977 г. случился «блэкаут»: в течении 25 часов в городе не было электричества, что породило всплеск преступлений, мародерства, а впоследствии и массовых арестов. Таким образом, Зорин приехал в город в разгар его упадка.

Показывая здания главных американских банков, Зорин называл Рокфеллеров и Морганов «графами и герцогами Уолл-стрита». Затем камера демонстрировала частные особняки, клубы и модные магазины на Пятой авеню, чтобы подчеркнуть оторванность нью-йоркской аристократии от жизни простых горожан. Закадровый комментарий контекстуализировал видеоряд: «графы и герцоги», т.е. владельцы роскошных домов с прислугой и швейцарами, редко появлялись в своих владениях, в то время как город страдал от жилищного кризиса, а дома для обычных людей сносились для строительства бизнес-центров⁵⁷⁴.

Использование метафор, отсылающих к аристократии, в победе над которой и родилось советское государство, было частым приемом, используемым для описания американских богачей. К примеру, знаменитый историк-американист А.А. Фурсенко так начинал свою научно-популярную книгу о династии Рокфеллеров: «Сложились целые династии королей делового мира, и среди них первое место по праву принадлежит Рокфеллерам, богатейшему в мире семейству. “Хотя отсутствие знати в Америке стало традиционным предметом гордости, пишет известный журналист Манчестер, многие американцы, особенно женщины, втайне тоскуют о титулах. Свидетельством тому – популярность английской королевы Елизаветы. Попытки отыскать свой домашний американский заменитель знатности приводят к тому, что публика делает своим кумиром то голливудскую кинозвезду, то гангстера. Но обычно внимание концентрируется на денежном классе, и поэтому газеты публикуют целые страницы о светской жизни богачей. Если богатые – аристократия капитализма, то Рокфеллеры – их королевское высочество”»⁵⁷⁵.

⁵⁷⁴ «Америка 70-х. Два Нью-Йорка (1976)» // Советское телевидение. Гостелерадиофонд. URL: https://www.youtube.com/watch?v=yI2_olezbbA&t=153s (5:25) (дата обращения: 01.05.2024).

⁵⁷⁵ Фурсенко А.А. Династия Рокфеллеров. Л., 1967. С. 3-4.

Использование исторических метафор позволяло американистам подчеркнуть отсталость американского социального порядка, в противоположность которому Советский Союз конструировался как современное и прогрессивное общество, ведь там не было места частным особнякам или аристократам.

В отличие от ученых-ориенталистов, которые считали, что Восток «не мог представлять себя, его должны были представлять другие»⁵⁷⁶, американисты постоянно демонстрировали, что существуют «прогрессивные» американцы, разделяющие советскую точку зрения или по крайней мере критикующие американский социальный порядок. Вместо того чтобы делать собственные заявления, Фурсенко просто соглашался с американским журналистом. Аристократия ассоциировалась с негативными чертами социального порядка как в советском, так и в американском контексте. Аристократию победил не только советский, но и американский народ во время Американской революции 1776 г. Это было что-то из прошлого, что должно остаться в прошлом, но американское общество оказалось недостаточно прогрессивным, чтобы оставить аристократию в исторических книгах. Вместо этого оно создало новый вид аристократии – денежную.

Фурсенко развивал свое сравнение: «В начале XX в. одна русская газета поразила своих читателей сравнением прибылей финансовых королей и доходов коронованных особ. Опубликованный газетой список начинался с Рокфеллера. Только турецкий султан оказался на третьем месте, а все остальные монархи, включая германского кайзера, русского царя и испанского короля плелись в хвосте у денежных тузов»⁵⁷⁷. Восточные султаны были известны советской (и западной) публике через академические работы,

⁵⁷⁶ Эту цитату из Маркса Саид использует в качестве эпиграфа к книге и иллюстрации того, что мнение самих жителей востока не учитывалось западными учеными. Эта же мысль развивается и в других местах книги: Said E. W. *Orientalism: Western conceptions of the Orient*. NY., 1995. P. 7, 21-22.

⁵⁷⁷ Фурсенко А.А. *Династия Рокфеллеров*. Л., 1967. С. 4.

литературу, живопись и легенды эпохи увлечения Востоком. В этом дискурсе султаны изображались как удивительно богатые, утопающие в шелках и золоте и окруженные гаремами. Сравнивая Рокфеллеров с султанами, Фурсенко актуализировал образы Востока, делая знаменитую династию миллиардеров одновременно экзотичной и устаревшей.

Фурсенко не был единственным, кто использовал ориентальные метафоры для описания Соединенных Штатов. Вот еще один пример из книги известного журналиста и эксперта-американиста Юрия Жукова⁵⁷⁸: «США на пороге 70-х годов»⁵⁷⁹. В 1969 г. Жуков взял интервью у Р. Рейгана, тогдашнего губернатора Калифорнии. Резиденция Рейгана произвела впечатление на советского корреспондента: «Пока меня вели к нему по анфиладе парадных залов, увешанных и уставленных картинами, гравюрами, сувенирами, флагами, я старался вспомнить, что это напоминает: покои султана Марокко, императорский дворец в Аддис-Абебе или парадные залы Белого дома в Вашингтоне, где мне довелось когда-то побывать»⁵⁸⁰. Так ориентальные метафоры использовались для описания политической и финансовой элиты США с целью подчеркнуть социальные контрасты.

При этом американское прошлое и американскую историю советские американисты неизменно изображали как прогрессивную. Например, в серии «Город на Потомаке», посвященной столице США, Зорин описывал Дж. Вашингтона как «страстного борца против колонизаторов, против угнетателей»⁵⁸¹, рассказывая историю Декларации независимости и

⁵⁷⁸ Полное имя журналиста – Георгий Александрович Жуков, однако свои книги и заметки знаменитый политический обозреватель «Правды» всегда подписывал просто «Юрий Жуков».

⁵⁷⁹ Жуков Ю. США на пороге 70-х годов. М., 1970.

⁵⁸⁰ Там же. С. 56. Под резиденцией губернатора Калифорнии советский журналист скорее всего имеет в виду Капитолий штата Калифорния, где находится офис губернатора. Рейган съехал из особняка, который служил резиденцией калифорнийским губернаторам, в 1967 г., за два года до описываемых событий. Собственный особняк Рейгана был выполнен в современном стиле, и его вряд ли можно сравнить с Белым домом.

⁵⁸¹ «Америка 70-х. Город на Потомаке. Валентин Зорин» // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7RIUsaxc4ZY> (2:15) (дата обращения: 01.05.2024).

Индепенденс-холла в серии о Филадельфии, называл Томаса Джефферсона «выдающимся мыслителем и революционером», а подписантов декларации «мужественными людьми, бросившими вызов самой могущественной колониальной державе того времени»⁵⁸².

Эти образы героев прошлого противопоставлялись настоящему: желания «страстного борца» Вашингтона, по мнению экспертов, противоречат тому, «чего хотят и к чему стремятся сегодняшние хозяева этого города»⁵⁸³. Зачитав знаменитые слова из Декларации независимости, автором которой был Т. Джефферсон, о том, что «все люди сотворены равными, что все они одарены своим создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью», Зорин отмечал: «упорными и многолетними усилиями идеологов буржуазии периода ее заката на некогда взрывные строки Декларации независимости наведен хрестоматийный глянец. Сделано все, чтобы революционное требование свободы и равенства для всех выглядело не более нежели благочестивые, в музеях хранимые пожелания благонамеренных старомодных мечтателей»⁵⁸⁴.

Подчеркивая славное революционное прошлое США, Зорин и другие американисты создавали образ провалившейся социальной модернизации. Соединенные Штаты не просто остановились и забыли свои собственные достижения – они даже повернула вспять! Американцы переизобрели аристократию, выстроили ей роскошные дворцы, которых в Америке никогда не существовало, и забыли отцов-основателей. Сравнивая прошлое и настоящее, Зорин делал акцент на этом регрессе и историческом забвении:

⁵⁸² «Америка 70-х. Филадельфия, прошлое и настоящее. Валентин Зорин» // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YQEAd66ZRLg> (8:30) (дата обращения: 01.05.2024).

⁵⁸³ «Америка 70-х. Город на Потомаке. Валентин Зорин» // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7RIUsaxc4ZY> (2:20) (дата обращения: 01.05.2024).

⁵⁸⁴ «Америка 70-х. Филадельфия, прошлое и настоящее. Валентин Зорин» // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YQEAd66ZRLg> (9:30) (дата обращения: 01.05.2024).

«Большинство потомков отцов-пилигримов обосновались в Пенсильвании. Разбогатев на труде тех, кто явился позже, эксплуатируя обездоленных почище европейских феодалов, они строили в Филадельфии дома, приобретали экипажи и дорогие наряды, во всем подражая аристократии Европейских королевств <...> (далее Зорин описывает дворец Астер и высшее общество Пенсильвании – *И.Т.*). Надо ли говорить о том, что призывы авторов Декларации независимости к равенству и свободе для всех вызывали злобу и сопротивление спесивых аристократов, ненавидевших Вашингтона, Джефферсона и дело, за которое они боролись. Потому-то видимо и вознесены над Филадельфией не творцы Декларации независимости, не герои освободительной войны, а огромная бронзовая статуя владельца Пенсильвании, английского аристократа Уильяма Пенна, установленная в прошлом веке на башне городской ратуши и ставшая торговой маркой и символом этого города. Идет время, сменяются эпохи, предрассудки остаются...»⁵⁸⁵. В конце серии на фоне видеоряда, показывающего бедные кварталы Филадельфии, Зорин печально констатировал: «Контрасты Филадельфии – это контрасты сегодняшней Америки, родившейся в огне антиколониальной революции, но за 200 лет запятовавшей о неотчуждаемом праве всех на свободу и стремление к счастью. Здесь есть о чем задуматься»⁵⁸⁶.

Представления о провалившейся социальной модернизации дополняли образ «американского учителя», позволяя Советскому Союзу выстроить свою идентичность. С одной стороны, признавались достижения Соединенных Штатов в области экономического развития и вклад в научно-техническую

⁵⁸⁵ Там же. (15:00)

⁵⁸⁶ Там же. (24:40)

революцию, с другой – отмечался полный провал социальной модернизации, исключенность из исторического процесса и даже движение вспять.

Такой взгляд на модернизацию сильно отличается от модернизационных теорий, которые разрабатывались на Западе. В «Ориентализме» Саид, демонстрируя, как западные страны полагали, что Восток не может развиваться сам, поэтому его необходимо модернизировать извне⁵⁸⁷. Как показал историк Гильман в своей работе, посвященной американским теоретикам и практикам модернизации эпохи Холодной войны, экономическое развитие являлось ключом к социальному. Поэтому некоторые эксперты предлагали взять под контроль развивающиеся страны, выстроить там социальные и экономические институты западного типа, которые потом приведут страну к социальной модернизации и истинной демократии, не позволив им стать частью социалистического мира⁵⁸⁸. Даже историографические дискуссии о том, были ли СССР модерновым государством, сводятся в итоге к вопросу о том, насколько можно развитость отдельных социальных институтов считать признаком модернизованности, если она осуществлялась в условиях плановой экономики и авторитарной системы⁵⁸⁹.

Таким образом, социальное и экономическое развитие всегда были связаны в концепциях модернизации, причем первое всегда шло за вторым. В противоположность этому советские эксперты разделили модернизацию на два независимых процесса. В то время как американский опыт

⁵⁸⁷ Said E. W. *Orientalism: Western conceptions of the Orient*. N.Y., 1995. P. 73-110.

⁵⁸⁸ Gilman N. *Mandarins of the Future. Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore and London, 2003. P. 1-2.

⁵⁸⁹ Одной из самых полных работ, посвященных вопросу модерности советской системы и историографическим дискуссиям вокруг этой проблемы, является книга М. Дэвида-Фокса: Дэвид-Фокс М. *Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе*. М., 2020. 464 с. Проведя огромный историографический анализ и выдвинув целый ряд тезисов, автор, в сущности, даже не пытается проблематизировать само понятие модерности и поставить вопрос о том, почему СССР и другие социалистические страны вообще должны соответствовать теориям, разработанным в рамках изучения государств иного типа. В конечном счете книга сводится к попыткам втиснуть исторические факты в теорию, без каких-либо реальных попыток переосмыслить сами факты, предложить какое-то новое объяснение или выдвинуть оригинальную теорию.

экономического развития воспринимался как референтный, а история экономической модернизации США представлялась путем, по которому СССР только предстояло пройти; однако в том, что касалось социальной модернизации он ушел далеко вперед. Таким образом СССР и США пошли разными путями.

Тем не менее, советские внешнеполитические эксперты хорошо понимали, что построить «светлое будущее» без экономической модернизации не получится. Принимая активное участие в трансфере американских идей, практик и технологий, выстраивая связи с американскими бизнесменами и изучая американский опыт, они стремились «подтянуть» те сферы общественного развития, в которых Советский Союз отставал, сохранив при этом достижения социальной модернизации. Подобные стремления и убеждения также являлись частью той системы ценностей и того мировоззрения, которое разделяли «шестидесятники», «дети XX съезда» и «марксисты с ревизионистским душком», т.е. члены сети «своих».

Подводя итог третьей главе, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, эксперты-американисты принимали активное участие в поиске путей модернизации советской экономики. Представления о том, чему может научить Америка, реактуализировались в те периоды, когда СССР оказывался перед необходимостью модернизации экономики, что происходило в 1960-е – 1970-е гг. К этому времени сложилась традиция восприятия Соединенных Штатов как технологически развитой и экономически преуспевающей страны, в результате чего именно американский опыт модернизации раз за разом оказывался для России (и царской и советской) референтным.

Во-вторых, сотрудники Института США и Канады использовали несколько каналов для трансфера американских идей и практик в Советский Союз. При помощи экспертных записок, направляемых в ЦК КПСС, они стремились транслировать идеи на уровень власти, оказывая непосредственное влияние на процесс принятия внутривластных решений. Эти записки вызвали значительный интерес среди партийных чиновников, которые сами осознавали необходимость модернизации и продолжения экономических реформ, перенаправляли рекомендации американистов друг другу, собирали совещания, запрашивали мнения и опыт коллег. Несмотря на активную работу, решения о реализации принимались не всегда: часть экспертных рекомендаций просто «заматывалась» внутри аппарата ЦК КПСС, а записки оказывались в архиве, хотя предложения экспертов и укладывались в контекст проводимых в СССР экономических реформ и вызвали интерес у представителей власти.

В-третьих, проведенный анализ двух кейсов позволил выделить те факторы, которые оказывали влияние на принятие решений. Прежде всего, стоит отметить инертность советской политической системы: несмотря на то, что чиновники осознавали необходимость модернизации, они не всегда были готовы принимать решения, требующие масштабного изменения сложившихся практик управления. Сами эксперты считали инертность системы основной причиной, не позволявшей реализовывать их предложения. При этом рекомендации экспертов не всегда были конкретными и легко реализуемыми: некоторые из них предполагали внедрение новых управленческих практик, огромные расходы, повышения квалификации советских руководителей, изменения перспективных планов развития. Изучение опыта успешного внедрения американских практик показывает, что для этого требовались, во-первых, четкие и конкретные предложения экспертов; а во-вторых, заинтересованность в реализации данного проекта

какого-либо высокопоставленного советского чиновника, который мог выступить его «куратором».

В-четвертых, вторым важнейшим каналом для трансфера американских идей и практик была академическая деятельность советских американистов. Публикуя научные статьи и монографии, эксперты-американисты значительно расширяли свою аудиторию за счет привлечения партийных чиновников среднего уровня, не имевших доступа к секретным запискам, директоров предприятий, студентов и т.д. На страницах журнала «США: экономика, политика, идеология», который отличался от других академических изданий огромным тиражом и использованием журналистских подходов, регулярно появлялись статьи, посвященные новым технологическим ноу-хау и идеям, которые внедрялись в США. Таким образом, искановцы транслировали их на более широкую аудиторию, создавая общественный запрос на имплементацию новых практик управления и производства.

В-пятых, анализ популярного дискурса о США, который американисты транслировали на уровень массовой аудитории посредством документальных фильмов, тревелогов и научно-популярных книг, показал, что советские эксперты конструировали образ Соединенных Штатов как социально отставшей от Советского Союза, забывшей свое славное прошлое и выключенной из исторического процесса страны.

Одновременное существование двух образов американского Другого привело к формированию представлений о «двух путях модернизации» в среде советских экспертов-американистов. В рамках этих представлений Советский Союз превосходил США в области социального и расово-этнического равенства, хотя и отставал в экономическом плане. Поэтому советские эксперты видели своей задачей взаимный трансфер идей, который способствовал бы гармоничному развитию обеих стран.

Заключение

Проведённое диссертационное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, процесс формирования советской экспертной американистики проходил под влиянием внутри- и внешнеполитических политических процессов. Провозглашенный на XX съезде КПСС курс на «мирное существование» и окончание периода «маккартизма» в США привели к «холодной оттепели» в советско-американских отношениях в конце 1950-х гг. Их потепление наряду с нестабильностью внутри блока социалистических государств (усложнения отношений с Китаем и Югославией), а также распадом старых колониальных империй создавали основу для запроса на экспертное знание, которое позволило бы переосмыслить советскую внешнюю политику. Параллельно в Советском Союзе происходил процесс институционализации и профессионализации экспертного знания. С одной стороны, появлялись новые академические и образовательные центры, выпускались первые учебники и научные журналы, а с другой – экспертов начали привлекать к формированию советской внешней политики первоначально в качестве консультантов международных отделов ЦК КПСС, а затем сотрудников экспертно-аналитических институтов АН СССР.

Во-вторых, на основе проведенного просопографического анализа и реконструирования коллективной биографии советских экспертов была предложена новая хронология развития института внешнеполитической экспертизы в СССР. Первый этап развития, который можно условно назвать «протоэкспертным», пришелся на начало 1950-х–начало 1960-х гг., когда большинство советских экспертов работало в международных редакциях газет и журналов. Второй этап («консультантский») начался в 1963 г. в связи с появлением в ЦК КПСС первых групп внешнеполитических консультантов, а закончился в конце 1960-х гг. в результате создания многочисленных научно-

исследовательских центров. Во второй половине 1960-х гг., когда большинство экспертов переместилось в новые институты в системе АН СССР, начался третий этап – «институциональный». При этом группы консультантов в ЦК КПСС не исчезли, а продолжили существовать наравне с экспертными институтами и международными редакциями газет и журналов. В таком виде советская внешнеполитическая экспертиза существовала как минимум до начала Перестройки.

В-третьих, к началу 1970-х гг. экспертное сообщество представляло собой «сеть», состоящую из сотрудников академических институтов, журналистов, консультантов и советских чиновников, объединенных неформальными связями и отношениями. В рамках этой сети работала советская «система вращающихся дверей»: благодаря своим связям эксперты могли менять места работы и перемещаться между академическими институтами, редакциями газет и отделами ЦК КПСС, оставаясь при этом внешнеполитическими консультантами, советниками и «спичрайтерами» советских лидеров. Институт США и Канады стал одним из центров этой сети, а советская американистика – ведущей социально-политической дисциплиной в СССР благодаря двум факторам. Во-первых, в условиях Холодной войны с характерной для нее дихотомической картиной мира, а также столкновением советского и американского мессианских посланий США выполнял роль конституирующего Другого для Советского Союза, а разрядка международной напряженности создала запрос на расширение советско-американских отношений. Во-вторых, основатель и директор Института США и Канады Г.А. Арбатов был одним из ведущих членов экспертной «сети», что позволяло ему одновременно привлекать на работу в Институт ведущих специалистов и доносить результаты исследований до советского руководства. В результате экспертные записки Института внутри ЦК КПСС

эффективно конкурировали с аналитическими материалами экспертных отделов ЦК КПСС, МИД, КГБ и Министерства обороны СССР.

В-четвертых, анализ экспертных записок, которые советские американисты направляли в ЦК КПСС, позволяет прийти к заключению, что Институт США и Канады выполнял две важные функции. С одной стороны, он всесторонне изучал Соединенные Штаты и на основе своих исследований создавал рекомендации для формирования американского вектора советской внешней политики. С другой – благодаря многочисленным неформальным контактам советских экспертов с американцами, Институт выполнял роль информационного канала, с помощью которого можно было знакомиться с мнением американских политиков, бизнесменов, журналистов и ученых о Советском Союзе, советско-американских отношений и внутривнутриполитической обстановке в США. Анализ пометок, оставленных чиновниками из ЦК КПСС на экспертных записках разного типа, свидетельствует о том, что советское руководство было в равной степени заинтересовано как в аналитической, так и в информационной работе Института США и Канады.

В-пятых, комплексное изучение рекомендаций американистов позволяет говорить о наличии «внешнеполитической программы» Института США и Канады. Эксперты полагали, что необходимо изменить подход к формированию американского вектора советской внешней политики. Они предлагали отойти от традиционной ориентации на взаимодействие с президентом и его администрацией и налаживать долговременные отношения с представителями различных слоев американского общества (конгрессменами, бизнесменами, лидерами общественных движений, журналистами, учеными), независимые от конъюнктуры советско-американских отношений. Эксперты-американисты активно «продвигали» свою «внешнеполитическую программу» и отдельные ее тезисы, используя такие механизмы убеждения и аргументации как идеологические клише,

апелляцию к мнению самих американцев и постоянное повторение одних и тех же рекомендаций. Это позволяло «нормализовать» критику существующих подходов и более эффективно доносить идеи до советских чиновников. Параллельно искановцы самостоятельно налаживали неформальные контакты с американцами. Все это позволяет говорить о существовании субъектности Института США и Канады: эксперты не просто выполняли задания советских чиновников, но и проявляли инициативу, предлагая новые идеи и занимаясь их продвижением.

В-шестых, диссертационное исследование продемонстрировало наличие еще одного важного направления деятельности советских экспертов-американистов, которым стало изучение американского опыта модернизации, новых подходов в области управления, внедрение результатов научно-технической революции в производство и сельское хозяйство. Эта деятельность была особенно важна в связи с поиском путей модернизации советской экономики, который начался с середины 1960-х гг. в связи с косыгинскими реформами. В связи с этим Институт США и Канады осуществлял трансфер американских идей, чему способствовал устойчивый образ «американского учителя», чей опыт развития являлся референтным; образ США как страны технических и технологических нововведений, передовых практик управления производством, пространством и временем. Несмотря на то, что советские партийные чиновники демонстрировали повышенный интерес к американскому опыту модернизации, они не всегда могли и желали имплементировать эти идеи в советские экономические и административные практики.

Одновременно с этим Институт США и Канады начал выпуск журнала «США—экономика, политика, идеология», который был основан как «научный и общественно-политический журнал» и выходил тиражом более 30 тыс. экземпляров ежемесячно. Периодическое издание было ориентировано на

партийных чиновников среднего звена (секретарей обкомов, райкомов и горкомов), а также директоров производственных и сельскохозяйственных центров и студентов. На страницах журнала члены редколлегии развивали многие идеи, которые они транслировали советским чиновникам в секретных записках, а также публиковали отрывки и пересказы новейших работ ученых США, что позволяло расширить аудиторию восприятия новых идей и практик.

В-седьмых, по мнению советских экспертов-американистов, Соединенным Штатам, обладавшим более эффективной экономикой, чем Советский Союз, следовало поучиться у последнего равенству и социальной справедливости. Они были убежденными «шестидесятниками» и сторонниками «социализма с человеческим лицом». Во время многочисленных командировок в конце 1960-х – начале 1980-х гг. в США, которые переживали в это время острый экономический, социальный и политический кризисы, советские эксперты обращали внимание на издержки американской социальной системы: социальное расслоение, расизм, жилищный кризис и т.д. Этот образ «социально отсталой Америки» транслировался посредством травелогов, писавшихся по следам американских поездок, и популярных телевизионных передач, таких как «Америка 70-х».

В результате сочетания этих двух образов американского Другого – с одной стороны, экономически успешного, развитого и модернизированного общества, у которого есть чему поучиться, а с другой – социально отсталой страны с высоким уровнем неравенства – формировались представления о процессе модернизации и советской идентичности. В итоге обозначались два пути модернизации: экономическо-технологический, в котором больше преуспели США, и общественно-политический, который получил свое развитие в СССР. Задачей экспертов становился взаимный трансфер идей, в результате чего оба общества могли бы всесторонне развиваться.

В-восьмых, изучение реакции чиновников на внешнеполитические рекомендации экспертов и трансфер американских идей позволяет сделать вывод о том, что советское руководство использовало советы, не требовавшие изменения политической культуры и подходов к внешней и внутренней политике. Искановцам из «оазиса мысли», созданного Арбатовым, не удалось добиться корректировки американского вектора советской внешней политики, поскольку лидеры СССР предпочитали методы традиционной дипломатии и развития личных отношений с президентами США. Точно также чиновники имплементировали только те американские идеи, которые могли быть реализованы в рамках существовавших в Советском Союзе административных практик и подходов к управлению. Все остальные рекомендации откладывались в «долгий ящик».

В целом, проведенное диссертационное исследование открывает немало направлений для дальнейшего изучения советской внешнеполитической экспертизы, ее роли в принятии внешнеполитических решений и ее влияния на советско-американские отношения периода Холодной войны.

Во-первых, заслуживает внимания деятельность двух консультационных групп, которые были созданы в ЦК КПСС в начале 1960-х гг. и играли активную роль в выработке внутри- и внешнеполитических решений на «консультантском» этапе развития советской внешнеполитической экспертизы. Особый интерес представляет также система «вращающихся дверей», позволявшая экспертам наращивать неформальные связи, занимать различные должности и оказывать влияние не только на принятие внешнеполитических решений, но и на развитие общественных наук в СССР.

Во-вторых, более разностороннее и масштабное изучение различных записок Института США и Канады, а также материалов других советских экспертно-академических центров, позволит не только лучше понять роль

экспертов в выработке внешнеполитического курса, но и в целом прояснить механизм принятия решений. Исследования могут идти как посредством расширения круга изучаемых экспертно-академических центров, так и за счет использования аналитической продукции ведомственных экспертов. Кроме того, возможно расширить хронологические рамки исследований за счет изучения не только периода, предшествовавшего разрядке, но и нового витка Холодной войны в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг., а также периода Перестройки.

В-третьих, новые исследовательские горизонты открывает изучение роли советских экспертов-американистов в процессе модернизации. Можно предположить, что, когда речь касалась трансфера идей для нужд советского экономического развития, экспертно-аналитические институты взаимодействовали не столько с ЦК КПСС, сколько с профильными ведомствами и министерствами. Учитывая, что в диссертационном исследовании трансфер идей был изучен при помощи конкретных кейсов, анализ проблематики может быть значительно расширен, поскольку ИСКАН занимался целым спектром американских проблем: от военно-промышленного комплекса США до урбанизации.

Наконец, целый ряд направлений деятельности советских внешнеполитических экспертов вообще не был затронут в рамках данного диссертационного исследования. Среди них, например: участие советских экспертов в научной и культурной дипломатии, история их взаимоотношений с американскими коллегами, восприятие экспертов-американистов и их деятельности в США теми, с кем они выстраивали формальные и неформальные контакты.

Новые возможности для исследований также появятся, когда для ученых станет доступен архив директора Института США и Канады Г.А. Арбатова и архивы других институтов и ведомств. Таким образом, проведенное

диссертационное исследование открывает перспективы для дальнейшей исследовательской работы, которая поможет нам лучше понять механизмы выработки внешнеполитических решений в СССР и динамику развития советско-американских отношений в эпоху Холодной войны.

Список источников и литературы

I. Источники

I.1. Неопубликованные источники

1. Архив Российской академии наук

Ф. 2021. Фонд Института Соединенных Штатов Америки и Канады Российской академии наук.

2. Российский государственный архив новейшей истории

Ф. 3. Фонд Политбюро ЦК КПСС (1952–1991 гг.). Оп. 68-72.

Ф. 5. Фонд Аппарата ЦК КПСС (1935–1991 гг.). Оп. 60-90.

Ф. 80. Фонд Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева

Ф. 82. Фонд Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова

Ф. 83. Фонд Генерального секретаря ЦК КПСС К.У. Черненко

I.2. Опубликованные источники официального происхождения

3. Выписка из постановления президиума АН СССР о создании Института Дальнего Востока // Институт Китая и современной Азии Российской академии наук. URL:

<https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/2d285155.pdf> (дата обращения: 15.05.2024).

4. Леонид Брежнев: Рабочие и дневниковые записи. В 3-х томах. Том 2: Записи секретарей Приемной Л.И. Брежнева 1965-1985 гг. М. 2016. 1227 с.

5. Решение о создании Института // Институт Африки Российской академии наук. URL: <https://www.inafran.ru/node/462> (дата обращения: 15 мая 2018).

6. Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1968 г. / Под ред. А.Н. Артизова, И.А. Пермякова, А.В. Юрасова; сост. М.Ю. Прозуменщиков, Т.А. Джалилов, Н.Ю. Пивоваров. М.: Издательство «ИстЛит», 2021. 968 с.

7. Current Intelligence Weekly Review. Washington, October 25, 1963. // Foreign Relations of the United States, 1961–1963, Volume V, Soviet Union. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v05/d367> (дата обращения: 01.05.2024)
8. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Kissinger) to President Nixon // Foreign Relations of the United States, 1969–1976, Volume XVII, China, 1969–1972. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v17/d53> (Дата обращения: 17.01.2024).
9. Memorandum of Conversation. Washington, June 12, 1964, 10:30 a.m // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Volume XV, Germany and Berlin URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v15/d48> (дата обращения: 01.05.2024)
10. UNITED STATES DELEGATION TO THE THIRTY-FIRST MINISTERIAL MEETING OF THE NORTH ATLANTIC COUNCIL Ottawa, Canada, May 22–24, 1963 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963, Volume XV, Berlin Crisis, 1962–1963. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v15/d189> (дата обращения: 01.05.2024)

I.3. Дневники, мемуары, воспоминания, интервью

11. А. А. Галкин: «Я считаю себя апологетом политической социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. - СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. URL: <https://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/galkin.html> (дата обращения: 01.05.2024).
12. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В.

- Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева / Под общ. ред. Н. Ф. Огородниковой. М., 1994. 299 с.
13. Арбатов Г.А. Моя эпоха в лицах и событиях: автобиография на фоне исторических событий. М., 2007. 206 с.
14. Арбатов Г.А. Человек системы. М., 2015. 416 с.
15. Арбатов и Зорин о Бережкове: «Он никогда не хвастался своим знакомством со Сталиным и Гитлером» // Коммерсант, 26.11.1998. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/209464> (дата обращения: 02.02.2024)
16. Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003. 784 с.
17. Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998. 603 с.
18. Бурлацкий Ф.М. «О детском стремлении к полету, беседах с Хрущевым и разработке новой Конституции СССР» // Проект «Устная история» URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-1488/text> (дата обращения: 05.03.2024).
19. Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущёве, Андропове и не только о них. М., 1990. 384 с.
20. Век Георгия Арбатова: воспоминания. М., 2023. 198 с.
21. Глаголев В.С. Афера с СОФЭ: История одной экономической дискуссии. URL: http://www.whoiswho.ru/old_site/russian/Curnom/62005/sofe.htm (дата обращения: 25.04.2021).
22. Зорин В.С. Неизвестное об известном. М., 2000. 272 с.
23. Некролог Н.В. Шишлина // Коммерсант, 18.02.1994. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/71568> (дата обращения 01.05.2024);
24. Памяти ученого и организатора науки // Российское предпринимательство. 2004. Том 5. № 2. С. 88-90.
25. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М., 2019. 607 с.
26. Российское китаеведение – устная история: сборник интервью с ведущими китаеоведами XX-XXI вв. Т. 1. М., 2018. 496 с.
27. Хрущев Н.С. Воспоминания. Книга 2. М., 2016. 896 с.

28. Чазов Е.М. Здоровье и власть. Воспоминания кремлевского врача. М., 1992. 222 с.
29. Черняев А.С. «...и лично товарищ Брежнев» // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). 20006. 21 дек. URL: http://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_25484/ (дата обращения: 29.08.2022)
30. Черняев А.С. Дневники // «Прожито» URL: <https://corpus.prozhito.org/person/315> (дата обращения: 04.03.2024).
31. Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. 460 с.
32. Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001. 590 с.
33. «Это было недавно, это было давно...»: Воспоминания / Отв.ред. И.И. Орлик; сост. И.И. Орлик, Т.В. Соколова. М.: ИЭ РАН, 2010. 264 с.
34. Anatoly S. Chernyaev Diary, 1972 // The National Security Archive. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB379/> (дата обращения: 01.05.2024).
35. Kennan G. F. The Kennan Diaries. / Ed. by F. Costigliola. New York: W. W. Norton & Company, 2014. 712 p.
- I.4. Труды современников (работы советских американистов)**
36. Адамов Е.А. Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия // Красных архив. 1930. Т.1 (38). С. 148-164.
37. Американский капитализм и управленческие решения: Теория и методы принятия решений / Отв. ред. канд. экон. наук Л. И. Евенко. Авторский коллектив: Б. З. Мильнер, Л. И. Евенко, Ю. А. Ушанов и др. М., 1977. 288 с.
38. Бережков В. М. Тегеран, 1943. На конференции Большой тройки и в кулуарах. М., 1968. 128 с.

- 39.Бережков В.М. С дипломатической миссией в Берлин. 1940-1941. М., 1966. 160 с.
- 40.Владимиров В.Н. Франклин. М., 1934. 222 с.
- 41.Ефимов А.В. К истории капитализма в США. М., 1934. 320 с.
- 42.Ефимов А.В. Очерки по истории США 1492-1870 гг.: От открытия Америки до окончания гражданской войны». М., 1955. 328 с.
- 43.Заславский Д. О. Очерки истории Северо-Американских Соединенных Штатов XVIII и XIX вв. М., 1931. 224 с.
- 44.Заславский Д.О. Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки (1861-1865). Л., 1926. 159 с.
- 45.Зубок Л.И. Очерки истории США (1877-1918). М., 1956. 608 с.
- 46.Зубок Л.И., Яковлев Н.Н. Новейшая история США (1917-1968). М., 1972.
- 47.История США. Т. 1-4. М., 1983-1987.
- 48.Кто есть кто в политической жизни США: Биографический справочник. М., 1968. 309 с.
- 49.Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978. 686 с.
- 50.Лан В.И. Классы и партии в США. М., 1933. 635 с.
- 51.Очерки новой и новейшей истории США. Т. 1-2. / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 1960.
- 52.Сивачев Н. В., Язьков Е. Ф. Новейшая история США (1917-1972). М., 1972. 335 с.
- 53.США – экономика, политика, идеология. 1970-1980.
- 54.США: организационные проблемы управления. / Под ред. Мильнера Б. З. М., 1976. 280 с.
- 55.США: современные методы управления. / Под ред. Мильнера Б. З. Авторский коллектив: Г. А. Арбатов, Л. И. Евенко, Ю. В. Катасонов, Е. А. Чижов и др. М., 1971. 336 с.
- 56.Фурсенко А.А. Династия Рокфеллеров. Л., 1967. 295 с.

57. Юзефович И.С. Джордж Вашингтон и борьба за независимость Америки. М., 1941. 139 с.

I.5. Аудиовизуальные источники

58. Визит Н. С. Хрущева в США (1959). URL: <https://www.net-film.ru/film-5084/?search=q%D0%A5%D1%80%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B2%20%D0%B2%20%D0%A1%D0%A8%D0%90> (дата обращения: 20.05.2024)

59. Во имя мира на земле (Визит Л. И. Брежнева в США), 1973. URL: <https://www.net-film.ru/film-7309> (дата обращения: 20.05.2024).

60. Цикл документальных фильмов «Америка 70-х» из оцифрованной коллекции Гостелерадиофонда:

а. Америка 70-х. Калифорния сегодня (1974) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ytE_RDrsmMg&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=7 (дата обращения: 01.05.2024)

б. Америка 70-х. Город на Потомаке (1974) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Cvy2fYVs5iw&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=8 (дата обращения: 01.05.2024)

в. Америка 70-х. Филадельфия: прошлое и настоящее (1975) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: https://www.youtube.com/watch?v=cgfq1isLUUI&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=6 (дата обращения: 01.05.2024)

г. Америка 70-х. Холмы Сан-Франциско (1976) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=swdtgcaFess&list=PL0pIFbr8tO->

- [6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=5](https://www.youtube.com/watch?v=yI2_olezbbA&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=5) (дата обращения: 01.05.2024)
- e. Америка 70-х. Два Нью-Йорка (1976) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL:
https://www.youtube.com/watch?v=yI2_olezbbA&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=1 (дата обращения: 01.05.2024)
- f. Америка 70-х. На берегах Миссисипи (1976) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL:
https://www.youtube.com/watch?v=A7xo7rtSwwI&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=2 1 (дата обращения: 01.05.2024)
- g. Америка 70-х. Сталь и золото Питтсбурга (1978) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL:
https://www.youtube.com/watch?v=kBpTsRtUZ3E&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=3 (дата обращения: 01.05.2024)
- h. Америка 70-х. Загадки Далласа (1978) // // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL:
https://www.youtube.com/watch?v=LCQzMJd4kiM&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=4 (дата обращения: 01.05.2024)
- i. Америка 70 х Куда ведут дороги Лос-Анжелеса // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL:
https://www.youtube.com/watch?v=zmZMJvFVKiA&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=9 (дата обращения: 01.05.2024)

- j. Америка 70-х: Бостонские контрасты (СССР, 1976) // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL:
https://www.youtube.com/watch?v=PLPoVGarufU&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=10 (дата обращения: 01.05.2024)
- k. Америка 70-х. По Америке // // Советское телевидение. ГОСТЕЛЕРАДИОФОНД. URL:
https://www.youtube.com/watch?v=IBLdXU_SKzs&list=PL0pIFbr8tO-6cusdu2oMNBS7R7bAt_Xv0&index=11 (дата обращения: 01.05.2024)

I.6. Публицистика

61. Аджубей А. и др. Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н.С. Хрущева в США. 15-27 сентября 1959 года. М., 1960. С. 338.
62. Жизнь в мире и дружбе: пребывание Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева в США 15-27 сентября 1959 г. М., 1959.
63. Жуков Ю. США на пороге 70-х годов. М., 1970. 286 с.
64. Шведков Ю.А. США, 1968. М., 1968. 62 с.
65. Шведков Ю.А. США середины 70-х годов. М., 1974. 61 с.

I.7. Периодическая печать

66. Известия, 1968-1979 гг.
67. Правда, 1968-1979 гг.
68. The New-York Times, 1968-1979 гг.
69. The Washington Post, 1968-1979 гг.

II. Литература

70. Аванская В.А. Карибский кризис в эмоциональных репрезентациях американцев (на примере писем американских граждан Н.С. Хрущеву) // Россия и современный мир. №2 (119). 2023. С. 41-52.

71. Барт Р. Мифологии. М., 2014. 351 с.
72. Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945-1991 гг.): очерки истории. М., 2018. 336 с.
73. Берков А. А назавтра была война: автобиография на фоне исторических событий. // Обозреватель - Observer. 2007. №10. С. 116-127.
74. Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. 406 с.
75. Быстрова И.В. Холодная война, 1945-1960 гг. Токио – Москва – Вашингтон. М., 2009. 400 с.
76. Варфоломеев А.А., Иванов О.П., Сурма И.В., Трефилова Ю.А. Российская система внешнеполитической экспертизы // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13(5). С. 266-292.
77. Враг номер один в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны. / Под. ред. О.В. Рябова. М., 2023. 400 с.
78. Глазов А.А. В поисках взаимовыгодного сотрудничества: деятельность Бюро по нефти СЭВ в 1973-1978 гг. М., 2023. 264 с.
79. Годси К. Почему у женщин при социализме секс лучше: Аргументы в пользу экономической независимости. М., 2020. 218 с.
80. Давыдов В.М. Институт Латинской Америки РАН: полвека научной деятельности // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 3-14.
81. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М., 2010. 604 с.
82. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. М., 2020. 464 с.
83. Еленский А.В. Внутренняя и внешняя составляющие в истории отечественной внешнеполитической экспертизы // Южнороссийский журнал социальных наук. 2004. №3-4. С. 68-82.

84. Журавлева В. И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуристике в начале холодной войны (1947—1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 9 (119). URL: <https://history.jes.su/s207987840022753-7-1/>. DOI: 10.18254/S207987840022753-7 (дата обращения: 01.05.2024)
85. Журавлева В. И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028758-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840028758-2 (дата обращения: 01.05.2024)
86. Журавлева В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2013. №21 (122). С. 132-143.
87. Журавлева В.И. История взаимоотношений США с Российской империей / СССР / постсоветской Россией как академический проект в XXI в. // Американский ежегодник, 2021. М., 2022. С. 195-219.
88. Журавлева В.И. Общее прошлое русских и американцев: курс лекций. М., 2021. 617 с.
89. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы.1881-1914 г. М., 2012. 1136 с.
90. Журавлева В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024. Том 15. № 2. С. 20-45.
91. Журавлева В.И., Курилла И.И. «Не разжигать вражду, а способствовать взаимопониманию между народами»: Памяти Николая Николаевича Болховитинова, человека и ученого // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций, ред. В.И. Журавлева и И.И. Курилла. Волгоград, 2009. С. 370–401.

92. Зубок В.М. Коллапс. Гибель Советского Союза. М., 2023. 656 с.
93. Зубок В.М. Неудавшаяся империя. Советский Союз в Холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2011. 671 с.
94. Зубок В.М., Печатнов В.О. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. 2003. № 4. С. 143-150.
95. Зубок В.М., Печатнов В.О. Отечественная историография «холодной войны»: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. 2003. № 5. С. 140-148.
96. Иванян Э.Я. Когда говорят музы. История российско-американских культурных связей. М., 2007. 432 с.
97. Институт экономики Российской академии наук в лицах. / Отв. ред. М. И. Воейков М., 2020. 432 с.
98. Йоргенсен М.В., Филлипс Л. Дж. Дискус-анализ: теория и метод. Харьков, 2008. 352 с.
99. Карпюк С.Г. «Советская древность»: история науки и общества в 1930-1960-е годы. М., 2021. 411 с.
100. Кафедра Новой и новейшей истории: люди и традиции / Под ред. Л.С. Белоусова. СПб., 2020. 466 с.
101. Козенко Б.Д., Курилла И.И. Роберт Федорович Иванов (1925–2003) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 5. М., 2010. С. 270-283.
102. Кременюк В.А. Уроки Холодной войны. М., 2015. 320 с.
103. Куренков Г.А. «Особая папка»: обеспечение секретности в партии большевиков (1918-1920-е гг.) // Новый исторический вестник. 2008. №18. С. 79-85.
104. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013. 414 с.
105. Латур Б. Пастер. Война и мир микробов. СПб., 2015. 316 с.

106. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014. 384 с.
107. «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов / Отв. ред. М.А. Липкин. М., 2019. 332 с.
108. Медведев Р. Андропов. М., 2006. 480 с.
109. Медведев Р. Неизвестный Андропов. Политическая биография Юрия Андропова. М., 1999. 416 с.
110. Медведев Р. Юрий Андропов: Неизвестное об известном. М., 2004. 488 с.
111. Млечин Л.М. Юрий Андропов. Последняя надежда режима. М., 2008. 511 с.
112. Некрасов В.Л. «Дилемма Хрущева»: реформа Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы Холодной войны (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.). М., 2019. 174 с.
113. Носков В.В. Первые шаги американистики в Ленинграде // Всеобщая история и история культуры. Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 259–277.
114. Носков В.В. Петербургская американистика: основные этапы развития // Санкт-Петербург–США. 200 лет российско-американских дипломатических отношений. СПб., 2009. С. 184–212.
115. Носков В.В. Становление американистики в Санкт-Петербурге // Труды объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2006. СПб., 2007. С. 28–51.
116. Окончание Холодной войны в восприятии современников и историков: 1985-1991 / Под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М., 2021. 300 с.
117. Орлова И.Б., Попова А.Д. Олимпийский переполох: Забытая советская модернизация. М., 2020. 455 с.
118. Петров Н.В. Время Андропова. М., 2023. 786 с.
119. Печатнов В.О. Американистика в МГИМО // Вестник МГИМО. 2014. № 5 (38). С. 131-135.

120. Печатнов В.О. История и политика. М., 2022. 544 с.
121. Печатнов В.О. От союза - к холодной войне: советско-американские отношения в 1945-1947 гг. М., 2006. 183 с.
122. Пивоваров Н.Ю. Зерновой кризис 1963 г. в СССР и внешнеторговые коллизии его разрешения. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 1. С. 28-33.
123. Попкова Л.Н. Изучение истории США в Самарском государственном университете // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. Т. 1. Выпуск 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840000080-7-2/> (дата обращения 01.05.2024).
124. Попова О.Д. «Книга о вкусной и здоровой пище» в системе формирования новых социальных практик питания в 1920-30-е гг. // История: факты и символы. 2020. №4 (25). С. 21-31.
125. Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Под ред. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград, 2009. С. 181–206.
126. Садовая Г.М. Борис Дмитриевич Козенко (1927-2007) // Новая и новейшая история. 2009. № 6. С. 201-210
127. Сафронов А.В. Академия наук и новые подходы к планированию народного хозяйства в СССР (конец 1950-х - начало 1960-х годов) // Новая и новейшая история. 2024. № 1. С. 103-117.
128. Сафронов А.В. Бюрократические и технологические ограничения компьютеризации планирования в СССР // Экономическая политика. 2022. Т. 17. № 2. С. 120–145.
129. Сафронов А.В. Конкурентное взаимодействие Госплана СССР и академических экономистов в 1960-е - 1970-е годы XX века: причины и последствия // Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем. / Под ред. С.Д. Бодрунова. СПб., 2021. С. 382-390.

130. Сафронов А.В. Сотрудничество СССР со странами СЭВ в области плановой деятельности (1950-е — 1960-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Выпуск 11 (133). URL: <https://history.jes.su/s207987840029075-1-1/> (дата обращения: 01.05.2024)
131. Супян В.Б. «Мозговые центры» США: их роль и эволюция как независимых исследовательских организаций // США - Канада. Экономика, политика, культура. 2010. №1. 4-16 с.
132. Тарбеев И.М. Экспертно-академическая американистика в системе советской внешнеполитической экспертизы (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. №2. С. 10–21.
133. Таубман У. Горбачев. Его жизнь и его время. М., 2019. 768 с.
134. Таубман У. Хрущев. М., 2008. 912 с.
135. Упущенный шанс или Последний клапан? / Под науч. ред. Р.М. Нуреева. М., 2017. 352 с.
136. Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook. М., 2020. 736 с.
137. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. 416 с.
138. Черкасов П. П. ИМЭМО. Очерк истории. М., 2016. 872 с.
139. Черкасов П.П. ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. М., 2004. 572 с.
140. Шаттенберг С. «Разговор глухонемых»? Культура хрущевской внешней политики и визит канцлера Аденауэра в Москву в 1955 году // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/razgovor-gluhonemyh-kultura-hrushhevskoj-vneshnej-politiki-i-vizit-kanczlera-adenauera-v-moskvu-v-1955-godu.html> (дата обращения: 31.01.2024).
141. Шаттенберг С. Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы. М., 2011 г. 478 с.

142. Шаттенберг С. Леонид Брежнев: Величие и трагедия человека и страны. М., 2018. 819 с.
143. Шлыков В.В. Один в поле не воин // Россия в глобальной политике. 2007. №3. С. 132 – 147.
144. Шубин А.В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975-1985 гг. М., 2008. 352 с.
145. Щетинская Я.В. Экспертно-аналитические центры в США в первой половине XX в.: политические и социально-экономические контексты развития. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. №4. С. 99-109.
146. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М., 2018. 816 с.
147. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М., 2019. 664 с.
148. Язьков Е.Ф. Н.В. Сивачев и развитие школы научных исследований и преподавания истории Соединенных Штатов Америки в Московском университете // Памяти профессора Н.В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций. / Под. ред. профессора А.С. Манькина. М., 2004. С. 5-17.
149. Abelson D. Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes. Montreal, 2002. 246 p.
150. Adas M. Machines as the Measure of Men: Science, Technology, and Ideologies of Western Dominance. Ithaca, 1990. 450 p.
151. Ahmed M. U.S Think Tanks and the Politics of Expertise: Role, Value and Import. // The Political Quarterly. 2008. Vol. 79. October-November. № 4. P. 529 – 555.
152. Beyond the Divide: Entangled Histories of Cold War Europe. / Ed. by S. Mikkonen, P. Koivunen. N.Y., 2015. 335 p.
153. Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St. Brieuc Bay // Power, Action, and Belief: A New Sociology of Knowledge? / Ed. by J. Law. London, 1986. P. 196-233.

154. Callon M. *The Sociology of an Actor-Network: The Case of the Electric Vehicle*. // *Mapping the Dynamics of Science and Technology: Sociology of Science in the Real World*. / Ed. by M. Callon, J. Law, and A. Rip. Houndmills, 1986. P. 19-34.
155. Cannadine D. *The Decline and Fall of the British Aristocracy*. L., 1990. 848 p.
156. Carley M.J. *Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations*. Lanham, 2014. 478 p.
157. Costigliola F. *Kennan: A Life between Worlds*. Princeton, 2023. 648 p.
158. Davis D. E., Trani E. P. *Distorted Mirrors: Americans and Their Relations with Russia and China in the Twentieth Century*. Columbia, 2009. 496 p.
159. Diamond J. *Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies*. N.Y., 1997. 480 p.
160. Engerman D. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. L., 2009. 480 p.
161. Engerman D. *Modernization from the Other Shore*. L., 2003. 410 p.
162. Fianberg D. *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore, 2020. 376 p.
163. Foglesong D. *The American Mission and the "Evil Empire": The Crusade for a 'Free Russia' since 1881*. Cambridge, 2007. 364 p.
164. Gaddis J.L. *Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History*. N.Y., 1990. 384 p.
165. Gaddis J.L. *The Cold War. A New History*. N.Y., 2005. 254 p.
166. Gaddis, J. L. *George F. Kennan: An American Life*. N.Y., 2011. 800 p.
167. Gilman N. *Mandarins of the Future. Modernization Theory in Cold War America*. Baltimore and London, 2003. 329 p.
168. Griswold L.R. "Russian Blonde in Space": Soviet Women in the American Imagination, 1950-1965 // *Journal of Social History*. 2012. Vol. 45. N. 4. P. 881-907.

169. Haas R. Think Tanks and U.S. Foreign Policy: A Policy-Maker's Perspective, November 1. 2002. // URL: <http://2001-2009.state.gov/s/p/rem/15506.htm> (дата обращения: 01.05.2024)
170. Hixson W.L, Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War: 1945-1961. N.Y., 1998. 283 p.
171. Hohman V.J. Russian Culture and Theatrical Performance in America: 1891-1933. N.Y., 2011. 220 p.
172. Hudson J. M. Iron Curtain Twitchers: Russo-American Cold War Relations. Lanham, 2018. 368 p.
173. Kochetkova E. The Soviet Forestry Industry in the 1950s and 1960s: A Project of Modernization and Technology Transfer from Finland. Helsinki, 2017. 88 p.
174. Kubilay Y.A. Think Tanks: The Brain Trusts of US Foreign Policy. Grafelfing, 2014. 95 p.
175. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton, 1987. 296 p.
176. Law J. Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience. Durham, 2002. 239 p.
177. Leffler M. P. For the Soul of Mankind: The United States, the Soviet Union, and the Cold War. N.Y., 2007. 608 p.
178. Magnusdottir R. Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945-1959. Oxford, 2019. 256 p.
179. McGann J.G. Think Tanks and Policy Advice in the US: Academics, Advisors and Advocates. N.Y., 2007. 212 p.
180. Michael Jabara Carley. Silent Conflict. A Hidden History of Early Soviet-Western Relations // H-Diplo Roundtable Review. Vol. XVI, No. 10. 2014. URL: <https://networks.h-net.org/system/files/contributed-files/roundtable-xvi-10.pdf> (дата обращения: 19.05.2024).
181. Mitchell T. Colonizing Egypt. Berkeley, 1991. 240 p.

182. Music, Art and Diplomacy: East-West Cultural Interactions and the Cold War. / Ed. By S. Mikkonen, P. Suutari. L., 2016. 200 p.
183. Onuf N. World of Our Making. Rules and Rule in Social Theory and International Relations. Columbia, 1989. 341 p.
184. Péteri G. Nylon Curtain Transnational and Transsystemic Tendencies in the Cultural Life of State-Socialist Russia and East-Central Europe // Slavonica. 2006. №10. P. 113-123.
185. Reconsidering Stagnation in the Brezhnev Era: Ideology and Exchange / Ed. by D. Fainberg and A.M. Kalinovsky. Lanham, 2016. 220 p.
186. Rich A. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise. Cambridge, N.Y., 2004. 270 p.
187. Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain. University Park, 2003. 264 p.
188. Roger H. Americanism and the Economic Development of Russia // Comparative Studies in Sociology and History. 1981. Vol. 23. Issue. 3. P. 382–420.
189. Roh K. D. Stalin's Economic Advisors: The Varga Institute and the Making of Soviet Foreign Policy. L., 2018.
190. Said E. W. Orientalism: Western conceptions of the Orient. N.Y., 1995. 396 p.
191. Semba R. D. The Rise and Fall of Protein Malnutrition in Global Health. // Ann Nutr Metab. 2016. №69 (2). P. 79–88.
192. Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life. Princeton, 1985. 440 p.
193. Shen Z., Alitto G. A Historical Examination of the Issue of Soviet Experts in China: Basic Situation and Policy Changes. // Russian History. 2002. Vol. 29. N 2/4. P. 379. URL: <http://www.jstor.org/stable/24660793>. (дата обращения: 01.05.2024)

194. Soviet Studies in the United States, *Amerikanistika* in Russia: Mutual Representations in Academic Projects / Ed. by I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. Lanham, 2016. 306 p.
195. Stone L. Prosopography // *Daedalus*. Vol. 100. № 1. 1971. P. 46–79.
196. Tarbeev I.M. Orientalization of America: The Soviet Imagination of the American ‘Other’ and Modernization in Brezhnev’s Era // *Journal of Russian American Studies*. 2022. Vol. 6. №2. P. 146-158.
197. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume 1 / Ed. by A.H.M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1971. 1170 p.
198. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume 2 / Ed. by A.H.M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1980. 1385 p.
199. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume 3A / Ed. by A.H.M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1992. 804 p.
200. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume 3B / Ed. by A.H.M. Jones, J. R. Martindale, J. Morris. Cambridge, 1992. 822 p.
201. The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. / Ed. by A. Appadurai. Cambridge, 1986. 339 p.
202. Tsvetkova N. The Cold War in Universities. U.S. and Soviet Cultural Diplomacy 1945-1990. Leiden, 2021. 264 p.
203. Verdery K. My Life as a Spy: Investigations in a Secret Police File. Durham, 2018. 344 p.
204. Verdery K. Secrets and Truths: Ethnography in the Archive of Romania’s Secret Police. Budapest, 2014. 310 p.
205. Zhuk S. KGB Operations against the USA and Canada in Soviet Ukraine, 1953-1991. N.Y., 2022. 260 p.
206. Zhuk S. Nikolai Bolkhovitinov and American Studies in the USSR. People's Diplomacy in the Cold War. Lanham, 2017. 294 p.

207. Zhuk S. *Soviet Americana: The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists*. L., 2018. 352 p.
208. Zhuravleva V.I. *The Study of the History of US-Russia Relations in the 21st Century on Both Sides of the Atlantic: Research Approaches and Methods* // *Новая и новейшая история*. 2022. №4. P. 29-54.
209. Zubok V.M. *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. New Haven, 2021. 535 p.

Приложения

Приложение 1

Карьерные траектории советских внешнеполитических экспертов, которые работали консультантами под руководством Ю.В. Андропова в Отделе по связям с коммунистическими партиями социалистических стран в 1960-е гг.⁵⁹⁰

ФИО	Год рождения	Образование	Аспирантура	Работа в 1950-е	Работа в газетах\журналах	В ЦК КПСС	После ЦК КПСС	Институт РАН
Бурлацкий Ф.М.	1927	Ташкентский юридический институт (1947)	Институт права АН СССР (1951)	Ученый секретарь редакционно-издательского совета по общественным наукам Президиума АН (1952-1964)	Международный отдел журнала «Коммунист»	Глава группы консультантов	Политический обозреватель «Правды» (1965-1967 гг)	С.н.с. ИМЭМО (1967-1969) в секторе А.А. Галкина Зам. директора Института конкретных социальных исследований (1969-1971) Институт общественных наук при ЦК КПСС (1971—1989)

⁵⁹⁰ Таблица создана преимущественно на основе мемуаров экспертов, где они подробно описывают свою биографию и своих коллег: Арбатов Г.А. Человек системы. М., 2015; Арбатов Г.А. Моя эпоха в лицах и событиях: автобиография на фоне исторических событий. М., 2007; Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: о Хрущёве, Андропове и не только о них. М., 1990; Бовин А.Е. XX век как жизнь. М., 2003; Шахназаров Г.Х. С вождями и без них. М., 2001; Черняев А.С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. В качестве дополнительных источников были использованы: Российское китаеведение – устная история: сборник интервью с ведущими китаеведами XX-XXI вв. Т. 1. М., 2018. С. 116-165; Некролог Н.В. Шишлина // Коммерсант, 18.02.1994. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/71568> (дата обращения 01.05.2024); Геннадий Иванович Герасимов. Биографическая справка. // РИА Новости, 17.09.2010. URL: <https://ria.ru/20100917/276626293.html> (дата обращения 01.05.2024).

Бовин А.Е.	1930	Юридический факультет Государственного университета Ростова-на-Дону (1953)	Философский факультет МГУ (1959)	Народный судья г. Хадыженская Краснодарского края	Научный консультант редакции философии журнала «Коммунист»	Консультант, позже руководитель группы консультантов (1963-1972)	Политический обозреватель «Известий» (1972-1991)	-
Арбатов Г.А.	1923	МГИМО (1949)	МГИМО (1954)	Старший научный редактор «Издательства иностранная литература» (1949-1953)	Журналы «Вопросы философии» (1953-1957), «Новое время» (1957-1959), консультант в «Коммунисте» (1959-1960), обозреватель в «Проблемах мира и социализма» (1960-1963) 1963-1964 – зав. сектором мировой экономики и международных отношений ИМЭМО.	Консультант, затем глава группы консультантов (1964-1967)	Директор Института США АН СССР (1967-1995)	
Шахназаров Г.Х.	1924	юр. факультет Азербайджанского государственного университета (1949)	Институт права АН СССР (1952)	Издательство «Политиздат» (1952-1960)	Журналы «Политическое самообразование», «Проблемы мира и социализма» (1960-1964)	Консультант, затем зам. заведующего Международного отдела (1964-1988)	Помощник по международным делам Генерального секретаря (1988)	-
Делюсин Л.П.	1923	Московский институт востоковедения (1950)	Академия общественных наук при ЦК КПСС (1961)	Иностраннный корреспондент, обозреватель «Правды» (1950-1958) Редактор-консультант «Проблем мира и социализма» (1958-1959)		Консультант-референт (1960-1965)	зам. директора по научной работе Института экономики мировой социалистической системы (1965-1966) зам. директора по научной работе Института международного рабочего движения (1966-1970) заведующий отделом Китая Института востоковедения (1967-1990) директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) (1970-1972)	
Богомолов О.Т.	1927	Институт внешней торговли Министерства внешней торговли СССР (1949)	НИЭИ Госплана (1957) ⁵⁹¹	Зав. Сектором НИЭИ Госплана (1957-1964)	-	Консультант (1964-1969)	Директор Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (1969-1998)	

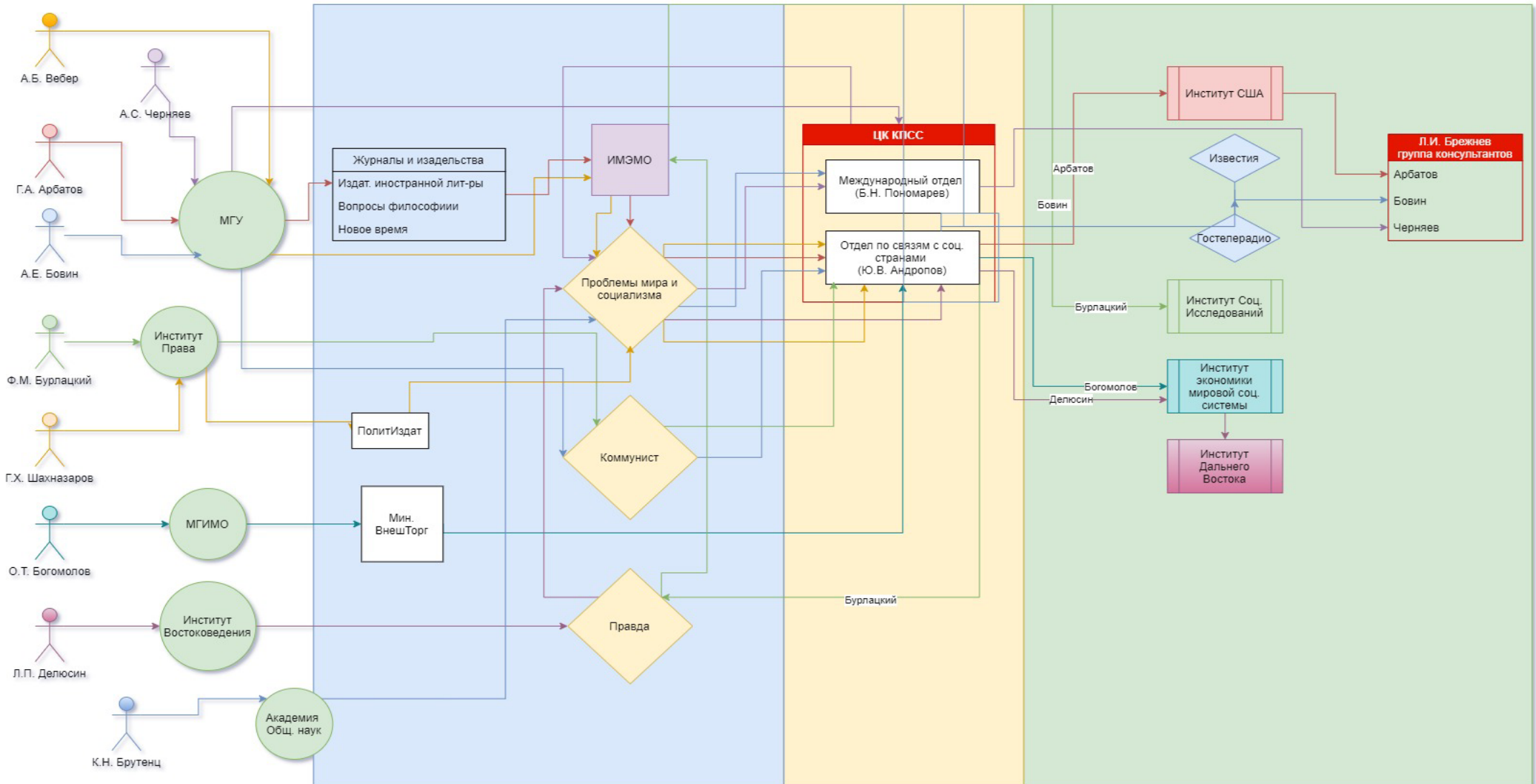
⁵⁹¹ Институт экономики Российской академии наук в лицах. / Отв. ред. М. И. Воейков М., 2020. С. 51

Шишлин Н.В.	1926	МГИМО (1951)	-	Общество «Знание», преподаватель в Московском текстильном институте		Консультант (1960? – 1990)	Политический обозреватель «Правды» (с 1991)	-
Герасимов Г.И.	1930	МГИМО (1953)	-	Журнал «Новое время», газета «Труд», журнал «Проблемы мира и социализма»		Консультант (1964-1967)	1967-1977 – политический обозреватель Агентства печати «Новости»; с 1972 собственный корреспондент АПН в США С 1978 – ведущий «Международной панорамы» 1983-1986 – главный редактор «Московских новостей»	-
Петренко Ф.Ф.	?	?	?	Журнал «Коммунист»	Консультант с 1964 г.			
Федоров Р.П.	?	?	?	?	?	?	?	?
Коликов П.Л.	?	?	?	?	?	?	?	?
Александров В.А.	?	?	?	?	?	?	?	?

Пекшев Ю.А.	?	?	?	?	?	?	?	?
Сенин М.В.	?	?	?	?	?	?	?	?

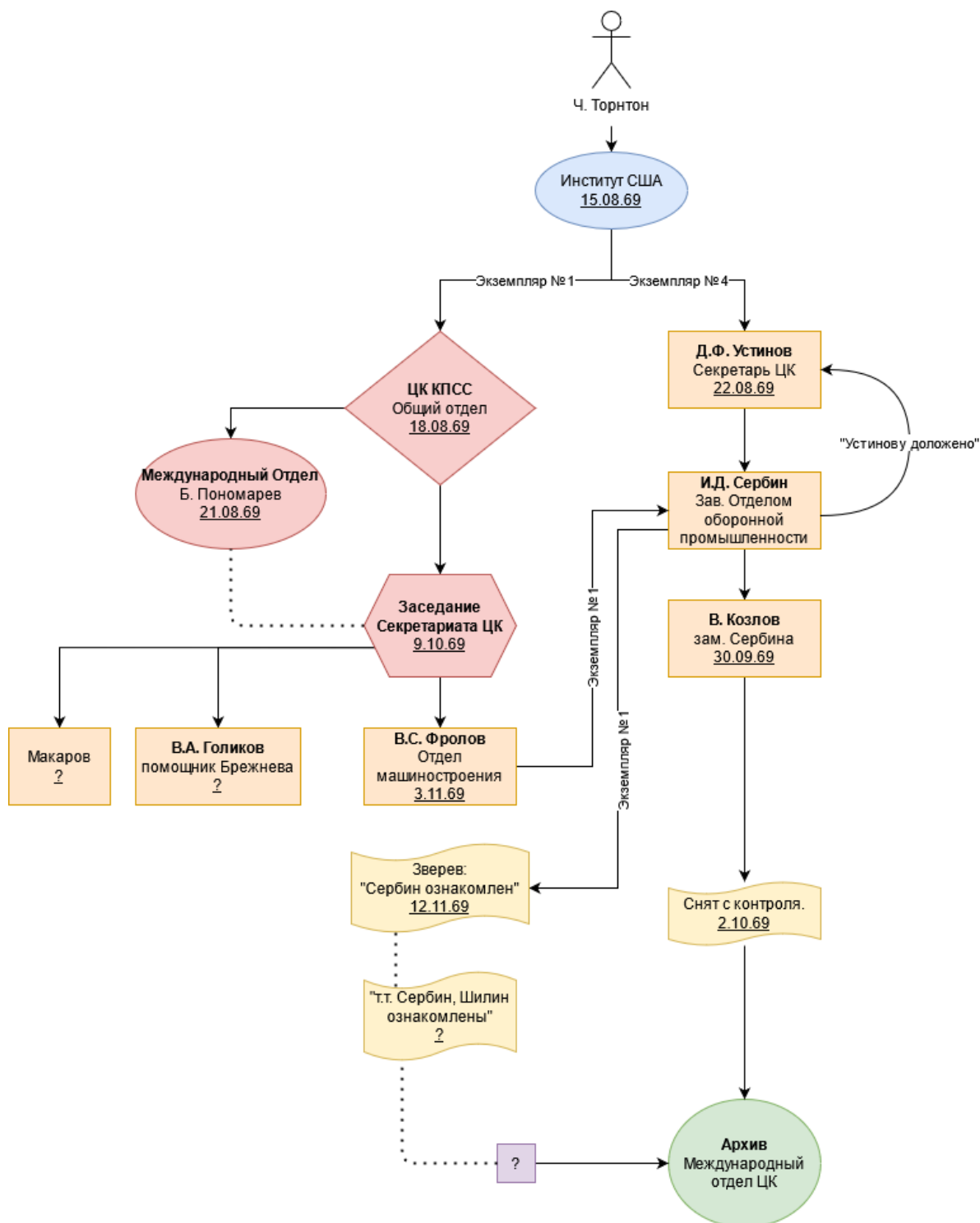
Приложение 2

Фазы развития института советской внешнеполитической экспертизы, реконструированные на основе коллективной биографии консультантов ЦК КПСС.

Приложение 3

«Жизнь» двух экземпляров экспертной записки Института США и Канады, содержащей отчет о визите американского бизнесмена Ч. Торнтон в СССР⁵⁹².

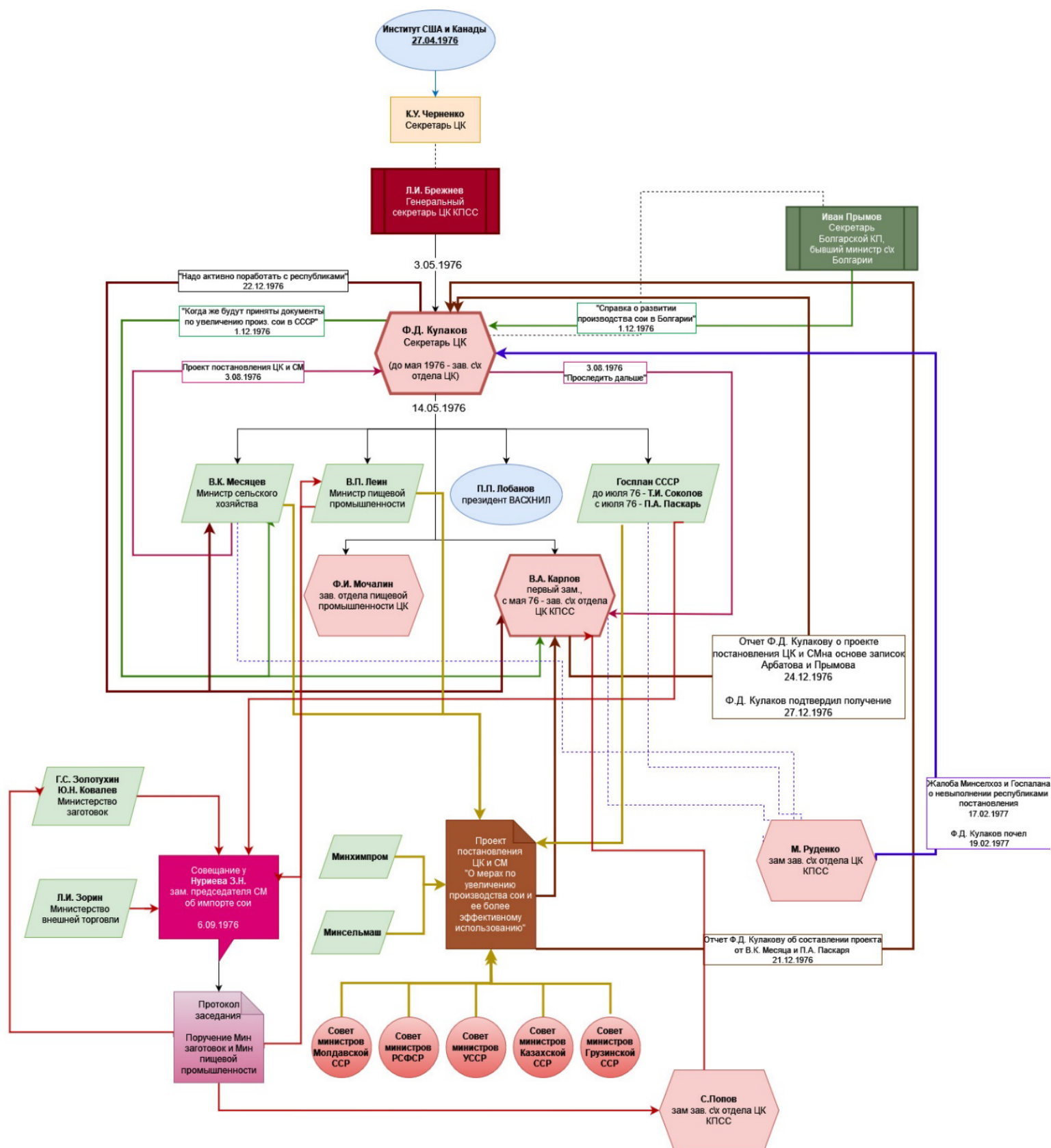

⁵⁹² Арбатов Г.А. «О пребывании в СССР Ч. Торнтон – председателя правления компании “Литтон Индастриз”». 15 августа 1969 г. // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 558. Л. 119-143.

Пунктирными линиями обозначен предположительный путь записки. Фиолетовый блок со знаком вопроса обозначает неизвестные этапы жизни Экземпляра №1: между последней отметкой на титульном листе и архивом Международного отдела.

Приложение 4

Процесс внедрения рекомендаций Института США и Канады о возделывании сои в Советском Союзе⁵⁹³.

⁵⁹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1030. Л. 1-30.

Пунктирными линиями обозначены предположительные связи. Тонкими черными стрелками – первый этап проекта (рассылка записки Института США и Канады по заинтересованным участникам). Малиновые стрелки маркируют второй этап проекта (выработка первого чернового варианта постановления). Красными стрелками отмечены участники совещания у Нуриева по вопросам импорта сои. Судьба справки из Болгарии показана зелеными стрелками. Наконец, желтые стрелки маркируют участников работы над финальной версией проекта постановления, а коричневые – процесс согласования этого варианта.